

Публикация книги на сайте
библиотеки появилась благодаря
- Михаилу Котлярову.
forum.vgd.ru (mkotlyarov)

book-olds.ru

Морская летопись

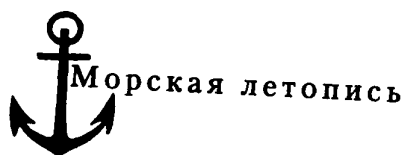

**ПОСЛЕДНЯЯ ГАВАНЬ
БЕЛОГО ФЛОТА**

**ПОСЛЕДНЯЯ
ГАВАНЬ
БЕЛОГО
ФЛОТА**

Н.А. Черкашин

Н.А. Черкашин

ПОСЛЕДНЯЯ ГАВАНЬ БЕЛОГО ФЛОТА

От Севастополя до Бизерты

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612
Ч48

Черкашин, Н.А.

Ч48 **Последняя гавань Белого флота. От Севастополя до Бизерты / Н.А. Черкашин. — М.: Вече, 2015. — 352 с. : ил. — (Морская летопись).**

ISBN 978-5-4444-2794-1

Знак информационной продукции 12+

Новую книгу известного писателя-мариниста Николая Черкашина открывает документальная повесть о тяжелом и опасном переходе капитана И.И. Ризнича и его команды на подводной лодке «Святой Георгий» из Италии в Архангельск в 1917 году. Один из разделов книги — «Исходъ и походъ» посвящен русской военной эмиграции, точнее русскому Исходу в 1920-м и более поздних годах. В ее основу положен путевой дневник автора, написанный во время уникального Морского похода по местам русского рассеяния, который прошел в 2010 году в Средиземном море под эгидой Фонда Всехвального Апостола Андрея Первозванного.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-4444-2794-1

© Черкашин Н.А., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

ПО СЛЕДАМ «СВЯТОГО ГЕОРГИЯ»

Люби далекий парус корабль .

Максимилиан Волошин

СТАРАЯ СЕНСАЦИЯ

Для меня эта история началась в доинтернетные времена в Москве, на книжном кладбище близ Преображенского рынка. Сторож районного склада макулатуры разрешил порыться в горе книг, журналов, газет, сданных в обмен на «Французскую волчицу» или «Черного консула».

Я и подумать не мог, что там, за складским забором, под мелким осенним дождичком, поиск книжных диковинок, по недомыслию принесенных в жертву «Волчице», обернется для меня событиями куда более увлекательными, чем интриги французского двора.

Дома, разбирая находки — подмоченный том «Морской гигиены», «Справочник по реактивным самолетам» и бесплатное приложение к газете «Рабочая Москва» с повестью Новикова-Прибоя «Соленая купель», — я обнаружил и кусок дореволюционной газеты с оторванным названием. Внимание мое привлекла маленькая заметка собственного корреспондента Петроградского телеграфного агентства в Риме, датированная 23 сентября 1914 года:

«С судостроительной верфи “Фиат” в Специи угнана подводная лодка, строящаяся по заказу русского флота. Похитителем является отставной итальянский морской офицер Беллони, известный своим франкофильством и русофильством.

Им оставлено на имя правления верфи письмо, в котором он просит отложить окончательное суждение о его поступке, обещая прислать объяснение из первого же порта. Знающие его лица говорят, что Беллони спокойный, уравновешенный человек. Правление верфи, как это ни странно, узнало о пропаже только спустя 8 часов. Итальянское правительство открыло по этому делу следствие».

Заметка обрывалась, как бутылочное письмо в жюль-верновском романе, заставляя гадать, домысливать... Прислал ли Беллони объяснение своему поступку «из первого же порта»? Зачем и куда угнал итальянец русскую подводную лодку? Да и чем кончилась вся эта необычная история?

Видимо, в последующих номерах газеты были новые сообщения корреспондента ПТА... Вспоминаю: этот обрывок я извлек наудачу из картонной коробки с надписью «Вермут». Коробка осталась в левом углу навеса, рядом с прессовочным станком.

Утром заглядываю на склад. Коробка на месте. Роюсь в кипе старых «Работниц»... Чьи-то медицинские конспекты в ветхих газетных обложках. Вот с этого я оборвал клоч с заметкой... Бережно снимаю одну обертку, другую... Удача почти невероятная! В уголке газетной полосы читаю: «К угону русской подводной лодки. Рим, 28/9 (Соб. корр. ПТА). Отставной мичман Анжелло Беллони, угнавший с верфи “Фиат” подводную лодку, строящуюся для русского флота, заявил о своем намерении поднять на ней российский флаг и вступить в войну против Германии на стороне Российской империи».

Старая сенсация сохранила свой заряд до наших дней. Шутка ли — угнать подводную лодку?! Не самолет, не танк —

подводный корабль. Впрочем, в более поздние времена угоняли и подлодки. Последняя попытка была сделана несколько лет назад в Сан-Франциско. Группа неизвестных лиц пыталась увести в море подводный атомоход, чтобы произвести ракетный залп по атлантическому побережью США.

Но это политический гангстеризм, авантюра на грани безумия.

Поступок же Беллони при всей своей сумасбродности, бесспорно, был совершен из лучших побуждений. Можно понять молодого офицера, наделенного к тому же южным темпераментом: Россия ведет борьбу с заклятым врагом Италии — Австро-Венгерской империей, а правительство родной страны всеми мерами пытается сохранить позорный — в глазах рвущегося в бой мичмана — нейтралитет. О, он сумел преподать хороший урок — должно быть, казалось Беллони — своим адмиралам, своему правительству!

Я невольно проникся симпатией к этому дерзкому моряку. Видимо, характерец у него был еще тот, если его в мичманском звании перевели в запас и отправили подальше от боевого флота — на судостроительный завод.

Наверное, вся эта история так бы и осталась для меня курьезом, забытой сенсацией, если бы через неделю мне не выпала командировка в Италию — поход в Средиземное море с отрядом балтийских кораблей.

Вообще-то узнавать о судьбе Анжелло Беллони и его подводной лодки надо было именно в Специи, где строилась лодка, но командировка предусматривала посещение только двух итальянских городов — Ливорно и Флоренции. Спрашивать в чужой стране наугад: «А не знаете ли вы человека, жившего полвека назад?» — дело куда как безнадежное. Единственное место в Ливорно, где могли хоть что-то слышать об истории с угоном русской субмарины, — это судостроительная верфь «Орландо».

...Выгадав время поближе к концу рабочей смены, прошу шофера остановиться у ворот судоверфи. Со мной наш переводчик. Выбираем в потоке рабочих самых пожилых. Вот, кажется, этот, в синем комбинезоне, с висками, заросшими серебряным волосом.

— «Фиат»? — переспросил рабочий переводчика. — Беллони? Угон лодки?

По выражению лица было видно, что обо всем этом мой собеседник слышит первый раз. Но уходить просто так он не собирался.

— Витторио! — окликнул он из толпы высокого старика в кепи с длиннющим козырьком. И пока старик пробирался к нам, новый наш знакомый рассказал, что Витторио еще до войны — Второй мировой, разумеется, — строил корабли по русским, то есть по советским, заказам и что знаменитый лидер черноморских эсминцев «Ташкент» спущен именно здесь, со стапелей «Орlando».

Витторио тоже ничего не знал о давнем событии, но он остановил еще нескольких своих коллег, и вскоре возле нас собралось довольно шумное общество. На меня поглядывали с любопытством и чуточку сочувственно, так, как будто это у меня лично угнали семьдесят лет назад подводную лодку.

— Беллони, Беллони? — повторялось на все лады. — Специя, «Фиат»...

И все пожимали плечами.

Ничего не оставалось, как распрощаться и поблагодарить всех по меньшей мере за отзывчивость, за готовность помочь... Мы возвращались в порт пешком — до стоянки нашего корабля рукой было подать, как у памятника «Четырем маврам» нас нагнал чернокудрый парень в полосатой майке и что-то быстро-быстро стал говорить переводчику. Тот достал блокнот, и парень начертил в нем схему со стрелками.

— Он говорит, — пояснил переводчик, — что какой-то Беллони, старый-престарый старик, живет во Флоренции, и нарисовал, как его отыскать.

Это была слишком невероятная удача, чтобы в нее можно было поверить. Ну, пусть это не сам Беллони, а в лучшем случае кто-то из его родственников, все равно ведь что-то можно будет узнать.

Я с трудом дождался следующего дня, когда огромный автобус повез наших матросов на экскурсию в город Данте и Микеланджело.

Во Флоренции, уловив момент, мы с сотрудником нашего консульства, которого тоже заинтересовала история с подводной лодкой, разыскали дом, указанный в блокноте, поднялись по железной лестнице — площадки ее выходили во двор наподобие балконов — на самый верхний этаж и там, на двери с искомым номером, нажали рычажок старого велосипедного звонка, привернутого прямо к ручке.

Дверь открыла пожилая черноволосая женщина в пластиковом переднике. Узнав, что нам нужен Беллони, она провела нас к отцу — сухонькому лысому старцу, который, несмотря на свои восемьдесят лет, сохранил и блеск в глазах, и ясную память.

С первых же фраз выяснилось, что Уго Беллони, так звали хозяина комнаты, никакого отношения к своему однофамильцу Анжелло Беллони не имеет. Более того, в их роду никогда не было моряков, все мужчины занимались стекольным ремеслом. Лично он сам, Уго Беллони, мастер высшего класса по шлифовке линз и прочих оптических деталей. И уж если мы, русские, интересуемся «Сан-Джорджио» — так, сказал он, называлась подводная лодка, строившаяся для России, — то он может сообщить, что перед Первой мировой войной их фирма «Оффичине Галилео» выпускала перископы и прожекторы по заказам русского флота. Он сам, Уго Беллони, — это было первое его самостоятельное дело — изготавливал линзы

для клептоскопа подводной лодки «Сан-Джорджио», или, как называлась она поначалу, «Р-1» — «Фиат».

Увлечшись воспоминаниями, старик нарисовал нам схему клептоскопа и объяснил, чем этот оптический прибор отличается от перископа: у перископа для обзора горизонта поворачивается вся труба со вставленными в нее призмами, у клептоскопа — лишь одна оптическая головка.

Однако ничего больше старый мастер рассказать не мог.

Ну что ж, и это надо было считать удачей. Я видел человека, который реально соприкасался с кораблем, существовавшим для меня лишь в виде утешающего типографского текста на ломкой от времени газетной бумаге. По крайней мере теперь я знаю название подводной лодки — «Сан-Джорджио».

Лиха беда начало! Квартирка старого оптика на флорентийской улочке была первой вехой на бесследном теперь уже пути «Сан-Джорджио» и его канувшей в Лету команды.

Еду, еду, следу нету... Это про лодку. Любую. А про подводную?.. Но есть еще два моря, в которых следы кораблей живут много дольше, чем кильватерная струя. Первое — море бумажное: валы отчетов, воспоминаний, газетных статей, архивных документов, морских карт, книг... Второе — память рода людского, живая память очевидцев и участников, память видевших. Если в первом еще есть лоцманская служба — библиографы и архивариусы, то второе — стихийно и непредрекаемо. Тут вся надежда на цепочку воспоминаний, на то, что она не прервется, когда один называет другого...

ПОДРУЧНЫЙ «ЧЕРНОГО КНЯЗЯ»

На следующий день после визита к Уго Беллони в ливорненской военно-морской академии состоялся прием советских моряков. Надо сказать, что это единственное в Италии учебное заведение, которое готовит офицеров для военно-морского флота.

В больших прохладных залах, сервированных а-ля фуршет, итальянские гардемарины угощали калининградских курсантов пищей и кьянти. То тут, то там возникали группки, которые пытались преодолеть языковой барьер с помощью английских фраз, мимики и жестов.

Моим соседом оказался один из преподавателей академии, пожилой тененто ди фрегатто¹. Он попивал свое кьянти сам по себе, ничуть не проявляя итальянской живости и общительности. Чтобы не выглядеть таким же букой, я задал ему несколько праздных вопросов, на которые он ответил с официальной вежливостью.

Я спросил его, слышал ли он что-нибудь о «Сан-Джорджио».

— «Сан-Джорджио»? — переспросил тененто ди фрегатто. — Разумеется. Это учебный корабль нашей академии.

У меня прыгнуло сердце: неужели подлодка сохранилась?!

— Подводный корабль? — уточнил я.

— Нет, надводный. Он был построен в сорок третьем году.

Про подводную лодку «Сан-Джорджио» мой собеседник ничего не слышал, что было вполне понятно. События в Специи произошли тогда, когда тененто ди фрегатто еще не было на свете. Но едва я назвал имя Анжелло Беллони, лицо офицера оживилось:

— О, вы слышали о нашем *padrino*?² Да-да, мне посчастливилось застать старика. В сорок втором я был у него курсантом. Правда, Беллони оглох, почти ничего не слышал, но в подводном деле соображал за троих. Синьор Боргезе его очень ценил.

Так я узнал, что Беллони, некогда экспансивный мичман, с годами остепенился и стал изобретателем в области подводного плавания. Он предложил новый тип гидрокостюма, строил карликовую подводную лодку для высадки подводных

¹ Капитан 2-го ранга.

² *Padrino* (итал.) — дедушка.

диверсантов. С началом Второй мировой войны Беллони, оглохший в экспериментах с новым снаряжением, был назначен руководителем «Подводного центра», затем возглавлял школу боевых пловцов, находившуюся здесь, в Ливорно.

Много позже я нашел всему этому подтверждение в мемуарах «черного князя» — главаря подводных диверсантов итальянских ВМС Валерио Боргезе.

Больше всего меня удручило то, что Беллони работал у Боргезе и на Боргезе, на его «людей-лягушек», водителей человекоуправляемых торпед. Разумеется, он был просто специалистом, изобретателем «вне политики», он был солдатом, не обсуждающим приказов, как сказал бы о нем адвокат, окажись Анжелло Беллони на скамье военных преступников. Но престарелый изобретатель и его патрон князь Валерио Боргезе, отправивший на дно с помощью магнитных и прочих мин не один английский корабль, ушли от правосудия союзников куда как легко.

После приема в актовом зале нас провели по академии.

Академическая башня с часами внесена в лоции Лигурийского моря как навигационный ориентир. Море рядом. Но мачты с подвязанными парусами — они вздымаются над крышей учебного корпуса — неколебимы ни волной, ни ветром. Старая баркентина врыта в землю по фальшборт и превращена в наглядное пособие по морской практике.

Гид о чем-то рассказывает, а я никак не могу отделаться от мысли, что по этим вот плитам шагал главный подводный пират Средиземноморья князь Валерио Боргезе, в этих благочестивых стенах он был вскормлен и воспитан.

Головорезы Боргезе — это звучит почти в рифму, — водители человекоуправляемых торпед, топили английские корабли и в Александрии, и на Мальте, и в Гибралтаре... Как могла родиться дьявольская идея человека-торпеды под таким щедрым солнцем, в такой жизнерадостной стране? Но ведь и картины Дантова Ада родились на этой земле.

Входим в церковь военно-морской академии, встроенную в учебный корпус. Небольшой зал из желто-кофейного мрамора. Цветные витражи с парусниками. В алтарных окнах изображения крестов с приросшими книзу якорными лапами. Якорные кресты или крестовые якоря.

В красных лампадах бьется живой огонь. На правой стене — барельеф святой Варвары, покровительницы оружия на море. На левой — огромная мраморная карта Средиземного и Черного морей. На ней помечены все итальянские корабли, погибшие в обеих мировых войнах. Возле Крыма несколько черных значков — катера диверсантской флотилии МАС, уничтоженные защитниками Одессы и Севастополя. На мраморных досках выбиты фамилии всех погибших офицеров.

Сюда, в легкий полумрак и благоговейную тишину, доносятся сквозь нетолстую алтарную переборку вопли спортзала.

Через стенку, в аудиторном классе, другая мемориальная карта: «Корабли, потопленные итальянцами». Возле Крымского полуострова несколько пометок: «Подводная лодка типа “Декабрист”», «Подводная лодка типа “Щука”»... И странно и больно видеть родные слова, выписанные чужими буквами, да еще на такой карте...

Гид бесстрастно напоминает, что в Черном море во время прошлой войны действовали шесть итальянских подводных лодок. Но самое интересное открылось мне в зале гардемаринской столовой. Взглянув на две большие картины, висевшие по соседству — у входа, я уже не смог от них отойти.

На одном полотне был изображен линкор-красавец «Джулио Чезаре», ведущий огонь на полном ходу¹. После капитуляции

¹ Особенными подвигами «Джулио Чезаре» во Вторую мировую войну не прославился. Судя по всему, на картине был запечатлен короткий бой 9 июля 1940 года возле мыса Стило с английскими кораблями, прикрывавшими конвой на Мальту. В том бою «Чезаре» получил повреждения.

фашистской Италии он был передан по репарациям одной из союзнических стран. Сдача без боя такого огромного корабля, как линкор, — укол весьма чувствительный для национальных амбиций. Князь Боргезе публично поклялся, что «позорное пятно с итальянского морского флага будет смыто». Через несколько лет на реквизированном линкоре при не выясненных до сих пор обстоятельствах произошел взрыв. Корабль затонул, унеся с собой сотни жизней. Вторая картина, вывешенная рядом, как раз и подтверждала гипотезу подводной диверсии с целью «искупления национального позора». На полотне в темно-зеленых фосфоресцирующих красках глубины восседают верхом на торпеде два аквалангиста. Их лица в масках. Волосы развеваются в воде, а кажется, будто они стоят дыбом от ужаса, и от этого тебя самого пробирает легкая дрожь. Оба диверсанта уже под днищем корабля. Один из них держится за бортовой киль, другой крепит зажим для мины. Зритель смотрит на них снизу вверх, будто сквозь смотровой иллюминатор субмарины, высадившей боевых пловцов и теперь парящей в глубине.

«Джулио Чезаре» погиб в одном из портов Средиземноморского региона в октябре 1955 года. До сих пор причина этой крупнейшей катастрофы остается загадочной. Есть предположение, что под линкором сработала невытравленная немецкая электромагнитная мина. Но ведь «Чезаре» взорвался на якорной бочке, куда он становился не раз и не два...

Здесь, в Ливорно, я узнал еще один факт, который, как мне кажется, косвенно подтверждает гипотезу подводной диверсии. Дело в том, что в 1955 году ливорненская фирма «KoS.MoS» спроектировала и построила две сверхмалые подводные лодки: SX-404 и SX-506. Габариты последней — SX-506 — относительно «сверхмалые»: длина ее 23 метра, надводное водоизмещение 70 тонн. С экипажем в пять человек эта лодка могла пройти без дозаправки 1200 миль (более двух тысяч километров). На двенадцать суток ей хватало в море всевозможных припасов. Главное

назначение SX-506 — переброска боевых пловцов в район диверсии. Восемь морских диверсантов располагались в центральном отсеке (всего отсеков три) на восьми складных койках. В районе высадки четверо боевых пловцов переходили в носовой отсек, облачались в легководолазное снаряжение и через шлюзовую камеру с донным люком выходили в забортное пространство. Там они снимали с внешних подвесок семиметровые пластиковые сигары с прозрачными колпаками двухместных кабин — подводные транспортировщики, садились в них и доставляли к выбранному в гавани кораблю 270-килограммовую мину с часовым механизмом. Транспортировщики погружались на 60 метров. Мощность аккумуляторов позволяла им нести на себе двух людей и мину со скоростью марафонца — почти сто километров (свыше 50 миль). Обозначались эти подводные «колесницы» индексами «SF2P/X60».

Сейчас, спустя почти тридцать лет, все эти цифры и индексы перестали быть тайной настолько, что итальянский журнал «Ревиста мариттима» опубликовал даже фотографию сверхмалой подводной лодки SX-506 с транспортировщиками боевых пловцов. А тогда, в 1955-м, та карликовая лодка, видимо, все же была проверена в реальной диверсии с «Джулио Чезаре», после чего фирма «KoS.MoS» построила и продала другим странам свыше шестидесяти таких лодок.

Я так подробно пишу обо всем этом, потому что бывший командир «Сан-Джорджо» Анжелло Беллони, будучи начальником школы и руководителем научно-технического центра, имел прямое или косвенное отношение ко многим диверсиям людей Боргезе. Ведь разработка и строительство сверхмалых подлодок начались еще перед Второй мировой войной.

Если в 1943-м конструктору штурмовых средств было под шестьдесят, то в 1953—1955 годах, когда создавались SX-404 и SX-506, ему едва перевалило за семьдесят — возраст для изобретателя вполне творческий.

Выходило так, что искал патриота, а нашел пособника головорезов Боргезе. Но я и не подозревал, что передо мной, как говорят реставраторы, «записанная картина» и что сквозь верхний малоценный слой вот-вот проглянет новое лицо.

КТО ВЫ, ЛЕЙТЕНАНТ РИЗНИЧ?

Поздней осенью 1978 года дела занесли меня в Ригу. В одно из воскресений знакомый моряк-библиофил предложил съездить за город — порыться на книжном развале. Место, где собирались книжники, а также филателисты, нумизматы, коллекционеры открыток, значков, орденов, находилось на лесной поляне между поселками Имантой и Бабите. То было великолепное торжище! Глаза разбегались от обилия редкостных обложек, старых открыток, классеров с марками, монетами, этикетками... Скупое рижское солнце рябило на планшетах со значками и орденами... Я присел перед чемоданчиком старика филокартиста и стал перебирать пожелтевшие открытки с видами городов, монастырей, ландшафтов. Тут были и дореволюционные «посткарты», и зарубежные — немецкие, французские, английские... Итальянская открытка с изображением монастыря Святого Георгия на севастопольском мысу Феолент задержала на секунду взгляд: «Сан-Джорджо!» Почему-то раньше не приходило в голову подобрать русский эквивалент итальянскому «Сан-Джорджо». Значит, подводная лодка Анжелло Беллони называлась «Святой Георгий». Незначительное это открытие отложилось в памяти.

В Георгиевском монастыре бывал Пушкин. Место живописнейшее. Мне посчастливилось видеть море с высоты этого крутого мыса... Открытку я купил.

Вечером мы рассматривали свои приобретения в кабинете моего друга. Я снял с полки указатель к «Морскому атласу»

и наудачу просмотрел названия кораблей, начинавшихся со слов «Святой...», «Святая...».

Есть! «Святой Георгий»! Открываю нужную страницу. Несколько крупиз информации: «Русская подводная лодка... В сентябре 1917 года совершила переход из Специи в Архангельск... Входила в состав сил флотилии Северного Ледовитого океана».

Спрашиваю хозяина атласа, где бы можно было бы еще найти что-то о «Святом Георгии». Приятель порылся в своих картотеках:

— Вот где. Посмотри прекраснейшую монографию Трусова «Подводные лодки в русском и советском флоте». Трусов — бывший машинный унтер-офицер с подлодки «Минога». Ничего более подробного о русских подводных лодках я не читал.

Монографию инженер-капитана 2-го ранга Трусова я читал уже в Москве — в военном зале Библиотеки имени Ленина. Знатор морской литературы оказался на высоте: книга действительно изобиловала редчайшими фотографиями, чертежами, подробными сведениями о конструктивных особенностях и боевых действиях едва ли не всех субмарин русского флота. Но самой важной для меня была 242-я страница. Сжато, но емко Трусов рассказывал о поистине героическом деле, которое выпало на долю малой — прибрежного действия — подводной лодки. Но спустя три года лодка была продана военно-морскому флоту России и в 1917 году с русской командой совершила труднейший и опаснейший переход из Италии на Русский Север — в Архангельск, переход вокруг Европы, через два охваченных мировой войной океана, через оперативные зоны германских подводных лодок.

Командиром этого корабля был назначен старший лейтенант Иван Ризнич.

Этот человек сразу же заслонил в моих глазах фигуру Беллони, и поиск мой, начатый в Ливорно, обещал продлиться, но уже в ином направлении.

Ризнич, Ризнич... Несколько дней фамилия эта не выходила у меня из головы.

Кого удивишь в наше время переходом вокруг Европы, когда Мировой океан изборозден по всем широтам, высотам, глубинам, когда «Арктика» раздвинула своим форштевнем льды на самой «макушке» планеты — на Северном полюсе, когда подводные лодки, не всплывая, огибают земной шар под водой, когда Ален Бомбар переплыл Атлантический океан в надувной лодке, когда даже в ванне можно пересечь Ла-Манш?! Но я и не собирался никого удивлять. Я удивился сам. Разглядывая карту перехода, невольно наложил на маршрут «Святого Георгия» маршруты тех кораблей, на которых мне доводилось ходить из Средиземного моря на север, и понял, что видел все те же проливы, мысы, маяки, по которым определялся и старший лейтенант Ризнич.

И ясно припомнился осенний шторм в Северной Атлантике и высокий башнеподобный мостик нашей подводной лодки, затянутые в резину гидрокомбинезонов фигуры вахтенного офицера и боцмана. Оба обвязаны и принятовлены страховочными концами к перископным тумбам. Волны перекатываются через рубку так, что подлодка скрывается на время под водой.

Мостик «Святого Георгия» много ниже, чем мостик современных океанских лодок, и я представляю, как накрывало верхнюю вахту в шторм. Удар иной волны легко ломает позвоночник привязанного к рубке подводника, может приложить к лодочному железу так, что и зубы выплунешь.

В прошлую войну штормовая волна смыла с рубки С-102 сигнальщика и вахтенного офицера. Работали дизели, рулевой в центральном посту вел лодку по курсу, но добрую четверть часа корабль шел вслепую — наверху никого не было.

Шторм для дизельной подводной лодки опасен и тем, что в сильную качку, при больших кренах и дифферентах из аккумуляторных батарей может выплеснуться электролит, и тогда

субмарина лишится подводного хода. Разумеется, в жесткую непогоду подлодка может погрузиться и переждать шторм на глубине. Но в военное время любой командир пойдет на это лишь в случае крайней нужды. Он предпочтет душевыворачивающую качку зряшному расходу электроэнергии, которая жизненасущна в подводном бою.

Помимо слепого произвола стихии «Святого Георгия» подстерегали опасности, приуготованные умами специалистов в германском морском штабе: минные поля и позиции подводных рейдеров вокруг Британских островов.

И все-таки Ризнич привел свою «малютку» в Архангельск, совершив первый в истории русского флота океанский поход на подводной лодке.

Я пытался представить себе этого человека. Какой он? Высокий? Коренастый? Черноволосый? С бородой? Веселый? Властный? Откуда он родом? Что с ним стало после семнадцатого года?

Звучная короткая фамилия напоминала другую — Дундич. Олеко Дундич. Может быть, поэтому Ризнич виделся таким же лихим и отважным, как и герой Гражданской войны. Дундич — серб. Фамилия Ризнич, по всей вероятности, тоже сербская. Серб на русской морской службе? Такое вполне могло быть, если вспомнить историю Балканских войн. Но, может быть, Ризнич — это сокращенное «ризничий»¹, фамилия духовного происхождения?

Проще всего было бы обратиться в Центральный государственный архив Военно-Морского Флота и посмотреть там послужной список Ризнича. Но архив в Ленинграде, а как бы ни хотелось бросить все московские дела и немедленно взять билет на «Красную стрелу», надо ждать, когда в текучке дел и работ

¹ Ризничий — монах, заведующий в монастырях хранилищем церковной утвари.

выдастся окно, хотя бы в два-три дня. Время шло, а желанное «окно» никак не выдавалось. Поездка в архив все переносилась и переносилась: из первоплановых дел — во второочередные, из второочередных — в третьестепенные...

«НЕИЗВЕСТНАЯ В ВОСТОЧНОМ КОСТЮМЕ»

Летом я часто навещаю в Мураново — подмосковный музей-усадьбу Баратынского и Тютчева. До Муранова от нашего Абрамцево рукой подать: можно на велосипеде доехать, можно и пешком дойти.

После морского похода в Италию я снова навестил уютный деревянный дом под тенистыми липами, ходил по комнатам, где в старой бронзе, фарфоре, гобеленах застыл золотой век, в десятый, а может, в пятнадцатый раз прислушивался к рассказу экскурсовода, и уж, конечно же, не побывав я в Ливорно, ни за что бы не обратил внимания на фамилию Боргезе, упомянутую экскурсоводом между делом.

Потом, когда Инна Александровна освободилась, я попросил ее подробнее рассказать об итальянце, жившем в Муранове и состоявшем гувернером при молодом барине — Евгении Баратынском.

* * *

Судя по древности рода Боргезе (корни его уходят в эпоху императорского Рима), по его разветвленности, гувернер Баратынского — отставной наполеоновский солдат Джьяченто Боргезе — и «черный князь», командовавший флотилией подводных диверсантов, могли состоять в разноколенном родстве. Так или иначе, но в мрачной тени Валерио Боргезе мурановский гувернер предстал эдаким Билли Бонсом, который своими рассказами о морских приключениях, о прекрасной Италии, об огненных пироскафах зажег в юноше интерес к Средиземному

морю. В конце концов Баратынский отправился в круиз по лазурному морю. Плавание оказалось для него роковым — сорокачетырехлетний поэт умер в Неаполе от разрыва сердца.

Фамилия Боргезе насторожила, что называется, глаз на бывшие розыски, и когда, разговорившись о Баратынском и его дружбе с Пушкиным, о друзьях великого поэта вообще, Инна Александровна достала новенькую, только что вышедшую книжку «Современники Пушкина» и я стал листать, взгляд сразу же выхватил из текста фамилию Ризнич. Под портретом то ли турчанки, то ли сербиянки стояла надпись — «Амалия Ризнич». Разумеется, к командиру подводной лодки «Святой Георгий» Ивану Ризничу она никакого отношения не имела. Однофамилица, да и только. К тому же Инна Александровна сразу же предупредила, что искусствоведы ведут спор — Амалия ли Ризнич изображена на портрете. Портрет «Неизвестной в восточном костюме» (так называется эта картина) был написан в 30-х годах прошлого века. А возлюбленная Пушкина скончалась в 1824 году. Двадцатичетырехлетний поэт увлекся красавицей итальянкой в пору одесской ссылки. Ей посвящены стихотворения «Простишь ли мне ревнивые мечты», «Под небом голубым страны своей родной...», «Для берегов отчизны дальней...». Несколько раз вспоминает он о ней и в «Евгении Онегине».

Итак, Амалия Ризнич! Кто она, откуда родом, почему у нее, итальянки, сербская фамилия? И наконец, робкая надежда: а вдруг все это имеет отношение к командиру «Святого Георгия»? Ведь фамилия очень редкая.

Еду в Москву, в музей Пушкина, спрашиваю, нет ли в фондах чего-нибудь об Амалии Ризнич. Разумеется, есть. Мне предлагают сборник пушкиноведческих материалов, выпущенный в 1927 году в Ленинграде. Открываю главу «Семья Ризнич» и переносусь в Одессу начала прошлого века. Сразу же становится ясным, что Амалия Ризнич, в девичестве — Рипп, полуитальянка-полуавстрийка, отходит в моих поисках на второй план, а вот муж

ее, Иван Стефанович Ризнич, вполне годится в деды командиру «Святого Георгия». Но это еще надо доказать...

Иван Стефанович Ризнич родился в 1792 году в Триесте, где отец его, серб из Дубровника, держал торговую контору, перешедшую позже к сыну Ивану. Молодой наследник вовсе не ограничивал круг своих интересов одной только коммерцией. Он учился в Падуанском и Берлинском университетах, знал несколько языков, собрал хорошую библиотеку, увлекался театром и итальянской оперой.

Пожив некоторое время в Вене, молодой негоциант переезжает в 1822 году в Одессу, где основывает экспедиторскую контору по хлебному экспорту. Дом Ризнича, как считают некоторые пушкинисты, и сейчас еще стоит в Одессе на улице Пастера (бывшая Херсонская) под номером пятьдесят.

Энергичный, европейски образованный коммерсант очень скоро занимает в Одессе видное положение и не случайно привлекает внимание Пушкина, с которым даже состоит в переписке. Литературоведы считают, что образ Ивана Ризнича навеял поэту стихотворные строки:

Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? И где пожары?
И нет ли голода, войны
Или подобной новизны?

Двадцатилетняя красавица итальянка родила ему сына Стефана, который скончался в годовалом возрасте. Заболев

чахоткой, Амалия Ризнич уезжает на родину в Италию, где вскоре умирает.

Три года Иван Стефанович живет один, уходит с головой в служебные дела. За добросовестные услуги русскому государству его награждают орденом Владимира 4-й степени. Однако сердце его принадлежит сербскому народу, страдавшему под турецким игом. В 1826 году Ризнич издает на свои средства в Лейпциге книгу стихов прогрессивных поэтов-соотечественников.

В 1827 году Иван Стефанович вступает во второй брак — берет в жены графиню Полину Ржевускую, сестру небезызвестной Эвелины Ганской, ставшей впоследствии женой Бальзака. Новобрачные переезжают из Одессы в имение графини под Винницей, в село Гопчица. Здесь Ризнич строит для местных крестьян церковь и приходскую школу. Деятельный, предприимчивый эмигрант принимает русское подданство, хлопочет о дворянстве и получает его вместе с чином статского советника и должностью старшего директора киевской конторы Коммерческого банка.

Вторая жена принесла Ризничу двух дочерей и трех сыновей. Самый младший, Иван, родился в Киеве в 1841 году. Вот он-то, надо полагать, и стал отцом Ризнича-подводника. Не хватает лишь маленького звена — даты и места рождения командира «Святого Георгия». Узнать это можно только в Ленинграде — в Центральном государственном архиве ВМФ...

ПРОДАЕТСЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

Старинное здание Центрального государственного военноморского архива высится по левую руку от Зимнего дворца, и то, что оно расположено в самом сердце бывшей столицы — на Дворцовой площади, — сразу же настраивает на торжественный лад. С благоговением поднимаюсь по чутунным высоко-

сводным лестницам. Дверь читального зала тяжела, будто снята с боевой рубки линкора. Здесь, в этом доме, обращенном к вечности, спрессована история российского флота. Здесь в шелесте бумаг оживают раскаты давным-давно оттремевших залпов, встают тени великих флотоводцев и безвестных моряков, подают голоса мертвые ныне корабли, их погибшие командиры и умолкнувшие радиопередатчики... Здесь распахиваются секретные некогда досье с государственными и военными тайнами. И кто знает, сколько неожиданных открытий погребено пока в неразобранных архивных папках и связках?.. Во всяком случае, история подводной лодки «Святой Георгий» приоткрылась мне с почти исчерпывающей полнотой. Я прочитал ее, как остросюжетную пьесу — с замиранием сердца. Для удобства дальнейшего рассказа выношу «действующих лиц» в отдельный список:

Адмирал И.К. Григорович — морской министр царской России.

Вице-адмирал А.И. Русин — начальник Морского Генерального штаба.

Дмитриев и Врангель — русские морские агенты в Италии¹.

Асвадуров — представитель фирмы «Фиат» в Петрограде.

Место действия: Рим, Специя, Корсика, Петроград. Время действия: 1914—1917 годы.

Перед Первой мировой войной Морской Генеральный штаб, сознавая техническую отсталость русского флота, развил активную закупочную деятельность в ведущих промышленных странах.

Заказы были выданы даже на германские заводы фирмы Круппа, которая построила для России три подводные лодки —

¹ Должность, идентичная ныне должности военно-морского атташе.

«Карп», «Карась», «Камбала». Русский заказ оказал заметное влияние на развитие германского подводного флота. Так, параллельно с постройкой лодок для России Крупп начал строить улучшенную подводную лодку для германского флота.

Италия была одной из стран, в которой Морское ведомство России разместило наиболее крупные заказы.

Фирма «Оффичини Галилео» во Флоренции поставляла русскому флоту перископы для подводных лодок и мощные прожекторы для морских крепостей. Долгосрочные контракты были заключены с судостроительными фирмами «Орlando и Ансальдо», а также с заводом «Фиат — Сан-Джорджио» в Специи, который взял обязательство построить для Черноморского флота подводную лодку водоизмещением в 700 тонн.

Надо сказать, что русские конструкторы, работавшие в подводном кораблестроении, завоевали немало приоритетов. Они, например, первыми установили на лодках дизели в качестве глазного двигателя, что значительно увеличило дальность, скрытность и безопасность плавания. Крупным новшеством была постройка Невским заводом двухкорпусных подводных лодок типа «Нарвал» с водонепроницаемыми переборками, разделявшими внутренний объем на изолированные отсеки.

Эти корабли обладали высокой мореходностью и повышенной живучестью.

Итальянская подводная лодка «Фиат» была интересна русским инженерам лишь тем, что в ее конструкции удачно сочетались гидродинамические обводы подводной лодки с компоновкой двигателей надводного хода, что позволяло быстро достигать высоких скоростей.

В мае 1914 года был заключен контракт с обществом «Фиат — Сан-Джорджио» в Специи о постройке подводной лодки «в 252 т водоизмещения». Фирма обязывалась после приемки корабля доставить его в Севастополь. Эта оговорка

имела впоследствии решающее значение для судьбы подводной лодки.

Контракт предусматривал основные тактико-технические данные корабля: водоизмещение надводное 252 тонны, подводное 305 тонн.

Вооружение состояло из двух носовых торпедных аппаратов с двумя запасными торпедами. Скорость хода: надводная — 14 узлов, подводная — 9 узлов. Дальность плавания в надводном положении при скорости в 9 узлов — 1500 миль. В экипаж входили два офицера, четыре унтер-офицера, десять нижних чинов.

В боевой рубке — «наблюдательной башне» — имелись иллюминаторы для подводного наблюдения и два перископ-тоскопа.

За две недели до начала войны начальнику подводного плавания Главного управления кораблестроения вручили телеграмму от вице-адмирала Русина с пометкой «Весьма срочно»:

«Морской Генеральный штаб ввиду возникших политических осложнений просит Ваше Превосходительство принять меры к немедленному переводу покупаемой у завода “Фиат” подводной лодки в один из ближайших французских портов впредь до выяснения положения».

26 июля 1914 года начальник генмора вице-адмирал Русин получил от морского агента в Риме Дмитриева шифрограмму:

«...Исполнить приказание нельзя, т.к. выход из Специи совершенно закрыт, завод “Фиат” описан властями, подводным лодкам не разрешено погружаться даже в гавани».

31 июля агент генмора во Франции передает в Петербург:

«Дмитриев телеграфировал приказ заводу перевести подводную лодку в Виллафранку, о чем сообщено заводу. Директор мне заявил, что вывести подводную лодку из Специи без разрешения властей невозможно, что правительство ввиду ней-

тралитета не позволит продажу лодки нам, воюющей стране, но что завод до конца нейтралитета держит лодку в нашем распоряжении на случай соглашения с другой нейтральной страной — Испанией — об условном приобретении ею лодки с доставкой ее во Францию, где лодка может и остаться. Директор добавил, к сожалению, что у него мало надежды на успешный дальнейший ход, ибо власти уже осмотрели подводную лодку и он полагает, что ввиду ее полной готовности в случае объявления войны ее реквизируют».

После соответствующих переговоров директор завода «Фиат» сообщил русскому морскому агенту в Риме, что «МИД Италии, ссылаясь на ст. 6 и 7 Гаагской конференции, указало ему, что завод может продать подводную лодку только невоюющей стране. Категоричность такого заявления ставит завод в невозможность выполнить желание русского министерства прямым и легальным путем; на нелегальный же завод не может решиться, не желая рисковать своей репутацией и отношениями с итальянским морским министерством».

Завод просит выплатить ему половину стоимости корабля, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств лодка юридически значилась за русским правительством.

28 августа 1914 года Русин отдал морскому агенту телеграфное распоряжение:

«Оставить лодку до конца войны в Италии. Никакой денежной платы до окончания приема лодки произведено не будет».

В тот же день он получил ответ от Дмитриева: «Директор завода просил меня дать ему 3—4 дня для обсуждения с соответствующими лицами создавшегося этой телеграммой положения и изыскания способа удовлетворения нашего требования».

Резолюция морского министра гласила: «Мы возьмем после войны, но просить не продавать ни одной державе, кроме, конечно, Италии».

4 сентября 1914 года морской агент Дмитриев уведомил морского министра телеграммой: «Завод “Фиат” согласен на предъявленные требования хранить лодку до конца войны».

Но уже на другой день — 5 сентября — начальник генмора получил из Бордо экстренную телеграмму:

«Командир порта Аяччио сообщил морскому министерству: подводная лодка, заказанная Россией заводу “Фиат”, похищена итальянским мичманом запаса Анжелло Беллони без ведома фирмы и правительства, чтобы идти сражаться в Адриатическое море под флагом России или союзной державы, желающей ее купить. Подводная лодка, совершенно готовая, со штатской командой пришла под коммерческим флагом на Корсику, чтобы уведомить русское и французское правительства о своем поступке. Подводная лодка идет на Мальту ожидать решения России и в случае отказа всех союзников будет возвращена заводу. Прошу сообщить русскому правительству и просить его ответа. Дмитриев».

Ответ последовал не сразу. В генморе консультировались и совещались около двух недель, пока вице-адмирал Русин не отправил морскому агенту депешу следующего содержания:

«Похищение подводной лодки совершенно неожиданно для нас. Фиат имел в виду перепродать нам лодку через 3-е лицо, возможно, все подстроено Фиатом, однако итальянец нам неизвестен. Так что не исключена возможность авантюры, предпринятой нашими врагами, хотя бы для Турции. Предложите французскому правительству перекупить лодку у нас. Цена 1 815 000 франков. Выпускать лодку с неизвестной командой не следует. Лучше задержать ее немедленно и отправить под конвоем в Тулон».

24 сентября Дмитриев докладывает начгенмору: «Французское правительство арестовало подводную лодку в Аяччио. Французский посол заявил, что она будет возвращена строителям. Итальянское правительство озабочено возможностью

последствий этого нарушения нейтралитета, самое же похищение считает простым безрассудством».

25 сентября 1914 года итальянское правительство обращается к французскому с просьбой вернуть подводную лодку. Русин инструктирует своего агенмора в Бордо:

«Предполагаем протест Италии только формальным, и Франция ввиду войны отклонит возврат подводной лодки. Если Франция согласна выдать подводную лодку нам и если адмирал Бюе-де-Лапейерер согласен на участие подводной лодки в совместных действиях союзников, мы пошлем отсюда личный состав и мины».

Спустя три дня Дмитриев сообщил начгенмору подробности угона:

«В официальном заявлении мне Фиат отрицает причастность к краже. Объясняет припадком острого нервного возбуждения командира, увлекшегося фантастическим планом, для исполнения которого воспользовался выходом на пробу радиотелеграфной станции. Лодка еще в Аяччио. Следствие продолжается. Подробности еще не выяснены.

Франция рассматривает дело кражи подводной лодки как гражданское, предоставляя заинтересованным сторонам искать судом. Прошу сообщить, уплатило ли морское министерство что-нибудь за лодку, так как только в этом случае Россия может начать дело».

30 сентября. Секретная телеграмма русского посла из Франции: «Из объяснений со здешним МИДом выяснилось, что французское правительство во избежание щекотливых пререканий с Италией полагало бы рассматривать дело об угона нашей подводной лодки из Италии в качестве гражданского правонарушения. Если русское правительство уже внесло фирме “Фиат” часть стоимости лодки, то это дает ему право обратиться во Франции в суд секвестра...

Ввиду уже дважды предъявленного Италией требования о возмещении подводной лодки, желательно по возможности получить скорее ответ по существу настоящей телеграммы.

Чувствуя, что подводная лодка уплывает, что называется, из рук, чины генмора решаются на авантюрный шаг, смысл которого изложен в служебной записке без подписи, но, судя по почерку, принадлежавшей перу вице-адмирала Русина:

«Морской Генеральный штаб опасается, что если подводная лодка “Фиат” будет возвращена в Италию, то она может попасть Турции или нашим неприятелям, ввиду этого желательно принять всяческие меры, чтобы задержать подводную лодку во Франции.

Морское министерство вошло в переговоры с представителем “Фиата”, чтобы уплатить ему как бы задним числом задаток с тем, чтобы предъявить указанный иск».

2 октября 1914 года последовало прямое указание начгенмора Русина своему агенту в Италии Врангелю:

«...Предлагаю Вам переговорить доверительно с “Фиатом”, что Морское министерство готово уплатить 40 000 франков в виде задатка за лодку. Деньги будут внесены представителю фирмы в Петрограде Асвадурову условным депозитивом на его имя. “Фиат”, получив телеграмму о взносе Асвадурова, должен выдать Вам временную записку о получении денег задним числом до войны в счет следуемой по контракту суммы... Позаботьтесь, чтобы форма расписки была такова, чтобы ее можно было предъявить французскому суду. Если лодка будет присуждена, будет послана команда для приема лодки, после чего “Фиат” получит остальные деньги.

Морской Генеральный штаб полагает, что в случае, если суд не признает прав на лодку за Россией и вернет последнюю в Италию, итальянское правительств ввиду огласки всей истории принуждено будет иметь особый надзор за подводной лодкой и вряд ли позволит передать ее кому бы то ни было».

Странное молчание морского агента в столь критической ситуации озадачило начальника генмора и вызвало дополнительное напоминание:

«Благовольте на № 1817 ускорить переговоры и ответ».

Врангель молчит. Сутки. Вторые. Наконец 4 октября из Рима приходит долгожданная шифровка.

«Телеграммы (обе) получены сегодня одновременно семь вечера. Первую не могу расшифровать. Термин “Альфа” не известен. Врангель».

Затем через сутки начгенмору приходит еще один тревожный — время уходит! — запрос:

«Прошу сообщить, каким ключом набрана телеграмма № 1817. Несмотря на помощь канцелярии посольства, телеграмма не разбирается. Врангель».

Только 10 октября начгенмору приходит из Рима ответ по существу: «Предполагаю отказ. Морскому министерству известно от завода, что за лодку не поступало взносов. Следствие закончено. Администрация завода привлечена к уголовному суду за действия, могущие нанести вред дружеским отношениям страны с иностранными державами. Завод привлек командира к суду за кражу собственности завода, энергично отрицая в печати причастность к замыслам. Дело получает огласку. По моим частным сведениям, министерство предполагает лодку реквизировать по возвращении. Прошу срочного ответа. Врангель».

11 октября. «Ожидаю директора завода завтра в субботу. Врангель».

В тот же день дополнительная информация от Врангеля: «Директор “Фиата” телеграфирует: ожидает лодку сегодня в Специи. Лодка в 5 вечера вышла из Аяччио».

Третья депеша, полученная в тот же день, гласила: «Лодка пришла в Специю сегодня в час дня. Врангель».

Итак, авантюра с Асвадуровым и французским гражданским судом не удалась. Генмор полагал было отказаться

от заказа, не веря уже ни в какие сроки. Война приобретала затяжной характер. А после ее окончания надобность в устаревшей подводной лодке наверняка отпадет. Но события, произошедшие на морских театрах Первой мировой войны, заново предрешили судьбу субмарины.

НА ФАРВАТЕРАХ — МИНЫ!

Летом 1915 года на Русском Севере (в Белом море) на главном морском пути, связывавшем Россию с союзниками, и прежде всего с Англией, появились немецкие мины. Открываю папку с надписью:

«Дело Архангельского Контр-Разведывательного отделения о минах в Белом море...» Начинается оно с вырезки из газеты «Архангельск» за 5 июля 1915 года — «Мины на Белом море»: «Объявляется для сведения мореплавателей, что в горле и бас-сейне обнаружены плавучие мины...»

Следующий лист «Дела...» представляет секретную телеграмму из Петрограда в Архангельск подполковнику Кашинцеву от генерал-майора Бонч-Бруевича:

«По сведениям нашего великобританского военного агента, служащий по транспорту грузов в Гамбурге немецкий офицер руководит разбрасыванием мин на Белом море. Совершенно срочно примите меры».

Первыми жертвами немецких минеров пали трое поморов-рыбаков. Даже казенный язык полицейского донесения, полученного начальником Архангельского отделения контрразведки подполковником Кашинцевым, передает драму, разыгравшуюся на берегу Белого моря:

«Пристав села Кузомени Горшков донес, что в селении Пулонге наносной береговой миной разорваны на мелкие части трое крестьян и что по заявлению крестьян-промышленников

Умбы замечена на море по направлению к Кандалакше подводная лодка».

29 июня 1915 года в районе Городецкого маяка взорвался на mine шедший в Архангельск финский пароход «Урания» с грузом динамита и бензина.

Печальный список пароходов, подорвавшихся на немецких минах в Белом море, рос с каждой летней неделей 1915 года.

Вслед за «Уранией» отправились на дно английские транспорты «Твейлэйт», «Друмлойсон», «Арндель», груженные углем и лесом, подорвались русская парусная шхуна «Николай» и норвежский углевоз «Лисекер», затем снова англичанин — пароход «Мадура» с русской пшеницей и льном в трюмах...

Плавучие немецкие мины наносили ощутимый ущерб российскому и союзническому мореходству на главной северной коммуникации. А тут еще в районах Ледовитого океана, прилегающих к горлу Белого моря, появились германские подводные лодки. С волнением читаю телеграмму, отбитую подполковнику Капшинцеву со Святоносского маяка 6 августа 1915 года: «Капитан пришедшего парохода “Бетти” имеет подорванного тяжело раненного человека с английского парохода “Гродно”, уничтоженного германской подводной лодкой U-422. Требуется немедленная медицинская помощь».

11 августа 1915 года на стол начальника разведотдела штаба главнокомандующего 6-й армией легла такая телеграмма:

«По уверениям рыбаков-промышленников, мины эти разбросаны каким-то норвежским пароходом, идущим с грузом в Архангельск. Штабс-капитан Петров».

Этот же штабс-капитан Петров составил архангельскому генерал-губернатору обстоятельный доклад, весьма красноречиво характеризующий охрану водных районов близ Архангельска и Мурмана.

«Специально командированный в Белое море агент отделения сообщил: охраны Кольского залива абсолютно нет никакой

ни на берегу, ни на море, а потому легко и безнаказанно возможна постановка мин, и пароходы, приходящие в Семеновские острова с грузом для новостроящейся железной дороги, могут быть потоплены и загорадят фарватер, чем лишат на сравнительно большое время возможности подвоза необходимых для постройки материалов и провианта рабочим.

На островах Паное у входа в горло Белого моря, по заверениям лица, хорошего осведомленного о положении на островах, возможен склад германских мин, острова эти не обследованы».

Русский консул в Финмарке Цур-Милен срочно сообщал своему шефу — министру иностранных дел Сазонову — ценную информацию, которой поделился с ним английский вице-консул в Нарвике Гэнер: «В местах появления германских подводных лодок находящимися поблизости английскими тральными пароходами был замечен в отдалении какой-то сомнительный пароход, окрашенный в черный цвет, который, как Гэнер склонен был думать, может быть грузовым судном, имеющим на борту запас минерального топлива для снабжения им подводных лодок, представляя собой как бы плавучую базу для последних. Цур-Милен».

Угроза русскому и союзническому судоходству на Севере возросла до такой степени, что Морской Генеральный штаб в докладе императору Николаю II за февраль 1916 года вынужден был констатировать:

«Императорским Морским Министерством получены агентурные сведения, что наше тяжелое положение (из-за отсутствия надлежащей охраны на севере) известно неприятелю. Противнику также известно, что возле незащищенного мурманского побережья находится 20—30 судов, ждущих перехода в Архангельск.

В Кольском заливе (Александровск и Семеновы острова) сосредоточены грузы совершенно бесценные, среди которых

одних только ружей свыше 700 000 штук, и удачно выполненной операцией противник может сразу уничтожить вооружение целой почти $\frac{3}{4}$ -миллионной армии».

Учитывая опасность, генмор еще 5 августа 1915 года перебросил из Вологды в Архангельск для охраны Беломорья две подводные лодки — «Дельфин» и подводную лодку № 2.

Оба корабля практически были небоеспособны и почти всю войну простояли в Архангельском порту. 3 мая 1917 года командующий флотилией Северного Ледовитого океана уведомлял генмор: «Штаб полагает считать подводные лодки “Дельфин” и № 2 непригодными для боевой службы».

В конце 1916 года появилась реальная надежда заполучить итальянскую субмарину. Завод «Фиат» построил для отечественного флота серию больших лодок, так что нужда в малых, надо полагать, отпала.

«4 декабря 1916 года. Секретно. Справка морскому министру

Морской Генеральный штаб полагал бы желательным вышеупомянутую подводную лодку по приемке ее отправить с нашим уже личным составом на Север для защиты Кольского залива.

Для осуществления этой операции представляется наиболее желательным назначение командиром лодки № 1 старшего лейтенанта Ризнич».

Резолюция морского министра: «Согласен».

* * *

В один прекрасный день сотрудница архива положила мне на стол две тоненькие папки: вахтенный журнал подводной лодки «Святой Георгий» и послужной список старшего лейтенанта И. Ризнича.

Жадно листаю личное дело командира «Святого Георгия» — фотографии нет, как нет ее в архиве вообще. Скупые анкетные

данные. Первым делом ишу сведения о рождении. Вот они: «Ризнич Иван Иванович, из дворян Киевской губернии, православный, родился 19 января 1878 года». Все сходится! И отцу в год рождения сына было 37 лет. Выходило, что командир «Святого Георгия» вел свой род от «пушкинского» Ризнича и что он в самом деле приходился великому французскому романисту внучатым племянником.

Испытываю почти физическое блаженство от того, что круг замкнулся. Кажется, уже третий круг в розысках по делу «Святого Георгия».

Читаю послужной список дальше: «Окончил Морской кадетский корпус. Действительная служба началась в 1895 году в Черноморском флотском экипаже. Через четыре года — вахтенный начальник на эскадренном броненосце “Синоп”, затем ревизор на минном крейсере “Гридень”, ревизор и водолазный офицер на крейсере 1-го ранга “Память Меркурия”».

В 1902 году — помощник начальника водолазной школы. В Русско-японскую войну «за труды по обстоятельствам военного времени» награжден орденом Св. Анны III степени и светло-бронзовой медалью «В память 200-летия Гангутской победы».

Молодой офицер тянется к знаниям, посещает лекции Военно-юридической академии.

В декабре 1907 года Ризнич круто меняет службу — переходит в только что созданный учебный отряд подводного плавания.

Как отмечал в служебной аттестации Ризнича командир 8-го флотского экипажа: «В службе сего офицера не было обстоятельств, лишающих права на получение знака отличия беспорочной службы». Тем не менее 3 июля 1908 года Ризнич был уволен в запас. Почему?

Прежде чем найти ответ на этот вопрос, я решил съездить на родину моего героя. Может быть, там помнят его, может

быть даже — но это была уж вовсе дерзкая надежда, — там живет кто-нибудь из его потомков, дальних родственников? Еду в Киев...

«Украинская энциклопедия» подсказала, где искать село Гопчица: Винницкая область, Погребищенский район, железнодорожная станция Ржевусская, река Россь. Название станции обнадеживало: если фамилия бабушки моего героя сохранилась на вокзальной вывеске, то уж наверняка что-то осталось от Ризничей и в родовом селе. Как-никак, а Иван Стефанович выстроил там церковь и школу.

...Автобус мчался вдоль берега полководной России. Золотые холмы полей накатывали к реке от дальних лесов. Под старыми ветлами паслись кони. Потом за зеленой колоннадой стройных тополей открылись домики Гопчицы — ладные кирпичные хаты в садах и виноградниках. Кое-где сохранились и мазанки под соломой, будто для того, чтобы помнить, каким было село лет сто назад.

Председатель местного колхоза Алексей Платонович Лесовой, человек нездешний и новый, с живым интересом выслушал историю «Святого Георгия» и его командира. И как ни осаждали его страдные летние дела, повел меня смотреть, что осталось от старого имения. Осталось, увы, немного: лишь зерновой амбар, сложенный из дикого камня. Церковь Козьмы и Дамиана разобрали в 1953 году, тогда же снесли и старую школу. На ее месте сейчас новая, имени героя-пограничника Павленко.

— Знаете что, — посоветовал мне в утешение Лесовой, — сходите к бывшему директору школы. Он историю села писал. Может, он чего скажет?

Юрий Константинович Храбан, старый сельский интеллигент, усадив меня на лавочку в своем саду, повел рассказ о Гопчице со времен Богдана Хмельницкого. Я не торопил его и услышал наконец долгожданную фамилию, правда, Храбан,

кроме того, как «пан Ризнич» был здешним управляющим, поведать больше ничего не смог. Но зато он рассказал, как лет тридцать назад его ученики, роясь на месте сломанной церкви, наткнулись на склеп с дубовым гробом, накрытым железным колпаком с надписью «Ризничь». Самодеятельные археологи гроб вскрыли и обнаружили на золотистом бархате скелет рослого человека. Пришли взрослые, гроб закопали, склеп засыпали, а железный колпак унесли на колхозный двор. До недавнего времени он служил поилкой для мелкой живности.

— Так и не сохранился?

— Нет. Наверное, на металлолом сдали. А вот место склепа могу вам показать точно.

И мы пришли к новой школе. На месте старой, ризничевской, лежал большой камень, но не памятный знак, как мне показалось, а просто валун, чтобы по лужайке не ездили.

Отсчитав от нижней ступеньки заднего крыльца полтора шага, Храбан показал мне чуть заметную впадину подле утоптанной дорожки.

— Вот здесь.

Я взял немного земли с места родовой усыпальницы Ризничей.

Из Гоптицы, бывшего имения Ризничей под Винницею, я возвращался подавленный тем, что увидел — сровненный с землей фамильный склеп предков моего героя. Коротая время в ожидании киевского поезда, я рассказал о своих поисках соседу-попутчику, пожилому железнодорожнику из местных жителей.

— А вы в Круподеринцах не были? — спросил он меня. — Там какая-то церковь морская, с якорями.

На перроне затерянной в винницкой глубинке станции это сообщение прозвучало как известное присловье, обозначающее верх нелепости: «Подводная лодка в степях Украины». Кажется, я ответил что-то в этом духе, и железнодорожник принялся рьяно убеждать меня:

— Точно говорю — с якорями. Моряки там похоронены. А церковь строил граф Игнатьев... Да вы сходите, тут семь километров всего, до поезда успеете...

И я пошел. В старинное село Круподеринцы, любимое имение графа Игнатьева, того самого, что заключал знаменитый Сан-Стефанский мир¹, меня подвез с полдороги попутный мотоциклист. Если бы не треск мотора, можно было бы представить, что вокруг ожили пейзажи из гоголевских поэм про сказочных виев, прекрасных утопленниц и отважных кузнецов. В камышовых зарослях на берегу пруда с кувшинками и, должно быть, с русалками прятались каменные стены некогда водяной, а потом машинной мельницы — круподерни, теперь полузаброшенной и потому таинственной.

Церковь, повторявшая черты воинского храма в Плевне, стояла на крутом холме в такой же буйной зелени, в какой утопала мельница и все село. И никаких якорей, равно как и колоколов, не просматривалось. Но за церковью, на погосте, по углам каменной глыбы, увенчанной дубовым крестом, лежали четыре адмиралтейских якоря. На камне едва проступали слова, выбитые, как мне объяснила сторожиха, по распоряжению графини Игнатьевой на символической могиле сына-моряка: «Крест сей воздвигнут в 1914 году в молитвенную память лейтенанта гвардейского экипажа графа Владимира Игнатьева, капитана 2-го ранга Алексея Зурова и всех наших славных моряков, с честью погибших в Цусимском бою 14—15 мая 1905 года».

Останки лейтенанта Игнатьева и старшего офицера крейсера «Светлана» кавторанга Зурова покоились за тысячи миль от этого камня на дне Желтого моря. А здесь, в зачарованной глуши, лопались от зноя стручки акаций и лениво гоготали гуси в чем-то сонном саду.

¹ Договор между Россией и Турцией, завершивший Русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Подписан в Сан-Стефано.

Меньше всего я ожидал прочесть на памятнике имя Зурова. Для меня оно было связано лишь с забавным эпизодом, рассказанным академиком Крыловым в своих «Воспоминаниях»: однажды перед «страшным» экзаменом по мореходной астрономии кадет Морского корпуса Леша Зуров проник по поручению однокашников в типографию, где печатались билеты, и, не имея времени на списывание задач, спустил брюки, сел на литографский камень, после чего товарищи добросовестно изучили оттиск. За эту лихую проделку Зуров едва не попал в штрафную роту. Спасла его резолюция генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича: «Вот такие офицеры и нужны русскому флоту, не теряющиеся при любых обстоятельствах».

От того литографского камня до этого — надгробного — Зурова отделяло немного. Трудно было представить на мостике гибнущего корабля этого веселого удалца. Мне стало жаль его, как будто я знал его близко. Да ведь и знал: такие, как он, на флоте не переводятся...

Я стоял у черного камня. Сладковатая горечь цветущей сирени мешалась с пряной прелью погоста. Журчали птичьи голоса.

Я безнадежно опаздывал на поезд. Но ничуть об этом не жалел. Здесь, у камня с якорями, мне открылась та даль, что зовется былью веков, и в ней дымили высокие трубы обреченной эскадры, трепетали на реях сигнальные флаги и «готовые к бою орудия в ряд, на солнце зловеще» сверкали, в ней бурунили Японское море перископы первых русских подводных лодок — «Дельфина», «Сома», «Щуки»... И я понял, что рассказ о моем герое будет неполным, если обойти вниманием тех людей, что стояли рядом с ним.

От якорного обелиска в украинском селе незримые нити тянулись в города немыслимо разные: в русский Порт-Артур, болгарскую Варну и латышскую Лиепая, бывшую Либаву... Но прежде пришлось вернуться в Ленинград, под своды морского архива.

«КАПИТАН ЩА»

За десять лет до выхода «Святого Георгия» в историческое плавание в Либавском военном порту появились странные матросы. После побудки, молитвы и завтрака они уходили из казармы, неся клетки с белыми мышами. Лишь посвященные знали — это идут на свои таинственные корабли подводники. А мыши им нужны для «того, чтобы определять по поведению зверьков загрязненность воздуха в отсеках. Ведь лодка уходила под воду с тем запасом кислорода, какой содержался в атмосфере отсеков. И только.

Так началось в Либаве отечественное подводное плавание, во главе которого стоял талантливый деятельный офицер — капитан 1-го ранга (потом контр-адмирал) Эдуард Николаевич Щенснович. В Русско-японскую войну Щенснович, или «капитан Ща», как его звали друзья, командовал самым быстроходным кораблем Порт-Артурской эскадры броненосцем «Ретвизан».

«Пойду таранить “Миказу”», — частенько повторял каперанг Щенснович не то в шутку, не то всерьез. На флагмане японской эскадры, блокировавшей Порт-Артур, броненосце «Миказа», держал флаг адмирал Того. И когда русские корабли попытались прорваться из Порт-Артура во Владивосток и в Желтом море завязался жестокий бой, из кильватерной колонны неожиданно вышел «Ретвизан» и на всех парах ринулся на «Миказу». «Капитан Ща» вовсе не шутил, он вел свой броненосец на таран.

Очевидец, бывший минный офицер лейтенант И. Иениш писал: «Японцы переносят огонь на “Ретвизана” Он быстро оказывается в кольце падения снарядов. Громадные столбы разрывов все более и более льнут к нему, вода кипит вокруг. Несколько попаданий — по-видимому, в броню, но вскоре уже невозможно их отличить в вихре пены и дыма. Внезапно он меняет курс, склоняясь быстро вправо на сближение с япон-

цами, видимо, набирает, судя по буруну у форштевня, максимальную скорость и продолжает идти на головной корабль неприятеля. Огонь японцев доходит до бешенства. Временами “Ретвизан”, весь с мачтами, исчезает в гигантском куполе столбов воды, дыма и взлетающей пены. Каждый раз кажется, что на этот раз кончено. Но несколько мгновений — и броненосец выходит из падающей массы этого купола и так же упорно продолжает свой исступленный бег, все так же держа курс на головного вражеской линии. Все так же ровны и резки залпы его башен. Его низкая, но соструненная масса с тремя трубами четко рисуется на фоне фиолетового горизонта. Ясно вижу, что на “Миказе” кормовая башня не действует и средняя артиллерия работает только частично. В моей памяти блеснули слова Щенсновича: “Пойду таранить “Миказу”, и глаза мои приковылаются к “Ретвизану”».

Возможно, форштевень «Ретвизана» и взрезал бы борт «Миказы», если бы в смотровую щель боевой рубки не влетел осколок снаряда. Отрикошетировав от броневых стен, он ударил Щенсновича в живот. Тяжело контуженный каперанг потерял сознание. Вызванный в рубку старший офицер (он руководил тушением пожара), не зная замысла командира, велел рулевому вернуть броненосец в кильватерный строй.

Контузия и раны сказались на здоровье Щенсновича роковым образом. Эдуард Николаевич заболел и умер семь лет спустя, в 1911 году.

Отважному порт-артурцу и доверили в 1907 году организацию совершения нового на флоте дела — подплава.

В свой Учебный отряд подводного плавания — завязь будущих подводных сил России — Щенснович отобрал семь офицеров и двадцать матросов, руководствуясь такими критериями: «Каждый человек, выбранный на службу на лодках, должен быть высоконравственным, непьющим, бравым, смелым, отважным, не подверженным действию морской болезни, находчивый,

спокойный, хладнокровный и отлично знающий дело». В эту великолепную семерку офицеров-подводников был зачислен и двадцативосьмилетний лейтенант Ризнич, бывший водолазный офицер с броненосца «Георгий Победоносец» (везло ему на Георгиев!), кавалер ордена Святой Анны III степени, полученного за «организацию подводного дела в 1904—1906 годах».

Ризнич пришел в отряд не учиться, а обучать, ибо ко времени создания «подводной дружины Щененовича» он обладал изрядным опытом командира-подводника. Он наверняка гордился тем, что еще в 1904 году стажировался на «Дельфине» — первой русской субмарине — у самого кавторанта Беклемишева, подводника № 1. Правда, стажировка началась почти сразу же после трагедии, разыгравшейся на «Дельфине» летом того же года...

Утром 16 июня 1904 года «Дельфин» начал учебное погружение у западной стенки Балтийского завода. Вместо Беклемишева, который уехал по делам службы в Кронштадт, «Дельфином» командовал его помощник — лейтенант Черкасов. Это было первое его самостоятельное погружение и... последнее. Стравливая избыточное давление через рубочный люк, Черкасов не успел вовремя опустить крышку, и в лодку хлынула вода. «Дельфин» затонул. На поверхность успели вынырнуть лишь десять матросов и два офицера. Лейтенант Черкасов и двадцать четыре матроса погибли. Труп Черкасова нашли не в прочной рубке, а в корме. Это послужило поводом, чтобы обвинить лейтенанта в трусости: мол, бросил свой боевой пост. Однако Беклемишев сумел доказать следственной комиссии, что его помощник ушел в корму, уступая место под рубочным люком спасающимся матросам. Как командир, пусть даже временный, лейтенант Черкасов должен был покинуть корабль последним, и он остался верным этой старой морской традиции.

«Дельфин» подняли, отремонтировали, покрасили... Но мрачный ореол стального гроба, в котором задохнулись двадцать пять человек, не могли рассеять никакие доковые поновления. Так что

стажировка Ризнича началась в атмосфере, весьма способствующей размышлениям о бренности жизни подводника. Впрочем, вряд ли он им предавался, этот энергичный и решительный моряк. Выбор был сделан раз и навсегда: подводные лодки.

Пройдя «школу Беклемишева» (Ризнич был участником отличных торпедных стрельб на кронштадтском рейде), лейтенант-стажер получил назначение на одну из первых подводных лодок Невского завода — «Щуку». Он принял ее еще на стапелях, достраивал, спускал на воду, испытывал в море и... расстался с ней сразу же, как только лодку приняла комиссия. «Щуку» увезли на специальном железнодорожном транспорте во Владивосток, на Тихий океан, где разгоралась Русско-японская война.

Ризнич получил новехонькую — только что со стапелей — подлодку «Лосось».

Корпус этого корабля-долгожителя мне довелось видеть еще несколько лет назад на севастопольской базе Вторчермета, где редчайший памятник отечественного судостроения был безжалостно разрезан на лом. Металла-то из него с гулькин нос...

В ноябре 1905 года Ризнич принял «Белугу» и одновременно исполнял дела начальника отряда подплава. Но самым памятным для Ризнича кораблем стала подводная лодка «Стерлядь». На ней он совершил беспрецедентный по тому времени переход в штормовую погоду из Ливавы в Ригу без судна-конвоира. О ней он написал брошюру «Подводная лодка “Стерлядь”», которая стала едва ли не первым учебником по практике подводного плавания. Брошюру Морской Генеральный штаб засекретил, так как речь в ней шла о субмарине отечественной постройки, а не иностранной, вроде лодок Лэка и Голанда.

К сожалению, это уникальное издание исчезло бесследно. Нет его ни в Ленинке, ни в научной библиотеке Военно-морской академии... Там, где слишком долго царила тайна, поселяется забвение.

...В Лиепае (бывшей Либаве) и сейчас еще стоят красно-кирпичные фигурные корпуса казарм, в которых жили первые русские подводники. Какая отважная и дерзновенная жизнь кипела в этих стенах на заре века?!

Все вновь, все неизведанно — и каждый фут глубины, и каждая походная миля на утлых, опасных подводных снарядах, в которых скептики видели скорее «аппараты», чем боевые корабли. Невольно хочется сравнить эту когорту энтузиастов с отрядом космонавтов: ведь и они, эти «охотники», мичманы и лейтенанты, стояли перед тем же порогом небывалого, за которым простиралась пусть не бездна Вселенной, но бездна океана. Недаром водные недра нашей планеты называют «гидрокосмосом».

Дух поиска и эксперимента, риска и удали разительно отличал Учебный отряд подплава от других частей и заведений императорского флота, погруженного после Цусимы в анабиоз позора и уныния.

Командир Либавского военного порта возмущался тем, что подводники не впускают его в эллинги с засекреченными субмаринами, тогда как простые мастеровые входили туда беспрепятственно.

Командир Либавского порта писал в Петербург жалобы и доносы на Щенсновича и его людей. А Щенснович в ту пору работал над документом, который по праву можно назвать первым «Уставом подводного плавания». Щенснович добивался строительства бассейна для своих лодок, тербил начальство, требуя средств на развитие учебной базы отряда. Столь же беспокойными и деятельными были и ближайшие его помощники — командиры учебных подводных лодок лейтенанты Ризнич, Власьев, Белкин, Заботкин...

Ризнич составил первый «Словарь командных слов по управлению подводными лодками». Лейтенант Белкин разрабатывал тактику ночных атак. Это стоило ему жизни. В 1909 году во

время ночной учебной атаки Черноморской эскадры «Камбала», на которой находился Белкин, была нечаянно протаранена броненосцем «Ростислав».

Питомцы отряда учились не в классах, учились прямо на подводных лодках, учились в море. Тонули, горели, садились на мели, но горькая соль морского опыта насыщала инструкции, правила, рекомендации для тех, кто поведет потом свои «Барсы» и «Пантеры» в боевые походы сначала Первой мировой, а потом и Гражданской войны...

Чем больше я вчитывался в документы Учебного отряда, тем больше утверждался в мысли, что имя первого адмирала-подводника Эдуарда Николаевича Щенсновича забыто несправедливо. Ученик и соратник адмирала Макарова, он по-макаровски же взялся за совершенно новое и весьма важное для русского флота дело: создание ядра будущих подводных сил. Он разрабатывал тактику подлодок и методику обучения экипажей, он заложил основы профессионального отбора подводников и изучал психологию людей, заключенных в тесное замкнутое пространство стального корпуса. При всей широте своих планов и замыслов Щенснович вникал в такие «мелочи», как покрой дождевого платья для верхней вахты или замена казенной водки в рационе подводников на горячий грог, «ибо последний обладал более сильным противопростудным действием».

Однажды подводная лодка лейтенанта Ризнича задержалась с возвращением в Либаву из Риги на несколько суток. Свое опоздание командир объяснил тем, что не смел нарушить запрет начальника отряда закупать бензин у частных лиц.

«К сведению господ офицеров, — писал в приказе по этому поводу Щенснович, — впредь руководствоваться только интересами дела, даже если приходится поступать вразрез с моими распоряжениями».

Прекрасно сказано — по-нахимовски, по-макаровски!

ОШИБКА «МОРСКОГО СБОРНИКА»

Я бы не обратил особого внимания на мелькавшую в документах отряда фамилию Серафимов, если бы перед приездом в Ленинград, листая старые номера «Морского сборника», не наткнулся в октябрьской книжке 1915 года на убогое сообщение о том, что прогерманское правительство Болгарии казнило офицеров Серафимова и Манолова за симпатии к России. Стало грустно и обидно... Прокручивая архивные микрофильмы, я уже успел привыкнуть к фамилии этого офицера, которая так часто мелькала в приказах и распоряжениях Щенсновича. Разумеется, Серафимов не мог отречься от своих русских соплавателей, людей, посвящавших его в таинства подводной войны.

В том секретном, «режимном», как сказали бы сейчас, отряде обучался единственный иностранец — лейтенант болгарского флота Рашко Серафимов, будущий командующий военно-морскими силами Болгарии. «Считаю долгом, — отмечал в одном из своих приказов адмирал Щенснович, — признать лейтенанта Серафимова умеющим управлять подводной лодкой типа “Стерлядь” За отличное содержание лодки благодарю лейтенанта Серафимова».

Серафимов боготворил Щенсновича, так как знал, что его русский командир в свои мичманские годы принимал участие в освобождении Болгарии от турок. За лихие атаки на Дунае, когда маленькие паровые катера, выставив вперед шесты с минами, бесстрашно неслись на турецкие мониторы, мичман Щенснович был произведен в лейтенанты и награжден боевым орденом.

«Мне кажется, — писал Щенснович в одном из писем к своему другу, — что после Дуная, когда на утлом катере да еще с шестовой миной, готовой ежеминутно взорваться и разнести в клочья нас всех, осыпаемые градом пуль, мы все-

таки упорно шли на сближение с турецкими броненосцами, заставляя их позорно отступать, уже никакие силы ада не будут страшными...»

Молодой болгарин был окружен в отряде подводников той особой теплотой, которая всегда отличала отношения двух славянских народов. Управлять подводной лодкой его учили и Ризнич, и Власьев, и командир «Пескаря» — лейтенант Келлер. Серафимов не только схватывал все на лету, но и сам привносил новаторские идеи. Так, в мае 1906 года подводники должны были провести показательную атаку императорской яхты «Штандарт». Перископы двух лодок — «Белуги» и «Сига» — были замечены с борта яхты, и атака сорвалась. Третьей лодкой — «Пескарь» — командовал Серафимов. Он подкрадывался к цели, не поднимая перископа, по заранее взятому пеленгу. Командир «Штандарта» обескураженно доносил: «Лодка “Пескарь” на яхте не была замечена, когда она атаковала, несмотря на самое тщательное наблюдение». Можно считать, что лейтенант Серафимов провел первую в истории подводного флота бесперископную атаку. Неужели он так бесславно погиб, как сообщил о том «Морской сборник»?

НА ЗЕМЛЕ РАШКО СЕРАФИМОВА

Я не историк, не архивист, и потому поиск мой строился довольно стихийно. Порой более срочные дела прерывали его, и тогда все откладывалось до какого-нибудь толчка или извне, или из глубины памяти... Так случилось в Варне, куда я приехал к болгарским водолазам, обнаружившим на дне Черного моря советскую подводную лодку Щ-204, которая погибла в 1941 году.

Я шел по тенистому бульварчику и вдруг набрел на скромный памятник с бронзовым бюстом графа Игнатьева, военного деятеля и дипломата, весьма чтимого в Болгарии. Сразу при-

помнилась церковь в Круподерницах, черный камень в якорях: Зуров, Щенснович, Ризнич, Серафимов... Да ведь я же в городе, где жил первый болгарский подводник лейтенант Серафимов! Найти варненский военно-морской музей не составило труда. Уже в самом начале экспедиции мне бросилась в глаза табличка: «Личные вещи капитана 1-го ранга Рашко Серафимова». За стеклом витрины тускло поблескивали парадная треуголка, шитая тужурка и кортик отважного офицера. Из рассказа начальника музея капитана 1-го ранга Георгия Антоновича Антонова я понял, что Серафимовым в Болгарии гордятся; о нем написаны научные труды, жизнь его изучена во всех подробностях, и только «либавский период» совершенно неизвестен исследователям.

— Вам, наверное, интересно будет знать, — заметил Антонов, — что Рашко Серафимов — выходец из рода нашего народного героя, «апостола свободы» Васи́ла Левского...

Разумеется, знать это было интересно, как и то, что судьба Серафимова во многом повторяла зигзаги судьбы своего друга и учителя Ивана Ризнича. Они одновременно — в 1908 году — один в России, другой в Болгарии начали публицистическую деятельность, отстаивая в печати будущность подводного флота. Так же, как и Ризнич, Серафимов предерзко спорил с начальником болгарского Генерального штаба, защищая молодой флот своей страны от нападков царских сановников.

«Болгары храбры на суше, а не на море», — утверждал высокопоставленный оппонент Серафимова. Но бесстрашная атака болгарских миноносцев турецкого крейсера «Гамидие» в 1912 году — в ней принимал участие и капитан-лейтенант Серафимов — доказала обратное. Отзвуки той острой полемики, видимо, и ввели в заблуждение «Морской сборник», сообщивший в пятнадцатом году о казни Рашко Серафимова.

Когда человека хоронят раньше времени, говорят, что он будет долго жить. К сожалению, Серафимов не оправдал этого

поверья. Он умер в двадцать втором году в Одессе... После того как его отстранили от командования флотом, он ушел на своей парусно-моторной шхуне «Тритон» в красную Россию. Но заболел в Одессе холерой. Там он и похоронен.

Так закончилась в моих поисках линия лейтенанта Серафимова, питомца либавского отряда, патриота Болгарии и друга России.

НАДЕНУ ФУРАЖКУ НА ПЕРИСКОП!

В 1907 году русская печать как никогда много писала о подводных лодках. Это не случайно, ведь именно в это время решалась программа строительства нового — «послецусимского» флота, решался вопрос, предопределявший морские победы и морскую стратегию государства: корабли каких классов закладывать на стапелях, строить ли линейно-броненосную армаду или всемерно развивать новые виды морского оружия?

В конце 1907 года капитан-лейтенант Колчак сделал в санкт-петербургском морском кружке весьма шумевший доклад: «Какой нужен России флот?» Блестящий оратор, Колчак с пылом, достойным лучшего применения, доказывал, что подводным лодкам нет и не может быть места в составе флота морской державы.

Чтобы нейтрализовать вредное воздействие оппонента, лейтенант Ризнич выступил в этой же самой аудитории с лекцией «Подводное плавание и его значение для России». Через неделю успех Ризнича закрепил товарищ по либавскому отряду и герой Порт-Артура лейтенант Власьев. Его «Отчет командира подводной лодки “Пескарь” о плаваниях и маневрах» произвел благоприятное впечатление на слушателей, весьма влиятельных в правительственных кругах.

Тогда на подводников обрушился некий капитан-лейтенант Роберт фон Энгельман. Выпады этого «теоретика» на страницах

«Морского сборника» граничили с прямым издевательством. «Всякий рыбацкий бот, — утверждал Энгельман, — неизмеримо правоспособнее подводной лодки... Бороться с субмаринами очень просто, — надо взять на “шестерку” молот и веревку, подойти к лодке, заарканить перископ, стукнуть по нему молотком, а затем тащить добычу на буксире в ближайший порт».

Энгельман публично похвально надеть свою фуражку на перископ любой подводной лодки из отряда Шенсновича.

Это был наглый вызов, за который человека, затронувшего честь корабля, полагалось вызвать на дуэль. Жаль, что поединки к тому времени были запрещены. Но дуэль все же состоялась. Ризнич ответил Энгельману тем же оружием — пером публициста. Старейший морской журнал сохранил гневную отповедь подводника:

«Итак, общество считает меня фанатиком подводного плавания. Почему? Потому, что я говорю, что подводная лодка есть могущественное, хотя и неуниверсальное оружие... Я оптимист и потому считаю, что все улучшается на этом свете, все идет вперед. Фантазия моя дает мне картину будущего; имею ли я основания ей не доверять? Нет, так как в мой короткий век я видел то, что раньше было для меня “фантазией” Сегодня фантазия, а завтра факт. Быть может, скоро появятся подводные крейсера, которые сделают морскую настоящую войну невозможной. “Dum spiro, spero”¹. Энгельман утверждает, что лодка не мореходна, это аппарат, а не судно. Нельзя ли доказать? Впрочем, я предвижу, что автору будет трудно это сделать, поэтому за него я докажу — противное».

И Ризнич доказал это не только словесными аргументами, но и делом — походом через два океана. Правда, случай доказать свою правоту ему выпал спустя девять лет, когда он менее всего был готов для осуществления такого доказательства...

¹ Пока дышу, надеюсь (лат.).

По злой иронии судьбы, именно в это время старший лейтенант Ризнич оказался под властью своих могущественных оппонентов. Вице-адмирал Колчак командовал Черноморским флотом, в состав которого входила подводная лодка Ризнича, а кавторанг фон Энгельман состоял при штабе Колчака... И когда возник вопрос: кому поручить опасное и почти безнадежное дело — перегон лодки-малютки из Италии в Белое море, — выбор пал на «фанатика подводного плавания».

Полемика Ризнича с Энгельманом о роли подводного флота меньше всего походила на академическую дискуссию. Это был яростный бой чести и подлости, прозорливости и невежества. Впрочем, невежества скорее мнимого, чем подлинного, даже умышленного... Ризничу пришлось снять погоны и... заняться продажей велосипедов фирмы «Дукс». В справочнике «Весь Петербург» за 1909 год читаю: «И.И. Ризнич, представитель технической конторы “Дукс”, адрес: угол набережной реки Карповки и Каменноостровского проспекта». Дом этот сохранился и ныне. Только никто в нем уже не помнит рослого рыжеусого коммерсанта с морской выправкой, занимавшего квартиру на втором этаже...

Рутинеры вынудили уйти в отставку и других офицеров, ратовавших за мощный подводный флот. Ушел в запас лейтенант Михаил Тьедер, ученик «первого подводника России» М.Н. Беклемишева, единомышленник Ризнича, командир подводной лодки «Скат», участвовавшей в войне с Японией. «Подводники — моряки будущего», — утверждал Тьедер наперекор Энгельману.

Их выступления были замечены широкой общественностью. Так известный публицист того времени Португалов попытался вступить за них: «... В настоящее время все главные должности во флоте заняты худшими людьми, — сетовал Португалов, — и поэтому лучшие отсюда бегут или умолкают, удаляясь от дел. Где Н.А. Кладов? Где г. Брут, А.Ф. Добротворский,

г. Титов, Е.В. Колбасьев, А.И. Токаревский? Уходит и И.И. Ризнич...»

И Ризнич и Тьедер, оказавшись вне флота, оружия не сложили. Тьедер написал книгу «На подводной лодке», которая выдержала сразу два издания. Ризнич продолжал выступать с публичными лекциями в защиту своих идей. Одна из них называлась «Ответ сомневающимся в пользе подводных лодок». Свои лекции и доклады представитель велосипедной фирмы издавал за свой счет в виде иллюстрированных брошюр. Некоторые из них и сейчас еще сохранились на полках научных библиотек Москвы и Ленинграда.

Бывший подводник проявил и незаурядный талант публициста. Вот, например, как он начал одно из своих выступлений в Российском морском союзе:

«Военное значение подводных лодок можно пояснить следующим примером: 11 января (1912 г. — Н.Ч.) в Нью-Йорк, по сообщениям газет прибыл пароход из Бомбея; на нем оказалось несколько трупов и около двадцати умалишенных; остальные пассажиры и команда все были в страшно подавленном состоянии, некоторые даже поседели. Оказалось, что причиной этого несчастья и волнений были несколько ядовитых змей — кобр, каким-то образом выбравшихся из ящика, в котором их перевозили. Казалось бы, неужели несколько десятков людей не могли справиться с ничтожным количеством змей? На деле выяснилось, что с врагом, почти невидимым среди тюков и внезапно жалящим, борьба оказалась невозможной, и люди отказались даже от мысли уничтожить змей.

По описанию очевидцев, команда судна и пассажиры были настолько терроризированы, что не спали, ожидая с минуты на минуту нападения невидимого врага. По палубам метались люди с истерическими криками, и были даже попытки выброситься в море. На корабле, по описанию корреспондента, царил «ужас»

Совершенно так же проявление “ужаса” испытывает команда судна, находящегося в водах, где может подозреваться присутствие подводной лодки: действительно, нет более ужасного врага, чем невидимый, притом наносящий смертельные поранения и неуязвимый.

Это чувство “ужаса” испытывают даже на маневрах, и тот факт, что во время ожидания атаки никто из команды не ложится спать, известен всем, кто хоть раз присутствовал при таких атаках. Быть может, чувство это притупится, когда атаки подводных лодок войдут в привычку, но оно никогда не исчезнет, а во время войны, когда опасность от подводных лодок будет действительной, ужас будет так же властно царить на эскадре, как царил на японских и русских судах после взрывов “Петропавловска” и “Хагузе”, и будет повторяться беспорядочная паническая стрельба по воде — по настоящей или воображаемой подводной лодке... Мне кажется, что в настоящее время от подводной лодки достигнуто очень многое и развитие пойдет только в сторону увеличения тоннажа вследствие увеличения подводной скорости».

Быть может, такое нагнетание страстей казалось тогда кому-то чрезмерным. Но Ризничу-пропагандисту надо было убедить своих читателей и слушателей в реальной опасности нового морского оружия. Ведь мало кто из них себе представлял, что пройдет время и те самые ныряющие лодки, которые карикатуристы любили изображать с самоварными трубами вместо перископов, превратятся в мощнейшие подводные крейсера, угрожающие из глубин океана не только судоходству, но и самой жизни на земле. И на перехват субмарин — «убийц городов» выйдут противолодочные подводные лодки...

Призывы флотских прогрессистов не остались не услышанными. Россия строила подводные лодки. В 1911 году была заложена новая серия больших субмарин оригинальной отечественной конструкции. Если боевые качества тех лодок, на

которых служил Ризнич, вполне отвечали их мирным рыбьим названиям — «Лосось», «Стерлядь», «Пескарь», — то новые корабли были настоящими хищниками морских глубин — «Акула», «Кашалот», «Нарвал»...

Несколько позже появились легендарные «Барсы», которые оказались боеспособными и в годы Второй мировой войны.

Это были корабли, которые предсказывал Ризнич и о которых он мечтал. Однако служить на них ему не пришлось...

ДИВИЗИОН ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

С началом Первой мировой войны лейтенанта Ризнича призывали из запаса на действующий флот и в сентябре назначили командиром строящейся малой подводной лодки проекта 27-в.

В мае 1915 года Ризнич принял от капитана 2-го ранга Дудкина дивизион подводных лодок особого назначения. Это были три тихоходные малотоннажные (35 тонн), как сказали бы сейчас, сверхмалые или «карликовые» субмарины с экипажем в одиннадцать человек, с дальностью плавания в 150 миль и глубиной погружения в 30 метров. Они были так малы, что в них не находилось места для галюнов; использовались «клозеты переносного типа». Лодки были номерными, то есть вместо личных имен им присвоили номера — № 1, № 2 и № 3. (Правда, потом все же нарекли их в честь мелких рыбешек — «Бычок» и др.)

Особое назначение дивизиона состояло в том, что его лодки — так называемого «крепостного типа» — должны были оборонять Перновский залив от неприятельского вторжения и подходы к военному порту Пернов (ныне Пярну) в Рижском заливе. Оборону Рижского залива возглавлял контр-адмирал А. Колчак.

Военное счастье Ризничу не улыбалось. Почти два года дивизион простоял у стенки, если не считать коротких выходов

на дозорную службу. Вахтенный журнал подводной лодки № 3, на которой держал свой брейд-вымпел Ризнич, полон невообразимой скуки: «1 марта 1915 года. Военная гавань Пернов. Красили корпус». Следующий день — «...Чистили цистерны», «...Команда ходила в церковь», «Команда ходила в баню». А то и вовсе события суток укладывались в три слова: «Случаев не было».

Боевых столкновений — тоже, поскольку никто не знал толком, где и как применять эти самые «крепостные подводные лодки». Их рассматривали как оборонительное оружие, а опыт Второй мировой войны показал, что сверхмалые субмарины — это штурмовое средство, великолепно пригодное для диверсионных нападений.

Из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве ВМФ, удалось установить, что весной 1916 года подводные лодки № 1 и № 2 отправили по железной дороге в Архангельск. А вот о лодке № 3, которой командовал Ризнич, оставаясь начальником дивизиона, никаких сведений не было. Куда подевалась она?

Сотрудники архива посоветовали обратиться к знатоку морской старины Дмитрию Адольфовичу Быховскому, бывшему подводнику, автору документальных книг по истории флота.

Созваниваюсь с Быховским и еду к нему...

В который раз убеждаюсь: Питер — это такой город, в котором можно отыскать ключ к любой застарелой морской тайне, раскрыть судьбу сгинувшего без вести корабля, узнать едва ли не о каждом человеке, чья жизнь была хоть как-то связана с морем, дальними плаваниями, полярными экспедициями...

Идешь по строгим линиям Васильевского острова или бродишь мимо фасадов с лепными якорями, масками, кирасами, скользишь взглядом по узким окнам в старомодных переплетах и невольно веришь, что там, за этими оплывшими от времени

стеклами, чего только не перевидавшими на своем беспокойном веку, там, в ветхих книжных шкафах, ящичках дедовских секретеров, в шкатулках с пожухлыми письмами, в чьих-то допотопных семейных альбомах, в связках бумаг и фотографий, погребенных в еще пока не выброшенных сундуках и в запаленных антресолях, там-то и таятся разгадки многих морских тайн... Да что бумаги!.. Сколько драгоценного утасует в сотах памяти нерасспрошенных стариков — последних петроградцев и петербуржанок...

В квартире отставного капитана 2-го ранга Быховского не было ни сундуков, ни антресолей. Его кабинет занимала картотека — мощная машина систематизированной памяти. На мой вопрос о судьбе подводной лодки № 3 Дмитрий Адольфович, выдвинув один из каталожных ящичков, дал точный и исчерпывающий ответ:

— Флагманская лодка дивизиона особого назначения была переброшена в 1916 году на Дунай. Там, базируясь на русский порт Рени, она охраняла стратегический мост от мониторов австро-венгерской флотилии. Как видите, Ризничу выпала честь войти в историю подводного плавания еще и как первому командиру подлодки, действовавшей в речных условиях. Вы бывали на Дунае?

Я бывал на Дунае, и даже заносило меня в зеленый уютный городок Рени на высоком левобережье. Живо вспомнилась быстрая мутная вода в крутящихся воронках и спутанных струях. Там и большому современному теплоходу нелегко, а уж карликовой субмарине и подавно...

— Из Рени, — продолжал Быховский, — Ризнич был направлен в Италию принимать «Святой Георгий». Добирался он туда со своей командой через Персию, Египет, Тунис. Видимо, французы переправили его из Бизерты в Специю... Подводная лодка № 3, или «Бычок», как она еще называлась, осталась в Рени, при оккупации Бессарабии ее захватили румыны. Пытались ввести

ее в строй, но ничего у них не вышло, разрезали «тройку» на лом.

Обо всем этом Быховский узнал почти из первых уст — от боцмана Грязнова, служившего с Ризничем на подводной лодке № 3.

Как-то на заседание историко-литературной секции при Центральном военно-морском музее, которую возглавлял Быховский, пришел лысоватый старичок с аккуратной бородкой, в старом флотском кителе. Он внимательно и почтительно слушал доклады и сообщения. Вряд ли кто-нибудь из присутствующих догадался тогда, что с этим невзрачным человеком под своды музея вошла живая история российского подплава.

Грязнов начал службу на лодках еще в Русско-японскую войну, то есть с красной строки боевой летописи нашего подводного флота. Был инструктором в учебном отряде Шенсновича. После Дуная боцманил на большой подводной лодке «Леопард», на ней же выходил в легендарный Ледовый поход, когда в марте 1918 года из Гельсингфорса в Кронштадт, раздвигая метровый лед, ушли от немцев 250 кораблей, ставших ядром советского флота на Балтике. После Гражданской Василий Михайлович обучал краснофлотцев-подводников. Последняя должность — лаборант одной из кафедр высшего инженерного мореходного училища.

Уж Грязнов-то мог многое рассказать и о Ризнице, и о Шенсновиче... У него наверняка могла быть и фотография командира «Святого Георгия»... Быховский отыскал адрес старого боцмана — 14-я линия Васильевского острова, дом № 73, но тут же предупредил:

— Грязнова я не видел давно. Может быть, его уже и нет...

Вскакиваю в такси и мчусь на Васильевский остров, как будто с помощью четырех колес можно обогнать время... Старый доходный дом с лепной осовавиахимовской эмблемой над упраздненным парадным входом. На этажи вела «черная» лестница. Воистину это была черная лестница.

— Опоздали вы годом, — встретила меня вздохом сожаления пожилая женщина, — умер он... в прошлую Пасху... Поехал за тортом и... прямо в трамвае.

— Вы жена Василия Михайловича?

— И жена померла... Мы-то уж новые жильцы.

— Бумаги какие-нибудь остались? Документы, фотографии, письма?

— Да были бумаги. Во двор все выбросили... Жена Грязнова тихо померла, никто не слышал. Она тут с неделю пролежала... запах пошел. Ну и выбросили все перед ремонтом.

Я спустился в каменный колодец двора, раскаленный июльским солнцем. Из распахнутых окон во двор вливались шумы большого дома: надрывались младенцы и магнитофоны, грохотала пальба с телевизионных экранов, на шестой этаж звали Витьку-паршивца, и сыпались с какого-то подоконника «миллион, миллион алых роз»...

Дом жил своей жизнью, и не было ему никакого дела до старого боцмана, игравшего со смертью в глубинах Балтики и Тихого океана... Через этот двор-колодец протекала Лета — река забвения, и мне вдруг стало до боли жаль лысоватого человека в старом флотском кителе, канувшего в ее мертвую воду почти бесследно...

Вместе с ним исчезли в ее черных омуты и все его потаенные суда, умевшие счастливо всплывать, но только не из глубин реки забвения; исчезли и его годки-товарищи, и те фотографии, где они запечатлены рука об руку с ним, боцманом «Леопарда» и подводной лодки № 3, стинула и общая тетрадь, которой Грязнов поверял свои воспоминания...

Дом № 73 украшала лепная осоавиахимовская эмблема с девизом «Крепи оборону Родины!», и мне захотелось, чтобы рядом были выбиты слова, продолжающие надпись: «...как крепил ее военный моряк Василий Грязнов, живший в этом доме».

СУДЬБА КОРАБЛЯ. Подводную лодку № 3 распропагандированный большевиками экипаж бросил 9 декабря 1917 года в румынском порту Галац. В марте 1918 года корабли австро-венгерской дунайской флотилии, продвигаясь к Измаилу, наткнулись на ее притопленный корпус на участке реки между Галацем и Рени. В октябре субмарину, переименованную в UB-3 и зачисленную в состав австро-венгерского флота, подняли с помощью двух барж и провели по Дунаю до самых Железных Ворот. Затем ее доставили в Будапешт. Весной 1919 года, когда возникшая на обломках империи Габсбургов Венгерская советская республика пыталась отстоять свою независимость, трофейную подводную лодку из дивизиона Ризница привели в боевую готовность. К тому времени отчаянный «Бычок» еще раз сменил свой номер и стал подводной лодкой венгерского флота U-63. Ею командовал подводник бывшего австро-венгерского флота капитан-лейтенант Андор Хертеленди. Он провел серию пробных погружений на Дунае против военно-морских казарм в Обуде. Сведений об участии U-63 в боях за Будапешт не имеется. Последнее упоминание о ней в документах относится к 1921 году, когда многострадальный «Бычок», он же подлодка № 3, UB-3 и U-63, был разобран на металл в месте своей последней стоянке в Уйпеште (район Будапешта).

ОНА УТОНУЛА...

Наверное, столичные штабисты, которые подбирали командира на «Святой Георгий», понимали, что подводник, совершивший самый дальний свой лодочный переход одиннадцать лет назад по прибрежному маршруту Либава — Кронштадт и волею судеб всю войну проторчавший у причальных стенок Пернова и Рени, — не слишком удачная кандидатура для столь рискованного дела, как перегон подлодки-малютки вокруг

Европы из Средиземного моря в Белое. Но назначению Ризнича в этот опаснейший поход предшествовало одно чрезвычайное происшествие, о котором бы мы никогда не узнали, если бы в 2000 году в Россию не вернулось из американского города Лейквуда огромное архивное сокровище, переданное потомками русских моряков-эмигрантов на свою историческую родину. Это был контейнер с письмами, фотоальбомами, дневниками, журналами, издававшимися морскими офицерами на чужбине, рукописями воспоминаний и неизданных книг. Разбирать это сокровище, поступившее в Российский фонд культуры, было поручено историку старого русского флота Владимиру Викторовичу Лобыцыну.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Владимир Викторович Лобыцын, капитан 2-го ранга в отставке, сотрудник Института океанологии и океанографии, служил родному флоту на ниве исторических разысканий до последнего дня жизни. Благодаря его огромному подвижническому труду были спасены от забвения сотни достойнейших моряков-офицеров, не поступившихся честью и не предавших свое Отечество. Книга «Мартиролог русской военно-морской эмиграции», кропотливо составленный и образцово изданный Лобыцыным, стала, пожалуй, главным трудом его жизни. И если в ней нет имени капитана 2-го ранга Ивана Ризнича, значит, можно уверенно полагать: погиб он вовсе не за рубежом...

Именно Владимир Лобыцын, который тоже увлекся судьбой командира «Святого Георгия», и показал мне найденную в эмигрантском архиве пожелтевшую телеграмму морского министра адмирала А. Русина. Она была адресована в Ставку Верховного главнокомандующего, находившуюся тогда в Могилеве, — графу Капнисту, представителю военно-морского флота, и датирована 11 сентября 1916 года:

«Адмирал Веселкин телеграфирует: “Старший лейтенант Ризнич отказался исполнять мое приказание руководить

работами по изготовлению донных мин, что я ему предложил как водолазному офицеру. Он мотивировал свой отказ невозможностью покинуть на время подводную лодку и в присутствии офицеров вел себя возмутительно вызывающе со мной. Я временно его отстранил от командования и прошу срочного распоряжения об экстренной его замене и немедленного отправления его из Рени, а также об отрешении его от должности командира и начальника дивизиона с оставлением на время войны без назначения на суда Действующего Флота, как протестованного мной.

Основание: пункт 5-й ст. 75, книга 17-я.

Адмирал Веселкин¹».

Телеграмма от графа Капниста 16 сентября 1916 года:

«Адмиралу Веселкину.

Подводник лейтенант Шмидт выехал в Рени 16 сентября. Капнист».

По сути дела, старший лейтенант Ризнич был прав: изготавливать донные мины должны минеры, а не водолазные офицеры. Беда, коль пироги начнет печи сапожник... Другое дело, в какой форме выразил он свой отказ. Вообще-то, дисциплина на Дунайской флотилии была аховой, на Дунай ссылали из Севастополя штрафованных матросов, да и офицеров тоже.

Судьба Ивана Ризнича отчасти напоминает судьбу Александра Маринеско — тот же своенравный независимый характер, то же бесстрашие, когда дело касается великого риска, и вечное недовольство начальства. Один совершил поход века, другой — атаку века. И оба получили свое признание, свои награды — посмертно, спустя многие десятилетия.

Итак, из Рени строптивного командира дивизиона особого назначения старшего лейтенанта Ризнича отзывали на Север.

¹ Контр-адмирал М.М. Веселкин, бывший командующий Дунайской флотилией, был расстрелян ВЧК в 1918 г. в Петрограде.

Возможно даже, не столько для того, чтобы убрать с глаз обиженного им адмирала, сколько препоручить ему, знатоку подводных лодок уникального проекта 27-в, подъем затонувшей осенью 1915 года подводной лодки № 2.

Дело заключалось вот в чем. Ввиду того, что навигация на Белом море недолгая, решено было отбуксировать субмарины в незамерзающую Екатерининскую гавань Кольского залива — в Александровск-на-Мурмане. Однако в пути случилась беда.

«11 октября обе подводные лодки, — доносил старший лейтенант Ризнич, — вышли на буксире парохода “Сергей Витте” под конвоем вспомогательного крейсера “Василий Великий”. 15 октября при сильном западном ветре и крупной волне при переходе от острова Сосновец к Йокоганьскому рейду ПЛ № 2 сорвалась с буксира и затонула. Личный состав находился на “Витте”. Точное место гибели установить не удалось».

Спустя девяносто лет в том же Баренцевом море, следуя во все ту же Екатерининскую гавань, и тоже осенью, затонула шедшая на буксире списанная атомная подводная лодка К-159. Ее экипаж в отличие от ПЛ № 2 шел не на буксире, а в прочном корпусе атомарины, и потому погиб, когда оборвались понтоны...

Лейтенант Ризнич, зная невысокие мореходные качества своих карликовых субмарин, возражал против буксировки их в осенние шторма, но командующий флотилией Северного ледовитого океана контр-адмирал Ивановский настоял на этой операции.

Весной 1916 года злополучную субмарину удалось обнаружить, о чем и было доложено в морской штаб Верховной Ставки:

«Мортшаверху. 16 апреля 1916 г. Из Йокоганьги начальник телеграфа сообщил, что у берега в заливе усмотрена наша потерянная подводная лодка. Главнач телеграфировал Кроткову послать туда судно. “Вайгач” прошел Святой Нос. А “Беллавен-

чер” пришел в Александровск-на-Мурмане. Штенгер». Была сформирована команда водолазов с опытнейшими водолазными офицерами лейтенантами Н. Павлиновым и Китаевым. Вскоре командующий флотилией Северного океана контр-адмирал Угрюмов доносил из Архангельска в Генмор: «Для спасения подводной лодки, найденной в Святоносской бухте, из Александровска послан тральщик “Восток” со старшим офицером заградителя “Уссури” Чуть позже адмирал докладывал начальнику Морского Генерального штаба:

«..Лодка закреплена двумя тросами, караул поставили. При осмотре проломов корпуса не замечается. На рубке с обеих сторон стоит цифра “2” Крен на правый борт. Укрепления двумя тросами считаю надежными. Угрюмов».

Однако судоподъемные работы затянулись из-за плохой погоды и других причин. На смену лейтенанту Шмидту, руководившему подъемом, был направлен старший лейтенант Ризнич. Он прибыл к месту работ в начале октября. Но подводной лодке № 2 суждено было навсегда остаться на дне морском. Морской министр адмирал Григорович наложил резолюцию: «Лодку надо исключить из списков. Не стоит тратить деньги».

Так или иначе, но Ризнича хоть и отрешили от командования дивизионом, но все же оставили на «судах Действующего флота», назначив его командиром малой подводной лодки № 1, стоявшей в Александровске-на-Мурмане (ныне город Полярный), лейтенанта Вячеслава Шмидта 3-го отправили на Дунай командовать подводной лодкой № 3.

Обоих офицеров связывала добрая дружба и совместная эпопея по переброске субмарин из Ладоги на Север. На память о крутом повороте судьбы они сфотографировались в Архангельске. Этот уникальный снимок с автографом старшего лейтенанта Ризнича тоже попал в Россию с лейквудским архивом, и его тоже разыскал среди многих прочих Владимир Лобыцын.

СТАРОЕ ФОТО. В резном кресле студийного мастера сидит гологоловый морской офицер в кителе. Рядом стоит его товарищ — лейтенант Вячеслав Шмидт. На лицах — ни тени печали, хотя оба понимали: возможно, расставались навсегда. Война есть война.

Ризнич не долго пробыл в опале. В начале декабря 1916 года морской министр адмирал А. Русин утвердил решение генмора о назначении старшего лейтенанта Ризнича командиром подводной лодки, построенной итальянцами по российскому заказу. Остается гадать, что это было — особое доверие известному ратоборцу за подводный флот или своего рода почетная ссылка с непредсказуемым исходом. Ведь шанс был не столько отличиться, сколько сгинуть в коварном Бискае или угодить под торпеду германского подводного рейдера... Ризнич после многих лет вынужденного бездействия принял это назначение с радостью. Он верил в себя, верил в стойкость и храбрость русского матроса, верил в свою счастливую звезду.

«Найти себе команду дружную и которой можно вполне довериться, — писал он еще до войны, — не так трудно, если принять во внимание громадный контингент желающих плавать на подводных судах».

Именно такую — дружную — команду и подобрал себе старший лейтенант Ризнич. Ее костяк составили матросы и унтер-офицеры с подводной лодки № 1. А для покидаемой субмарины Ризнич сформировал и подготовил другую команду, которую возглавил лейтенант Николай фон Дрейер. Тот самый Дрейер, выведенный Валентином Пикулем в качестве одного из героев романа «Из тупика».

И тут самым неожиданным образом перед Иваном Ризничем возникла еще раз тень Александра Пушкина. Дело в том, что в семье Дрейеров хранился портрет Пушкина, написанный с него в раннем детстве. Этот портрет был передан Надеждой Осиповной, матерью поэта, дочери домашнего врача в подарок

и передавался потом из поколения в поколение, как драгоценнейшая реликвия. Разумеется, Ризнич о том и знать не знал, поскольку все разговоры с лейтенантом Дрейером шли вокруг подводной лодки № 2, комплектации нового экипажа и прочих служебных дел. Но дух Пушкина витал над ними под северным небом, и сегодня, кажется, пушкинская строка про моря и про «гад подводных ход» была тоже провидческой, как и многое из того, что он сумел предсказать. Могли бы они подумать тогда, Ризнич и Дрейер, что через несколько лет примут почти одну и ту же судьбу, здесь же, в Архангельске.

Лейтенант фон Дрейер после октябрьского переворота служил штурманом на ледоколе «Святогор» (потом «Красин»), который ходил под красным флагом. В 1919 году заболел тифом и слег в гарнизонном госпитале Архангельска.

РУКОЮ ПИСАТЕЛЯ. «...Город весь во власти террора, гремел выстрелами — убивали, — писал Валентин Пикуль в “Легенде об одном портрете”. — И тогда в госпитале появился двоюродный брат штурмана — капитан 2-го ранга Георгий Ермолаевич Чаплин.

— Тащите его во двор! — повелел он.

Николай Дрейер был вынесен на носилках из больничной палаты, и брат расстрелял брата... Тут же, на дворе!

...Мне осталось сказать последнее. Память о лейтенанте Н.А. Дрейере была слишком дорога жителям Архангельска, и после изгнания с Севера интервентов ледокол “Иван Сусанин” получил новое имя — “Лейтенант Дрейер”! В самые трудные годы Советской власти он охранял наши полярные рубежи, а в 1922 году погиб в Чешской губе, затертый жестокими льдами...»

Над рубкой малой подлодки взвихрялась большая история... А экипажу ее предстояло большое и историческое плавание. Но сначала надо было попасть из Александровска-на-Мурмане в далекую Италию, на самый каблук ее «сапога» — в Специю.

Одно время ходила такая легенда, будто экипаж «Святого Георгия» сплошь состоял из младших офицеров, переодетых в матросское платье. Но это не более чем легенда. Все пятнадцать человек команды были натуральными матросами и унтер-офицерами, вызвавшимися идти в опасное плавание добровольно. Офицерские же погоны носили на лодке кроме Ризнича лишь двое: штурман лейтенант барон фон А. Ропп и подпоручик по адмиралтейству М. Мычелкин. Оба бывалые моряки, прошедшие в буквальном смысле и огонь, и воду...

Барона Александра Эдуардовича фон Роппа, потомка древнего рыцарского рода, Ризнич пригласил из «клуба самоубийц», как тогда называли дивизию траления Балтийского моря. Лейтенант фон Ропп командовал в ней тральщиком № 1 и весьма отличился при тралении Моонзунда. До того Ропп служил на крейсере «Аскольд», штурмовавшем вместе с английской эскадрой дарданелльские форты.

Еще раньше — в 1908 году — мичман Ропп вместе с другими моряками линейного корабля «Слава» и всей гардемаринской эскадры участвовал в спасении жителей Мессины, разрушенной мощным землетрясением. На мундире его рядом с орденом Станислава поблескивала серебряная итальянская медаль «За оказание помощи в 1908 году в Сицилии и Калабрии»...

На флоте служил и его родной брат фон Ропп 2-й, оставшийся после Гражданской войны в Бизерте.

Подводный стаж Александра фон Роппа был невелик: в январе 1915 года он был назначен в бригаду подводных лодок для прохождения краткосрочных офицерских курсов подплава. Затем стажировался на подводных лодках «Кайман» и «Крокодил». Однако полностью курс подготовки не прошел — был отчислен из бригады по состоянию здоровья и назначен на дивизион подводных лодок особого назначения.

Вахтенный начальник подпоручик по адмиралтейству Михаил Алексеевич Мычелкин прошел все ступени флотской

службы: матрос, кондуктор, офицер. Немало морей избородил он на своем веку. Воевал во время боксерского восстания в Китае на канонерской лодке «Сивуч». Участвовал в штурме крепости Таку в 1900 году. Первую мировую встретил на крейсере «Жемчуг», ходил на нем в Индийский океан и уцелел, когда в Пенанге немецкий рейдер «Эмден» торпедировал «Жемчуг» во время ночной стоянки. Однако опыта в подводном плавании почти не имел. В 1915 году занимал должность старшего баталера штаба командующего Сибирской флотилии. Затем перевод на Север. На дивизионе особого назначения он исполнял обязанности ревизора, то есть занимался хозяйственно-снабженческими делами. Так что из всех офицеров только один командир и был настоящим подводником. Его опыта должно было с лихвой хватить на весь экипаж.

Проблема сплоченности экипажа, психология взаимоотношений командира подводной лодки и членов команды волновали Ризнича не меньше, чем техническая сторона подводного плавания. «Что лучше, — задавался он вопросом, — будет ли командир отделен от команды и управлять лодкой отдельно или команда будет иметь возможность все время следить за командиром? Мне кажется, что где бы то ни было и что бы ни делалось, но если от действий другого зависит наше благосостояние, а тем более жизнь, то удивительно хочется быть в курсе дела и кажется очень тяжелым не иметь возможности следить за всеми действиями лица, в руках которого находится наша жизнь».

Команде «Святого Георгия» повезло: у нее был не просто отважный командир, но командир-психолог...

Командир был назначен, подобран был экипаж, а между тем вопрос о передаче лодки России все еще висел в воздухе. Истощенная затянувшейся войной царская казна не могла выплатить заводу те миллионы, которые оговаривались в контракте. Союзники-англичане обещали кредит, но не очень торопились.

Тем временем, ничего не зная о закулисной борьбе дипломатов и финансистов, экипаж подводников под командованием старшего лейтенанта Ризнича начал свою военную одиссею...

Дмитрий Быховский ошибался, прокладывая маршрут Ризнича в Италию через Персию, Египет, Тунис. Путь русских моряков пролегал через Англию, Францию, а затем — Средиземным морем — в Италию. Он известен с точностью до каждого дня, благодаря чудом сохранившимся письмам старшины машинной команды унтер-офицера Кузьмы Александровича Ильяшенко.

СКРИПКА СТРАДИВАРИ НА БОРТУ «СВЯТОГО ГЕОРГИЯ»

Февральская революция грянула в разгар последних приготовлений к поездке в Италию. Ризнич полагал, что теперь все отменяет дробь походу, но, несмотря на эйфорию «великой и бескровной», его небольшой экипаж, облаченный в бушлаты первого срока и новенькие ботинки (выдали для заграничного вояжа все новенькое), сел в Романове-на-Мурмане на борт английского парохода и 1 марта 1917 отбыли в Англию. В Ливерпуль прибыли ровно через неделю. А на следующий день — 10 марта — русских моряков отвезли в Лондон, где российские эмигранты и сочувствующие им англичане устроили митинг в поддержку революции в Петрограде. Русских моряков, только что прибывших из эпицентра событий, встретили в Альберт-холле восторженно. Унтера-офицера Ильяшенко, как имевшего революционный опыт в мятежах 1905 года, посадили в президиум, и он сидел рядом с Максимом Литвиновым, будущим министром иностранных дел СССР.

А старший лейтенант Ризнич, пока шел митинг, прогуливался со своими офицерами по Пикадилли. Они еще не догадывались, чем обернутся для них все эти революционные восторги.

Однако война продолжалась, и Россия под эгидой Керенского продолжала вести бои на суше и на море.

«14 марта 1917 года из Лондона в Генмор.

Старший лейтенант Ризнич прибыл в Лондон в пятницу вечером. Просит перевести из команды “Пересвета” на подводную лодку одного телеграфиста и двух минных машинистов.

Морской агент контр-адмирал Волков».

15 марта русские подводники пересекли Ла-Манш и через Амьен прибыли в Париж, затем в Лион, а оттуда поездом — в Милан и далее электропоездом прибыли ночью 22 марта в Специю, где их поджидала новая подводная лодка.

Итальянские власти встретили моряков из мятежной России настороженно. Только что за революционные выступления им пришлось удалить из Специи экипаж ремонтирующегося русского парохода «Млада». Но подводники дружно занялись делом — изучением механизмов нового корабля и доводкой их до рабочего состояния. Старшина машинной команды унтер-офицер Ильяшенко уехал вместе с Ризничем в Турин принимать на заводе «Фиат» двигатели для своей субмарины, которая пока еще носила итальянское имя «Сцилла». Ризнич доверял толковому 32-летнему старшине-машинисту. Два года назад он вручил ему в Вологде серебрянные именные часы с дарственной надписью: «За спуск лодокъ въ Вологде. От Старш. Лейтен. Ризнич и Лейт. Шмидт». С этими часами Ильяшенко не расставался до конца жизни.

Была у унтер-офицера Ильяшенко одна страсть — скрипка. Он захватил с собой в Италию свой простецкий инструмент и скрашивал часы досуга команды весьма неплохой игрой. Слушали русского скрипача в морской форме и итальянцы. Однажды один из них, отозвав старшину в сторонку, предложил «маэстро» приобрести скрипку работы самого Страдивари. По случаю и по сходной цене. Ильяшенко не поверил в такой подарок судьбы. Но под потемневшим лаком явно старинной скрипки проступал фирменный знак — «Antonius Stradiuarius. Cremonsis. Faciebat Anno 1723».

И сердце у Ильяшенко дрогнуло, отдал за драгоценный инструмент все свое заграничное жалованье за все месяцы вперед.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Кузьма Александрович Ильяшенко родился в 1885 году в Курской губернии, селе Глушково Рыльского уезда. Работал в Николаевском военном порту. Рассчитан в 1905 году за участие в забастовках. В 1907 году безработный Ильяшенко поступил на военную службу в Балтийский флот. Служил в Учебном отряде подводного плавания мотористом. Совершил поход на подводной лодке «Святой Георгий» из Специи в Архангельск. В 1918 году вернулся в родной Николаев, откуда вскоре ушел с отрядом моряков-черноморцев воевать с белыми. После Гражданской работал на Черноморском судостроительном заводе. Попал под немецкую оккупацию. Был сбит немецким мотоциклистом, тяжело повредил ногу, долго болел. Скончался в послевоенные годы.

Все это открылось самым неожиданным образом. В начале 90-х грянула так называемая «перестройка» с приватизацией, ваучеризацией и прочей чертовщиной. И без того небогатый российский народ обнищал враз и надолго. Люди, как после «перестройки» 1917 года, понесли продавать вещи, чтобы свести концы с концами. У ворот того же Преображенского рынка, где когда-то на складе макулатуры я наткнулся на старые газеты с заметкой об угоне «русской подводной лодки», вытянулись предлинные шпалеры торговцев поневоле. Слезы наворачивались на глаза при виде бабулек, которые выставляли на продажу кто горшочек с геранью и пузырек валокордина, кто давно вышедшие из моды дочкины туфли, пластмассовые расчески, чашки, ложки, поварешки... Ложки отнюдь не серебряные, как в послецарские времена, а из нержавеющей стали, а то и вовсе алюминиевые. Деды продавали старые армейские ремни, стиранные гимнастерки, болты, гвозди, молотки, долота и прочий «струмент». На меня, как, впрочем, наверное, и на других москвичей, которые слыли состоятельными, как-никак, писатель, обрушился поток самых неожиданных предложений.

Мне предлагали купить лунный глобус и старинный фотоаппарат с пневматическим спуском — от резиновой груши, собрание сочинений Гарина-Михайловского и коллекцию армейских пуговиц времен Крымской войны, дозиметр и действующий полевой телефон... На такой волне всплыла передо мной и скрипка Страдивари, та самая, которую доставил из Италии в Россию унтер-офицер Ильяшенко на подводной лодке «Святой Георгий». Привез ее в Москву на продажу кто-то из потомков старшины машинной команды и вышел на меня. Денег на приобретение столь дорогого и к тому же не нужного мне инструмента (разве что как реликвию, связанную со «Святым Георгием») у меня не было. К тому же накануне знакомства с продавцом шедевра Страдивари в газете «Советская Россия» вышла статья «Фальшивый автограф», где директор государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов В. Куликов рассказывал:

«...После показа телевизионного фильма “Визит к Минотавр» к нам в госколлекцию ежедневно приходят по 10—15 писем с сообщениями о находках ценных инструментов. Без преувеличения могу сказать, что за это время мы осмотрели не менее тысячи скрипок, но, увы, подлинных изделий Страдивари не обнаружили... Массовое, поточное производство подделок было налажено, кроме Италии, во Франции, Англии, Польше, в ряде других стран. Причем некоторые фирмы даже не стремились нарочно ввести в заблуждение потомков, для них клееная этикетка с именем Страдивари — знак признания и уважения к мастерству великого мастера из Кремоны. Но вместе с тем было немало фирм, которые, копируя автографы, хотели подороже сбыть свою продукцию...»

... Во время нашей беседы Владимир Михайлович несколько раз брал телефонную трубку. Звонили из разных городов страны, сообщали: «Найдена скрипка Страдивари!»

Короче, я так и не стал счастливым владельцем раритетной скрипки, но зато познакомился с родственниками

бывшего механика «Святого Георгия» (по существу, Ильяшенко выполнял на лодке обязанности инженера-механика) и узнал, во-первых, точный маршрут и точную хронологию командировки Ризнича с экипажем из Мурмана в Италию, а во-вторых, познакомился с замечательными потомками машинного старшины. Его сын стал видным конструктором подводных лодок в питерском бюро «Малахит», а дочь Ирина Кузьминична служила военным врачом в медсанбате той самой 150-й Идрицкой стрелковой дивизии, чей флаг был водружен над поверженным Рейхстагом в победном мае 1945 года. Но это уже другая история.

Ирина Кузьминична написала мне несколько писем, куда включила и отрывки и из писем отца времен Первой мировой войны. В них — живые штрихи быта российских первоподводников в Либаве:

«...Вот сейчас пишу, а рядом в комнате граммофон вовсю орет, а братва в домино на квас, колбасу и конфеты очки зажимает, шары по бильярду катает да друг над другом подтрунивают — кому уши приделают или лопухи (они же уши) обобьют. А как обобьют, тогда и запевают: “Ой, вы уши, мои уши, уши длинные мои” на мотив “Солнце всходит”

...Сегодня был в городе в театре, смотрел “Фауста”, хотя опера и на итальянском языке, но все-таки понял...

Новостей особенных нет, разве что у нас в отряде теперь живет медведь, а имя ему Машка. Это “Сигу” (подводной лодке. — Н.Ч.) подарок.

В четверг мы ходили в море, и в тот же день как раз пришло одно судно из-за границы, а на нем есть и бывшие подводники-офицеры. И вот они в Норвегии купили медведицу “Сигу” в подарок. И когда вели ее с “Сига” в отряд, она как испугалась музыки да бежать в лес. А мы за ней и никак не возьмем ее в руки, все выворачивалась, если удавалось схватить. А мне палец порядочно укусила. И теперь Машка ходит ночью по роте — то

одеяло с кого-нибудь стащит, то одежду посбрасывает, то по шкафчикам лазает. А наш командир оставил ее ночевать в своей каюте, так за ночь она у него все там побила и по полу раскидала. А днем по роте целая толпа матросов за ней ходит, борются с ней, валяют ее, перекидывают, покамест не удерет...»

Из письма от 5.09.1914 года:

«...У нас задержали шведские и германские коммерческие суда, за которыми мы смотрим, и вот на одном из шведских пароходов пишу это письмо... У нас в Либаве вокзал переполнен выезжающими жителями и запасными.

...Теперь вот опишу, как я уходил из Либавы на войну. В последние часы перед уходом вышли мы все во двор, составили ружья и ожидаем приказаний. Между тем я все придумывал, как захватить с собой скрипку. В последний раз сыграли кто на чем. Потом приказали строиться и уходить. Гармонии и гитары так и оставили во дворе, старьевщики еще при нас собирали их в свои мешки. Был слух, что мы уходим на передовые сухопутные позиции. И вот сверх прочего всего вооружения прицепил я и скрипку свою за спину. Ребята тоже говорят: “Бери.” Нашли в отряде кусок канифоли и вышли. Васе (это Шершову) я говорил дорогой к вокзалу: “Буду нести, пока не надоест, а потом брошу или отдам кому-нибудь”. А он говорит: “Неси, неси, если тяжело будет нести, я буду подменять.” В вагоне, конечно, скрипка послужила. И Сережа Косолапов даже про свою молодую жинку забыл на время. Все “Псковскую” под скрипку напевал. Приехали в Петроград, и там меня один нечаянно штыком под глазом оцарапнул. Фельдшер постарался и всю голову мне забинтовал. От строя отстал и поехал с лазаретом на подводе с ружьем. Бабы как увидали: “Раненый, раненый!” А с другой стороны посмотрели, увидели скрипку — смеются. И на самом деле смешно: несмотря на то, что за пазухой патроны, табак, трубка, сверху тоже патроны, сумка с сухарями, ружье, шинель и... скрипка со смычком. Только вот не знаю, как улажусь с нею (со скрипкой. — Н.Ч.) на подводной лодке...

Теперь две наших лодки заканчивают, и скоро уйдем в Ладожское озеро на пробное погружение».

Ирина Кузьминична писала: «К сожалению, здесь мало о “Святом Георгии”, но это все равно из морской жизни... А из Италии было только одно письмо — из Турина. Может быть, где-нибудь осталось в Ленинграде? Но, кажется, взяла все. Из писем узнала, что папа за 10 лет службы плавал на учебном судне “Океан”, на подлодках № 1, № 2, № 3, на “Сиге” (наверное, там была очень дружная команда, так как в письмах — “наш «Сиг»”, наш “Сиговский”) и закончил службу на “Святом Георгии”

Цыганка в Специи нагадала ему долгую жизнь и избавление от смертельной опасности. “Святой Георгий” был послан на боевое задание, но был отозван, вместо него погибла другая (итальянская) лодка. Отец жил, не веря, что доживет до 70 лет. Но дожил.

Остались у нас: 1. Папины карманные часы “За спуск подводных лодок в Вологде от ст. лт. Ризнич”. 2. Медаль “За храбрость” 3 ст. (кажется, за спасение итальянского судна). 3. Ленточка с бескозырки “Сиг” 4. Портсигар с надписью “Лучшему стахановцу завода Марти т. Ильяшенко К.А. в день трехлетия стахановского движения. 29 авг. 1938 г.”. (Папа все время работал на судостроительном заводе, теперь он называется ЧСЗ — Черноморский судостроительный завод — машиностроителем на плавдоке.)

Остались и путеводители тех лет по Лондону, Лиону, Турину, Генуе, а также по кладбищу Стальено (Staglieno) в Генуе, где был потом во Вторую мировую войну похоронен Федор Полетаев.

Папин младший брат (моложе папы почти на 20 лет) 35 лет прослужил на Тихоокеанском флоте на гражданских судах механиком. Он плавал на т/х “Смоленск”, когда они ходили за челюскинцами. Запомнился мне один его рассказ. Во время Великой отечественной войны пришли они в Сан-Франциско. Дядя Петя с товарищами зашел в ресторан, и сели они за столик, где сидели два негра. К ним подошел официант и сказал, что есть

свободные столики, почему сели с неграми? Наши, конечно, не пересели. А когда официант ушел, негры под столом пожимали им руки. Я это иногда студентам своим рассказывала.

Всего доброго! Ирина Кузьминична Ильяшенко».

Такая вот история со скрипкой Страдивари, и не только с ней.

Но вернемся в Италию 1917 года, на подводную лодку под Андреевским флагом.

Морской министр приказал назвать подлодку «Ф-1» («Фиат-1»), однако подводники запротестовали. Морской агент капитан 1-го ранга Врангель доносил в генмор:

«Нашей подводной лодке заводом перед спуском было дано имя “Святой Георгий”. Командиру и команде весьма желательно было бы, если возможно, оставить название, тем более что данное ей — “Ф-1” — по-немецки означает «скот», “скотина”...»

Просьбу команды уважили. За подводным кораблем утвердили гордое и победное имя. Кстати, Ризничу уже довелось служить на «Георгии Победоносце» — эскадренном броненосце. Это было 15 лет тому назад. И вот — новый «Георгий»...

19 апреля 1917 года Лондон наконец раскошелился и перевел заводу «Фиат» обещанный России кредит — 2 251 628 лир.

Путь в Россию был открыт.

ПОХОД

У похода «Святого Георгия» была своя очень важная предыстория.

В сентябре 1916 года германское командование направило в Северный Ледовитый океан флотилию подводных лодок. Восемь субмарин развернули самый настоящий террор: за десять дней они пустили ко дну четырнадцать русских и союзных транспортов.

Но уже собирала свои силы флотилия Северного Ледовитого океана. И уже шли из далекого Владивостока через три океана в четвертый выкупленные у японцев эскадренные броненосцы «Полтава», «Пересвет», крейсер «Варяг»... Спешил из Средиземного моря крейсер «Аскольд». Дымились буксы у железнодорожной платформы под тяжестью подводной лодки «Дельфин», которую сопровождал из Владивостока в Архангельск будущий вахтенный начальник «Святого Георгия» подпоручик по адмиралтейству Михаил Мычелкин.

Флотилия стягивала свое боевое ядро. Ни одна страна не собирала свои корабли к бою на таком пространстве. Долог и опасен был путь на север. Не всем удалось дойти до скалистых берегов Мурмана. На выходе из Порт-Саида взорвался по неизвестной причине «Пересвет».

Самым малым кораблем, добравшимся на север, была подводная лодка «Святой Георгий».

...Старый вахтенный журнал. Пожелтевшие разграфленные страницы, каллиграфический бег пера и следы от капель соленой морской влаги:

«7-го мая 1917 г. Воскресенье, г. Специя.

11.30. На строившейся в Италии в городе Специя на заводе «Фиат — Сан-Джорджо» лодке подняты флаг, гюйс и вымпел. Лодка начала кампанию.

Освящение лодки и Флага произвел приехавший из Рима священник при Российском в Италии посольстве архимандрит Симеон в присутствии Российских консулов из Флоренции и Сицилии, главного командира гавани Специя вице-адмирала Кани, администрации завода и офицеров строящихся лодок для Испании и Португалии».

«Из Специи. Вторник 13/20 июня.

7.00. Погрузили на конвоир, итальянский вооруженный пароход «Равенна», офицерский багаж; команда окончательно перешла из занимаемого на заводе помещения на лодку.

8.25. Вышли в бухту на погружение и дальнейшее следование с конвоем “Равенна” в Геную.

16.30. Стали на правый якорь в порту г. Генуя около завода “Ансальдо”, пришвартовались кормой к стенке.

Лейтенант барон Ропп-1-й».

Записи в вахтенном журнале вел старший офицер подводной лодки лейтенант барон Ропп-1-й. Несмотря на отрывочность заносимых в журнал сведений о походе, обстоятельства опасного плавания прорисовываются весьма отчетливо.

В Генуе «Святой Георгий» получил первое боевое задание: отконвоировать в Гибралтар вместе с французским эсминцем и подводной лодкой восемь союзных транспортов. 18 июня 1917 года Ризнич вышел из Генуи в охранении каравана. Этим рейсом начинался долгий путь домой...

О том, в каких условиях протекало четырехмесячное океанское плавание, можно судить по свидетельству одного из подводников той поры:

«Даже в холодные зимние дни в отсеках не могло быть искусственной теплоты, так как драгоценное электричество не могло быть выделено для обогрева и температура внутри лодки была температурой воды, в которой она плавала. Спертый воздух, насыщенный маслом от работающих машин, запахом камбуза, необходимость хода целые дни без ванны и даже без умывания — все это было слишком неудобно.

Корабль постоянно качало, и некоторое число команды, даже испытанных людей, часто болело морской болезнью. Постоянная качка делала почти невозможным стоять или спать, и хотя бедный моряк мог бы выспаться, но качка выбрасывала его из койки на палубу. Едва можно было писать (слишком холодно) и читать, так как было мало света и главным образом потому, что от качки глаза не могли держать в фокусе написанное.

Но наиболее раздражающим явлением в жизни подводной лодки была сырость. Над матросом, лежавшим в койке, зачастую капала вода, подобно дождю.

Несколько часов плавания под водой приводили к тому, что умственное состояние определялось как «обалдевание» Но физические страдания почти ничто в сравнении с мыслью, что лодка в любую минуту могла натолкнуться на германские мины».

«Святой Георгий» отправился в плавание в самый разгар подводной войны. В феврале 1917 года Гинденбург и Людендорф настояли на том, чтобы Германия начала неограниченные действия подводных лодок. Атлантика кишела немецкими субмаринами. То была последняя и потому особенно яростная попытка задушить Англию кольцом морской блокады.

Караван, который сопровождал «Святой Георгий», вошел в Гибралтар, прижимаясь к побережью Франции, держась подальше от некогда бойких главных морских трасс Средиземноморья.

Справа по борту оставались роскошнейшие европейские курорты — Ривьера, Ницца... Немыслимо голубое летнее море меньше всего походило на «театр военных действий».

Вечером 21 июня моряки каравана наблюдали лунное затмение. Штурман Ропп записал в вахтенный журнал с прилежностью астронома: «19.16. Началось лунное затмение.

Четверг. 1.30. Луна очистилась».

Подводники, люди, склонные к поиску предзнаменований, толковали — добро или беду сулит затмение светила. На другой день выяснилось, что беду. Неподалеку от Картахены на «Святой Георгий» вдруг ринулся испанский крейсер с явным намерением протаранить лодку. Пришлось срочно погружаться и уходить на безопасную глубину. То ли испанец ошибся, то ли имел злой умысел — гадать было некогда...

25 июня караван благополучно добрался до Гибралтарской скалы. Оттуда «Святой Георгий», не обремененный конвойной службой, двинулся налегке. Однако едва они миновали пролив и вышли в Атлантику, как на лодку обрушилась беда за бедой. Сначала вышел, из строя мотор-генератор гирокомпаса. Затем налетел шторм, да такой, что нечего было и думать о починке путевого прибора.

«4/17 июля 1917 г. Вышли из Гибралтара.

Зайдя за мыс Сан-Винсент, встретили свежий *port*, зыбь крупная, сильно заливаает. Подводная лодка принимает много воды».

Можно себе только представить, сколько драматизма скрыто за этой скупой строкой. Ведь именно так, «принимая много воды», погиб в осенний шторм броненосец «Русалка». Имя этого корабля, затонувшего на Балтике в 1893 году, прогремело на всю Россию. Из ста семидесяти семи матросов и офицеров не спасся никто. В ревельском парке Кадриорг на пожертвования народа был сооружен прекрасный памятник. Всякий раз, когда погибал в море корабль, к подножию монумента приносили венки.

Незадолго перед выходом «Святого Георгия» в свое отчаянное плавание постамент «Русалки» был снова завален живыми цветами. На траурных лентах поблескивало имя подводной лодки «Барс», без вести пропавшей в боевом походе. «Барсом» командовал опытейший подводник, одноклассник Ризнича по Морскому корпусу и отряду подплава старший лейтенант Н. Ильинский. Большая, новейшая по тому времени подводная лодка исчезла в глубинах Балтики. Малая, прибрежного плавания субмарина штурмовала океан. Легко могло стать, что рядом с венками экипажу «Барса» положили бы свежие погребальные гирлянды. Но Ризнич вывел «Святой Георгий» из штормовой полосы и благополучно привел его в Лиссабон.

«6/19 июля 1917 г. Стали на бочку на рейде г. Лиссабон. Перебирали и сушили моторы, перископы, залитые соленой водой».

В Лиссабоне команду ждал отдых перед самым опасным участком маршрута — переходом в Англию. Пути к Британским островам были густо усеяны германскими минами, перекрыты кайзеровскими подводными лодками. Число их на позициях превышало порой три десятка.

Португальцы приняли русских подводников радушно: приготовили баню, сводили на бой быков. Коррида Ризничу и его спутникам не понравилась. И без того много крови лилось на полях Европы.

Пять суток прорывался «Святой Георгий» через коварный Бискай в Англию. Сто тревожнейших бессонных часов. И в любую секунду под бортом мог грянуть взрыв мины, торпеды...

Им везло. Командир немецкой подлодки промахнулся. Торпеда, выпущенная им по «Святому Георгию», прошла по корме. Ризнич записал в вахтенный журнал: «20-го августа 1917 года. Вышли из Плимута в Скапа-Флоу. Около мыса Уред мина прошла между тральщиком с запасными вещами, шедшим сзади нас, и нами, причем ее видели шкипер тральщика, рулевой и командир».

Англичане тепло приняли русских подводников. Помимо всего прочего им грело душу и название корабля. Легендарный адмирал Нельсон держал свой флаг на фрегате «Святой Георгий».

24 августа, оставив Скапа-Флоу — главную базу британского флота, «Святой Георгий» двинулся вдоль Скандинавии к родным берегам. Но Северный Ледовитый океан уже вздымал осенние штормы.

Мне довелось видеть подводную лодку, попавшую в хороший циклон. Стальные листы легкого корпуса были смяты

в гармошку, из прорех торчали вывернутые волнами баллоны воздуха высокого давления...

У мыса Нордкап «Святой Георгий» попал в шторм похлеще, чем на выходе из Гибралтара. Стоять на мостике было невозможно — валы перекатывались через рубку, — и Ризнич приказал задрать все люки. Дизель остановили, ему не хватало воздуха. Всю ночь лодка держалась против волны, выгребая на малых оборотах под электромотором. Потом, в Архангельске, подводники отмечали эту ночь как свое второе рождение. А тогда, в бушующем Норвежском море, кое-кто из команды уже начал переодеваться в чистое — смертное белье.

Конструктор лодки немало бы удивился, узнав, что его маленький «Фиат» выдержал океанские шквалы. Наверное, он с удовольствием пожал бы руку отважному командиру. Но это сделали за него соотечественники Ризнича, архангелогородцы, высыпавшие ясным сентябрьским утром встречать «Святой Георгий» под марши духового оркестра и перезвон соборных колоколов.

9 сентября 1917 года командир лодки доносил командующему флотилией Северного Ледовитого океана:

«Рапорт

Доношу Вам, г. Адмирал, что сего числа с вверенной мне командой прибыл из Специи и ходатайствую о зачислении ее в дивизион подводных лодок особого назначения с I.IX. 1917 г.

При сем доношу, что нам пришлось все время прорывать блокируемые подводными лодками зоны и проходить вблизи минных полей неприятеля, выдерживать жесточайшие погоды, как-то у Сан-Винсента и Норд-Капа, конвоировать суда, не потеряв ни одного, что в настоящее время считается чрезвычайно редким в Средиземном море.

Список личного состава лодки на обороте сего прилагается.

Старший лейтенант Ризнич».

В списке, прилагаемом Ризничем, были указаны:

1. Старший офицер, лейтенант А.Э. фон дер Ропп-1-й.
2. Подпоручик по адмиралтейству М.А. Мычелкин.
3. Боцман Гусев, старший унтер-офицер.
4. Охотник, младший унтер-офицер Семенов.
5. Старший унтер-офицер Юдин.
6. Младший унтер-офицер Доданов.
7. Младший унтер-офицер Никитин.

Мотористы:

8. Младший унтер-офицер Столяров.
9. Старший унтер-офицер Кузьмичев.
10. Минный машинист, младший унтер-офицер Русинов.

Электрики:

11. Младший унтер-офицер Лапшин.
12. Младший унтер-офицер Тимофеев.
13. Комендор, младший унтер-офицер Туликов.
14. Старший радиотелеграфист Кистень.

В приказе по флоту и Морскому ведомству морской министр контр-адмирал Д.Н. Вердеревский отмечал:

«Этот блестящий, исключительный по условиям плавания переход лодкою малого водоизмещения в осеннее время свыше 5000 миль через ряд зон расположения германских подводных лодок, минных заграждений и т.п. наглядно показывает, что офицерам и матросам, сплоченным взаимным уважением и преданным своему делу, не страшны не только поставленные врагом всевозможные преграды, но и сама стихия... Родина вправе будет гордиться беспримерным в истории подводного плавания переходом подводной лодки малого водоизмещения из Италии в Архангельск».

Старший лейтенант Ризнич был произведен в капитаны 2-го ранга и награжден орденом Владимира 4-й степени

с мечами и бантом. Так он поставил великолепную точку в своем давнем споре с Колчаком и Энгельманом.

Вахтенный журнал «Святого Георгия» обрывается в ноябре 1917 года. Из последней записи можно понять, что лодка стоит на ремонте в Архангельске, что запчасти в портовых амбарах Соловецкого монастыря растащены, что обогревный пар на корабль подавать перестали... А через три месяца «Святой Георгий» вступил в самый бурный период своей жизни. 17 февраля 1918 года его экипаж перешел на сторону советской власти.

Моторный старший унтер-офицер Илларион Кузьмичев был выдвинут членом Центрального комитета флотилии Северного Ледовитого океана. А моторист Яков Ужакло стал в годы Гражданской войны комиссаром службы связи Белого моря в Совете комиссаров флотилии.

...Всего лишь полгода развевался над кораблем Андреевский флаг. Семь лет «Святой Георгий», переименованный в «Коммунар», нес службу в Красном флоте.

В августе 1918 года в Архангельск вступили английские интервенты. Многие корабли флотилии Северного Ледовитого океана были захвачены и уведены в Англию. Но «Коммунар» оставался верным присяге пролетарской республике. Экипаж увел подводную лодку вверх по Северной Двине, а затем, приводя ее в негодность, выбросил на отмель. Лишь с возвращением советской власти в Беломорье «Коммунар» снова вступил в строй. Правда, на этот раз как учебное судно.

5 июля 1924 года потрепанную в боях Гражданской войны подводную лодку разобрали в Архангельске на металл. Имя «Святого Георгия» — «Коммунара» было исключено из корабельного списка. Из списка, но не из истории.

А вот следы кавторанга Ризнича безнадежно терялись в дореволюционном Архангельске. Можно только предполагать, что он погиб в февральские дни 1918 года. Никаких сведений о нем в последующие годы нет.

ОХОТНИЧИЙ ПЫЖ ИЗ СТАРОЙ ГАЗЕТЫ

Я возвращался из архива, не в силах отделаться от ощущения, что упущен кончик нити, который ведет к Ризничу. Но какой? Кажется, побывал всюду, где только можно было хоть что-то о нем узнать, — Центральный военно-морской архив, Центральная военно-морская библиотека, Центральный военно-морской музей... Вдруг припомнилась графа из послужного списка, где шла речь о семейном положении. Короткая запись: «сын Иван, 1908 г. Кронштадт». Если он жив, этот сын Иван, если за три войны с ним ничего не случилось, значит, ему сейчас за семьдесят. И если он никуда за эти годы не переехал, что весьма маловероятно, то живет он либо в Кронштадте, либо в Ленинграде.

Подхожу к ближайшему справочному киоску — у Московского вокзала, — заполняю бланк... Через четверть часа получаю ответ. О, чудо! «Ризнич Иван Иванович 1908 года рождения проживает по адресу: ул. Халтурина, д. 11». Да это же в двух шагах от моего архива! Сын Ризнича живет в двух шагах от дома, где хранится личное дело его отца.

Не медля ни минуты, возвращаюсь на улицу Халтурина. Вот большой и старый, по-видимому, бывший доходный, дом. В одном из закоулков двора-лабиринта нахожу нужный подъезд, поднимаюсь на четвертый этаж, нажимаю кнопку трескучего звонка. Еще секунда, и я перенесусь на семь десятилетий назад... Проходит секунда, другая, третья... Проходит почти минута, прежде чем дверь приоткрывается на цепочке и в щели возникает старушечье лицо. Спрашиваю Ивана Ивановича.

— А его нет. Вы кто ему будете?

Представляюсь, объясняю, по какому делу нужен мне Ризнич. Старушка смягчается, и дальнейший наш разговор протекает на многостольной коммунальной кухне. Из рассказа соседки узнаю, что Иван Иванович говорить об отце не любит,

что человек он своенравный, резкий, вспыльчивый, гордый, к нему подход нужен.

Напоследок я узнал, что Ризнич-младший — художник-фарфорист, и довольно известный, работает и по сию пору на фарфоровом заводе имени Ломоносова.

Я распрощался и ушел, несколько обескураженный «информацией к размышлению». Поразмышлять было о чем. Если и в самом деле тема отца для Ризнича неприкосновенна — мало ли тому личных причин, — то при неосторожном расспросе легко получить поворот от ворот.

План действий придумался к вечеру. Я приду к Ризничу не как к сыну командира «Святого Георгия», а как к художнику-фарфористу. Для одной из газет я писал о Конаковской фаянсовой фабрике, знал немного предмет и мог завязать беседу с художником, не выглядя абсолютным профаном. На всякий случай угром полистал еще кое-какие искусствоведческие книги.

Еду на Халтурина, вхожу в знакомый уже подъезд. На сей раз дверь открывает сам Ризнич. Высокий крепкий старик в полувоенном платье. Мое появление его не очень удивило. О нем писали в заводских и городских газетах, в художнических журналах, так что к визитам корреспондентов он вроде бы привык. Познакомились. Прошли в комнату. Украдкой оглядел стены — нет ли портрета отца? Нет. Висели расписные тарелки, но ничего хотя бы косвенно намекавшего на «Святого Георгия» в комнате не было. Зато множество странных вещей выдавали чудной быт этого сложного человека. На подоконнике стоял аквариум с личинками комаров — наживкой для будущих рыбалок. Несколько насекомых вылупились и противно зудели в воздухе, несмотря на снег за окном. С высоких стен смотрели чучела тетеревов, вальдшнепов, глухарей; поблескивал золотом корешков многотомный Брем в соседстве с «Птицами СССР»; на антресолях торчали ложки, треноги старых мольбертов и прочая рухлядь...

Мы договорились встретиться завтра в музее фарфорового завода, где выставлены многочисленные работы Ризнича-художника.

Этот второй мой визит дал не намного больше, чем первый. Я узнал, что Иван Иванович почти всю жизнь провел в Ленинграде. И в войну здесь же служил старшиной-радиотелеграфистом на тральщике «Шуя». На Ломоносовском заводе работает с довоенных времен. Художнические его работы демонстрировались на международных выставках в Нью-Йорке и Лондоне, Париже и Милане...

В музее образцов фарфорового завода мы долго ходили между витрин с сервизами, вазами, блюдами... Я слушал Ризнича, изображал внимательного экскурсанта, что вообще-то было нетрудно — старый художник рассказывал интересно. Мне нравилась его манера говорить — резковато, прямо, ничуть не заботясь, какое впечатление производят на собеседника суждения. Наверное, точно так же держался и командир «Святого Георгия», отец... Речь у Ивана Ивановича изысканно правильная, отточенная, переноси ее на бумагу — и карандашу самого строгого редактора нечего будет поправить. У стенда с сервизом, расписанным Ризничем на тему «Маневры Черноморского флота», я рискнул и попробовал завести разговор о «Святом Георгии».

— Жаль, фотографии командира нигде не сохранилось, — вздохнул я. — Ни в музее, ни в архиве, ни в библиотеке...

Ризнич хитровато усмехнулся:

— В каком часу уходит ваш поезд?

— Сегодня ночью.

— Загляните ко мне вечером.

Вечера я дождался с трудом. Неужели что-то есть, что-то сохранил, что-то покажет?!

Все по сказке — с третьего раза. В третий раз распахнулась знакомая мне дверь. Иван Иванович, все в том же полувоенном

платье, загадочно улыбаясь, провел меня в комнату. Статный парень лет тридцати протянул руку:

— Ризнич Иван Иванович.

Старый художник посмотрел на сына вприщур, потом снова обратился ко мне:

— Вы хотели знать, как выглядит мой отец? Считайте, что перед вами живой его портрет. Я помню его лицо. Говорят, в третьем поколении потомки наиболее точно повторяют своих предков.

Затем мы пили чай. Внук командира «Святого Георгия» рассказывал о своей работе, она тоже связана с морем — гидрогеология. У него подрастает сынишка. По семейной традиции он тоже назван Иваном. Иван Иванович Ризнич, шестой в роду.

На посошок выпили за то, чтоб славному роду не было переводу...

Мой рижский приятель был немало удивлен, узнав, что я все еще разыскиваю следы «Святого Георгия», следы его командира...

— Делать тебе нечего... Подумаешь, историческое событие: перегнали корабль из точки А в точку Б.

— Ну, положим, атомный ледокол «Арктика» тоже перешел из точки А в точку Б. Из Мурманска на Северный полюс. Это во-первых. Во-вторых, речь идет о первом океанском плавании русской подводной лодки. Кстати, в дореволюционном флоте оно было и единственным. «Святой Георгий» стал «Коммунаром» — первой советской подводной лодкой на Севере. Так что именно с него можно вести родословную подводных сил Северного флота. Если хочешь, «Георгий»-«Коммунар» проложил путь в океан нашим нынешним подводным атомоходам. Он точка отсчета: от и до. До всплытия на Северном полюсе. До кругосветного похода под водой!

Иван Ризнич — фигура такого же плана, как автор «мертвой петли» капитан Петр Нестеров, а может быть, и крупнее. Он

был не только отличным практиком, но и теоретиком военноморского искусства. Недаром его называли «светлым гением русского флота», «пионером подводного плавания». Он точно предсказал путь, по которому пошло развитие подводного мореплавания России. И он самоотверженно отстаивал этот путь, ставя на карту и карьеру и жизнь...

Как ни похож внук на деда — судить о том может только Ризнич-художник, — все же хотелось увидеть подлинные черты Ризнича-командира.

С этой целью я приехал в Ленинград в очередной раз. Позвонил старому художнику, но оказалось, что на улице Халтурина он уже не живет — получил квартиру в новом районе. Между прочим, дом, в котором он жил на Халтуринской, принадлежал когда-то графине Ганской — сестре отцовской бабки. Теперь же к Ризничу надо было ехать в Гавань, на улицу Кораблестроителей. Остановка автобуса называлась внушительно: «Адмиральский проезд».

Многоэтажный дом стоял на берегу Финского залива, и в новых окнах Ризнича широко открывалось море — то самое, глубины которого бороздил его отец.

Как и старая квартира, новая была увешана чучелами птиц, лесными трофеями... Недаром любимый жанр живописи, которому художник отдается самозабвенно, — анималистика. Рыбак и охотник, Ризнич — давний член республиканской судейской коллегии по собаководству.

Иван Иванович был на даче, и принимала меня его жена, Нина Ивановна. Она весьма сочувственно отнеслась к моему поиску и постаралась восполнить неразговорчивого мужа.

— Вы знаете, у него такая интересная жизнь, он встречался с известнейшими людьми... А из него слова не вытянешь! — сетовала Нина Ивановна.

Она назвала только несколько имен тех людей, с которыми водил дружбу Иван Ризнич, — Виталий Бианки, поэт-подводник

Алексей Лебедев, командир краснознаменной подводной лодки «Лембит» Матиясевич...

Об Алексее Лебедеве я расспрашивал особо. Блестящий поэт, чьи стихи вошли во все морские антологии, штурман подводной лодки Л-2, он погиб вместе с кораблем, подорвавшимся на mine в 1941 году... С Алексеем Лебедевым Иван Ризнич боксировал в одном спортклубе, когда оба начинали службу на Черноморском флоте. Потом судьба свела их на Балтике. Бывало, что Лебедев жил на квартире товарища, писал ему шуточные стихи... В дружбе Ризнича с Лебедевым каким-то отзвуком повторялась дружба Пушкина с его прадедом.

Из семейного альбома выпала фотокарточка человека в морской офицерской форме.

У меня екнуло сердце — кавторант Ризнич?! Это был Ризнич, но только младший, художник. Иван Иванович сфотографировался во флотском кителе (покрой этой морской походной одежды почти не изменился с 17-го года), по всей вероятности, пытаясь представить себе отца. Разглядывая эту фотографию, я понял, что сыновняя любовь не угасла к отцу ни в 37-м, ни в более поздние годы.

В том, что Иван Иванович человек с характером, я убедился еще раз, опоздав на условленную встречу у проходной фарфоровой фабрики минут на пять. Старый художник не стал ждать ни секунды: укатил на дачу. Попеняв себе, я позвонил его сыновьям — Ивану и Дмитрию. Решили собраться у старшего.

Иван жил тоже в новостроечном районе, настолько новом, что даже земля там была насыпана заново. Этот искусственный грунт, эти новехонькие стены блочных домов наводили на грустную мысль о том, что следы прошлого искать здесь бессмысленно, что дела дедов астрально далеки от забот внуков, что я напрасно трачу время, блуждая по лабиринту необозначенных микрорайонов.

Братья Ризнич и их семьи были в сборе. Не смогла приехать только сестра Наталья.

Я рассказывал им о «Святом Георгии», об их деде и с каждой минутой убеждался в ошибочности своих недавних сомнений. Им, потомкам, интересно было все, им, слава богу, благодарным потомкам, дорога была каждая подробность из жизни никогда не виденного ими, почти легендарного деда.

Иван — гидрогеолог. Дмитрий — мастер по ремонту медицинской техники. Оба брата далеки от военно-морского флота, и окружение у них весьма сухопутное. Но вот что примечательно: нет-нет, а кто-нибудь из товарищей по работе, соседей, друзей да сообщит — нашел строчку про вашего деда в такой-то книжке, или встретил его имя на карточке библиотечного каталога, или мелькнуло оно в журнальной статье.

— Однажды, — вспоминает Иван, — в экспедиции по Вилюю нашел я на берегу таежной речушки Морхи охотничий пыж из старой газеты. Развернул и вдруг читаю родную фамилию: «...Право руля, — скомандовал Ризнич...» Ребята смеются: мол, куда ни ткнись, всюду Ризнич. А я подумал, может, и вправду про деда написано?

Иван — ленинградец только по месту рождения и по прописке. Все лучшие годы провел в экспедициях на Камчатке, в Сибири. Защитил диссертацию. Кандидат геолого-минералогических наук. На досуге построил каютный катер — морские сани типа «си фокс». Летом вместе с сыном Ваней, шестым в роду Ризничей, бороздят воды Финского залива. Все-таки тянет море!

Я передал Ивану деревянный туесок с гопчицкой землей, взятой с места родовой усыпальницы Ризничей.

ФЛОТОПИСЕЦ ИЗ ИВАНОВА

Всякому, кто шел когда-либо по давнему следу, знакомо чувство безнадежного тупика. Потеряны все нити — ни вправо, ни влево... Где искать дальше, когда молчат архивы, музеи,

библиотеки, когда опрошены все знакомые, кто хоть как-то связан с историей дореволюционного флота.

Да и что я ишу — песчинку в океане прошлого. Конец 1917 года не способствовал аккуратному подшиванию бумаг. Великая ломка. Гражданская война. Интервенция. Разруха. Сожженные библиотеки. Развеянные архивы.

На стыке двух эпох бесследно исчез маленький экипаж малого корабля. Эй, на «Святом Георгии»! Где ваш командир? Обозначьте свое место! Покажите свой перископ!

Глубина времени беспощаднее глубины океана. Моря веками хранят в своих недрах корабли, документы, сокровища... Время развеивает все в прах.

Изучаю выпускной список гардемарин, которые учились вместе с Ризничем в Морском корпусе. Может кто-то из их потомков прольет свет на судьбу одноклассника своего деда?

В первую очередь бросаются в глаза имена громкие и довольно известные. Вот Михаил Андреевич Беренс 2-й, тот самый, что возглавит в Бизерте Русскую эскадру в двадцатые годы. Вот Александр Владимирович Развозов, будущий адмирал, командующий Балтийским флотом в 1917 году. Его потомки живут в Париже... Рядом с Ризничем под номером 17 идет Николай Павлович Саблин, он тоже станет адмиралом и командующим флотом, только Черноморским — в роковом 1917 году... Есть среди сокурсников Ризнича — о, ирония истории! — гардемарины Владимир Ульянов и Анатолий Ленин. Судьбой последнего занимался историк флота Владимир Викторович Лобыцын и открыл немало любопытного. Анатолий Ленин был симбирским соседом будущего создателя партии большевиков, и тот по ряду семейных обстоятельств использовал в качестве псевдонима именно его фамилию, прогремевшую потом на весь мир.

Выпускался вместе с Ризничем и Георгий Карлович Старк, впоследствии контр-адмирал, сподвижник Колчака и командующий белым флотом на Тихом океане.

Воистину адмиральский выпуск! Быть может, и Ризнич стал бы адмиралом, если бы его не «ушли» с флота в 1908 году...

Модзалевский Всеволод Львович... Его имя войдет в литературоведение как имя замечательного пушкиниста... Может быть, поискать его потомков или съездить в Пушкинский дом? Все-таки фамилия Ризнич не чужда пушкиноведению!

Пока я думал и гадал, позвонил приятель, наслышанный о моем поиске:

— Читал я где-то про твоего Ризнича! — поспешил обрадовать он меня. — Оказывается, он воевал в Русско-японскую и изобрел миномет!

Расспрашиваю, где читал, когда?..

— Кажется, в каком-то журнале для изобретателей. В конце прошлого года.

Еду в редакцию журнала «Изобретатель и рационализатор», с любезного разрешения сотрудников роюсь в годовых подшивках. Есть! Вот эта статья — «Тайна изобретателя миномета». Но речь в ней шла о другом русском подводнике — мичмане Сергее Николаевиче Власьеве, талантливом изобретателе, отважном офицере, командире подводных лодок «Макрель» и «Акула». Судьба Власьева, впоследствии кавторанга, по-своему героична и загадочна. И ею занимался некто Алебастров из города Иванова. Но он же упоминал в своей статье и о Ризниче, ибо командир «Святого Георгия», судя по всему, был хорошо знаком с Сергеем Власьевым.

«В те годы, — пишет Алебастров, — на подводников смотрели как на “смертников”. Когда зашла речь о прибавке содержания подводникам, морской министр адмирал Бирилев цинично заявил: “Прибавить можно... Все равно они все скоро перетонут...” О будущем подводного флота тогда шли ожесточенные споры... Известный военно-морской теоретик А.Д. Бубнов утверждал: “В открытом море подводные лодки не имеют никакого боевого значения” На защиту подводного

флота выступили молодые офицеры — лейтенант Ризнич, Тьедер, Власьев, Кржижановский, Подгорный. “Подводники — это моряки будущего!” — прозорливо восклицал М.М. Тьедер. “Морское могущество России неизбежно сопряжено с развитием подводного флота”, — утверждал С.Н. Власьев.

Дискуссию разрешили просто: “главари” подводного лагеря Ризнич и Тьедер были изгнаны с флота!»

Пишу Алебастрову письмо, и вскоре приходит ответ, из которого заключаю, что имею дело с превеликим энтузиастом и знатоком истории отечественного флота. Игорь Сергеевич Алебастров, школьный учитель, пенсионер, вот уже много лет собирает материалы о зачинателях русского подводного плавания: он переписывается со старыми моряками, изучает подшивки давно исчезнувших газет, разыскивает родственников своих героев и время от времени публикует результаты бескорыстных изысканий на страницах не самых популярных журналов. Он поразил меня осведомленностью в «делах минувших дней», знанием истории флота, наконец, просто задором, с каким брался стирать «белые пятна» морских хроник, вызволять из небытия имена людей, забытых незаслуженно...

Какое счастье, что не перевелись еще подвижники! Один такой горячий любитель с успехом заменит иную дюжину полусонных профессионалов, вникающих в дело по долгу службы.

Этот человек, которого я ни разу не видел, а только слышал по телефону да разбирал строчки его взволнованных посланий, воодушевил меня на новые поиски, заставил бросить все и поехать в Архангельск, город, когда-то встречавший «Святого Георгия» громом оркестров и радостными возгласами.

Но прежде чем отправиться на Белое море, я побывал на берегах моря Московского, точнее Иваньковского водохранилища. И вот там-то, в городе детства — Конакове, с легкой руки ивановского «флотописца» Алебастрова я нашел то, что так давно искал. Узнав, что я еду в волжский городок по

домашним делам, Игорь Сергеевич воскликнул: «Ба! А почему бы вам не заглянуть к Борису Лемачко? У него крупнейшая в стране коллекция фотографий русских и советских кораблей. Запишите адрес...»

Борис Васильевич Лемачко, инженер-станкостроитель, ничуть не удивился моему визиту. К нему часто обращаются изобретатели, историки, коллекционеры, журналисты. В его собрании свыше тридцати тысяч снимков, открыток с изображением линкоров, крейсеров, эсминцев, подлодок, тральщиков, авиаматов, пароходов, буксиров — всего того, что плавало за последние полтора столетия под флагом России и СССР. Увлечение юности — «открытки с кораблями» — стало теперь чуть ли не второй профессией Лемачко. Во всяком случае, вот уже четверть века пополняет он свою коллекцию уникальными фотоматериалами.

А что остается от корабля, поглощенного морем или разрезанного у последнего причала автогеном? Модель — далеко не всегда. Фотография — как правило.

В десятках альбомов, стоявших на полках этой небольшой квартиры, были сосредоточены давно исчезнувшие эскадры и флотилии.

— «Святой Георгий»? — деловито осведомился Лемачко, и сердце мое сжалось: сейчас скажет: «Увы, ничем не смогу вас порадовать». Но что это? Он достает альбом. Раскрывает на какой-то странице, кладет передо мной. — Увы, у меня только две фотографии. И то прислали из Франции.

Впиваюсь в небольшие снимки. На одном запечатлена церемония первого подъема флага на «Святом Георгии» в Специи. Хмурое майское утро. На причале люди под зонтами. Это чиновники завода «Фиат». Рабочие, докеры, судостроители стоят так, дождь их не пугает. За рубкой по правому борту выстроен небольшой экипаж. Бескозырки сняты. На корме матрос поднимает белое полотнище с косым синим крестом. С этой минуты подводная лодка «Сан-Джорджо» — русский корабль «Святой Георгий»...

Перед коротким фронтом экипажа, там, где положено быть командиру, — гологоловый офицер, широкий лоб, усы, прямой нос... Ризнич? Снимок мелкий, и черты лица читаются плохо.

На второй фотографии подводная лодка выходит из Специи. Клептоскопы подняты. На мостике — рослый офицер в белом кителе. Это, несомненно, Ризнич, ибо никто, кроме него, командира, стоять там в такой момент не имеет права. На лицо его — экая досада — падает плотная тень. И все же это Ризнич! Вот мы и встретились — не в Ливорно, не в Ленинграде, не в Кронштадте — на берегу Волги, под вековечный шум конаковских мачтовых сосен... Выходит, не такая уж это мистика — вызывать тени ушедших людей. Тень старшего лейтенанта Ризнича, застывшая на фотосеребре, стоит перед моими глазами. Надо только захотеть увидеть человека, и ты увидишь его, даже если его давно уже нет в живых...

КОРОЛЕВНА

В Архангельск я прилетел в начале апреля. Северная Двина дремала подо льдом, по старинной набережной кружила метель. У здания Северного морского пароходства мужественно бил фонтан, перешибая поземку струями. Он утверждал весну на этой суровой земле.

Первые мои вылазки в краеведческий музей и областную библиотеку, где хранилась архангельская периодика 1917 года, принесли удручающие результаты. В роскошном и обширном музее Первая мировая война была представлена маленьким стендом; сотрудники ровным счетом ничего не знали о героическом переходе «Святого Георгия» из Италии в Архангельск. В еще более фешенебельной библиотеке подшивки газет и журналов семнадцатого года оказались неполными, разрозненными, а «Архангельские губернские ведомости» за сентябрь 1917-го состояли сплошь из «Обязательных постановлений министра

торговли о ценах», полицейской хроники да «именных списков убитых, раненых, без вести пропавших».

В морском пароходстве я надеялся узнать адрес ветерана-портовика, который мог бы помнить встречу «Святого Георгия».

— Вот что, — сказали мне в пароходстве, — загляните-ка вы к Ксении Петровне Гемп. Ей девяносто два года, но у нее ясная память. Она хорошо знала Георгия Седова и даже провожала его «Великомученика Фому» в последний рейс. Может быть, она знает что-то и о Ризнице.

Встретиться с Ксенией Петровной оказалось не так-то просто. Несмотря на возраст, она ведет такой деятельный образ жизни, что впору записываться к ней на прием. Будь это так, в длинном списке оказались бы краеведы и фольклористы, ботаники и журналисты, историки и геологи...

Пока я дожидался своей очереди, Ксения Петровна консультировала студенток местного медучилища по лечебным травам. Ее соседка, фармацевт Валентина Михайловна Бутрова, угощала меня чаем.

— Если бы знали, что это за человек! — восклицала Бутрова с тем неподдельным пафосом, с каким женщины редко говорят друг о друге. — Всю жизнь она прожила в Архангельске. Отец ее Петр Минейко был одним из первых гидроэнергетиков России, главным инженером по строительству портов Белого и Баренцева морей. Кстати, ГЭС на Соловецких островах тоже он строил. Мог ли он представить себе, что именно там — в лагере особого назначения — погибнет его жена?

Ксения сопровождала его в поездках по Северу с малых лет. Потом, окончив, знаменитые бесстужевские курсы в Петербурге, она снова вернется на Север. Кем она только не работала! Сказать, что она ботаник — ничего не сказать. Она из породы последних энциклопедистов. Женщина-университет. Земля ли у нас такая холмогорская, что ли?! Судите сами. Она пешком исходила все Беломорье. Знает камни и травы, птиц и рыб края.

Перевела на современный русский язык поморские лоции. Она читает древние славянские грамоты. Под ее редакцией только что вышел сборник «Былины Беломорья». Ее принимали в раскольничьих скитах, и староверы величали ее «Королевой».

Она изучала водоросли Белого моря, пропагандировала их питательные свойства и даже добилась, чтобы в Архангельске начали выпекать лечебный хлеб с добавлением «морской травы». Во время войны она пешком прошла по льду Ладоги и принесла в блокадный Ленинград мешок водорослевых спор. Она учила блокадников, как разводить водоросли и как готовить из них пищу.

Мать Ксении Петровны умерла в Соловецком лагере, а единственный сын погиб под Сталинградом. Теперь у нее никого больше не осталось. Она одна. И не одна. У нее прекрасная библиотека. У нее всегда люди. Она работает ночи напролет. Ей некогда обедать. У нее на кухне нет кастрюль. Она питается, как студентка, чаем и бутербродами. Правда, чай она заваривает свои, травяные. Мы, соседи, иногда приносим ей готовые обеды и чуть ли не силой заставляем есть. Она не от мира сего. Но живет для людей. С 1920 года и по сию пору она устраивает в своем доме пушкинские вечера с чтением стихом, на которые собирается цвет архангелогородской интеллигенции. В хранилище Пушкинского дома учрежден специальный «фонд Гемп».

Федор Абрамов написал о ней восторженный очерк. Портрет Ксении Петровны висел у него в рабочем кабинете. Она почетный гражданин города Архангельска... Свой 75-летний юбилей она отметила тем, что первой из женщин погрузилась в батискафе в глубины Белого моря. Сейчас ей 92, но она и сейчас красива¹, это в свои-то годы!

Вот с чем вошел я в книжное жилище Ксении Петровны Гемп. За столом, уставленным стопами фолиантов, папок, заваленным фотографиями, свитками карт, сидела худощавая седая

¹ Время беседы — 1984 год.

женщина, похожая на одну из постаревших шекспировских королев. Услышав имя Ризнича, она грустно усмехнулась:

— Наконец-то хоть кто-то спросил меня про Ивана Ивановича! Как же мне его не знать?! Я встречала «Святой Георгий» у Соборной пристани... Иван Иванович бывал у нас в доме... Целовал мне руку... Он хорошо пел. У него был баритон... Любил веселье, добрую компанию. Свой переход он отмечал весьма шумно — в Морском собрании гулял чуть ли не весь город... Высокий, слегка грузный, держался очень уверенно, подтянуто. Он приглашал нас с отцом на лодку. Маленькая, изящная, с блестящими перископами... Мы прозвали ее «конфетка». Но боже, как же тесно там внутри! Я не представляю, как он укладывался там на своем крохотном диванчике... Это невероятно, что они прошли два океана. Как они радовались, что им удалось выйти из шторма возле Нордкапа.

А еще «Святой Георгий» мы называли «литературной лодкой». Дело в том, что Иван Иванович всегда появлялся в сопровождении двух офицеров. Одного звали Грибоедовым, другой носил фамилию Лермонтов. Оба состояли в родстве со своими знаменитыми предками¹. Еще Ризнич очень был дружен со

¹ Позже я узнал, что Константин Николаевич Грибоедов, командовавший в годы Первой мировой войны подводной лодкой типа «Барс», стал одним из первых советских подводников; Грибоедов командовал на Севере подводной лодкой Д-3 («Красногвардеец»), затем возглавлял отдельный дивизион подводных лодок. За поход дивизиона к Новой Земле был награжден орденом Ленина. Репрессирован и расстрелян в 1938 году.

Кто именно из лермонтовских родственников сопровождал Ризнича, установить пока не удалось. Среди родственников поэта были морские офицеры. Один из них, Дмитрий Николаевич Лермонтов, — декабрист. Возможно, К. П. Гемп имела в виду Владимира Михайловича Лермонтова, драгунского полковника, георгиевского кавалера, перешедшего в годы Гражданской войны на сторону Красной Армии.

знаменитым полярным исследователем Борисом Андреевичем Вилькицким, тем самым, что совершил первое сквозное плавание по Северному морскому пути из Владивостока в наш город. В его честь назван пролив в Северном Ледовитом океане.

— А в честь Ризнича?

— Кажется, был назван какой-то островок. Возможно, я ошибаюсь.

Она раскрыла атлас.

— Нет. В честь Ризнича ничего не названо... Знаю только, что в апреле 1918 года, еще при большевиках, он готовился идти вместе с Вилькицким в Гидрографическую экспедицию в западносибирский район Ледовитого океана. Помимо всего прочего они должны были доставить продовольствие и материалы для метео- и радиостанций в западных районах Арктики. А главное — наладить вывоз сибирского хлеба через устья Оби и Енисея. «Таймыр» и «Вайгач» должны были выйти в июле, но тут советская власть рухнула, пришли англичане и началась совсем другая жизнь.

— А какова дальнейшая судьба Ризнича?

— До лета восемнадцатого года он был в Архангельске. Что с ним стало потом, мне неизвестно. Я бы и сама хотела узнать, где его могила. Он был прекрасным моряком и истинным патриотом.

Ксения Петровна устало откинулась на высокую спинку стула. Она была родом из девятнадцатого столетия. Глядя на нее, слушая ее, зная о ней, думалось: век Бородина и декабристов, Пушкина и Достоевского, век, в котором вспыхнули искры самых гуманных идей, наделил одну из своих дочерей всем лучшим, чем славен был сам, и она сумела пронести этот прекрасный дар сквозь все вихри нашего времени, донести его нам, людям, стоящим на пороге века двадцать первого.

Ксения Петровна жила в каких-нибудь ста шагах от той пристани, где провожала в 1912 году судно Георгия Седова

и встречала в 1917-м подводную лодку Ивана Ризнича. Пройдя по набережной мимо памятника Петру I, я вышел на площадку, сложенную из гранитных квадратов под высоким холмом. Это и была Соборная пристань, переименованная в Красную. С трех сторон ее омывала Северная Двина. Если бы можно было прокрутить ленту реки вспять, как кинолентку, то сейчас бы вон там, из-за заснеженной излучины, показался черный струт подводной лодки с двумя блестящими клептоскопами, а колокола не сохранившегося Троицкого собора грянули победную песнь в честь первопроходцев.

Справа от Красной пристани стоял белый теплоход «Аджигол» — флагман Датского морского пароходства. Слева вздымались мачты шхуны «Запад», где курсанты старейшей в стране Архангельской мореходки размещали музей своего двухсотпятидесятилетнего училища.

Старая гранитная пристань готова была провожать новых Седовых и встречать новых Ризничей.

Мы живы, пока мы живем в чьей-то памяти. Сегодня я видел человека, в чьей памяти улыбался, пел, отдавал морские команды герой моей повести. Сегодня я впервые почувствовал, как тонок и трепетен ток, идущий из глубин прошлого, такого, казалось бы, далекого, ставшего достоянием учебников и ученых.

Вдруг вспомнилась та груда старых книг и журналов близ Преображенского рынка. С обрывка ветхой газеты начался этот поиск. Не так ли бездумно спешим мы отнести на «свалку истории» то, что при ближайшем рассмотрении может составить нашу гордость?!

После журнальной публикации очерка о Ризниче в редакцию «Юности» пришло много писем. Читал их, и было такое ощущение, как будто в темени, заволакивающей прошлое, вдруг вспыхнуло множество фонариков, и в пятнах их света просту-

пили новые лица, новые факты, новые подробности океанского плавания «Святого Георгия».

Вот что писал бывший командир С-56, совершивший первое в истории советского подводного флота кругосветное плавание, Герой Советского Союза, вице-адмирал в отставке Григорий Иванович Щедрин:

«Мне довелось командовать подводной лодкой “Малютка” (М-5) на Тихоокеанском флоте — сравнимой по своим размерам со “Св. Георгием”, и я вполне могу оценить на собственном опыте величие подвига экипажа и командира “Св. Георгия”. Это было по плечу лишь дружному, крепко спаянному экипажу, возглавляемому бесстрашным командиром. Ризнич сумел создать на корабле атмосферу человечности, взаимного доверия и уважения.

Старший лейтенант И. Ризнич оказался и хорошим практиком, и не менее серьезным теоретиком, сумевшим правильно определить истинный курс развития отечественного флота. Жизнь доказала правоту его взглядов.

Сегодня, когда авантюры Пентагона с размещением крылатых ракет в Западной Европе до предела накалили обстановку в мире, я, как ветеран войны и подводник старшего поколения, с большим удовлетворением воспринял заявление Советского правительства о принятых контрмерах — о развертывании в Мировом океане подводных ракетно-ядерных систем, сводящих на нет выигрыш в подлетном времени пресловутых “першингов”»...

Важное уточнение пришло из Свердловска от юриста по образованию и историка по призванию Николая Старикова. «Та субмарина, которую угнал с завода в Специи мичман Беллони, — пишет Стариков, — так и осталась в Италии. Ее называли “Аргонот”, а F-1, переименованную в “Святой Георгий” построили для русского флота заново». Первородное имя F-1 — «Сцилла» — удалось установить уже не из письма Старикова,

а из других источников. Вероятно, была еще и «Харибда». Сцилла и Харибда — два легендарных мыса в Мессинском проливе. Пройти между ними, как гласит крылатое выражение, значит — счастливо миновать смертельную опасность.

Но самые интересные письма пришли из Владивостока от дочери ближайшего помощника Ризнича вахтенного начальника «Святого Георгия» подпоручика по адмиралтейству Мычелкина. Ольга Михайловна Косолапова, библиотекарь на пенсии, глубоко чтит память отца. Человек весьма энергичного характера, она ведет обширную переписку с краеведами, историками-маринистами, потомками видных русских моряков.

Ольга Михайловна прислала мне открытки, отправленные отцом с борта «Святого Георгия». На них сохранились оттиски корабельного штемпеля с перевернутой буквой «Я» в слове «Подводная». Видимо, штемпель изготавливал наспех перед самым отходом лодки итальянский гравер, который по привычке к латинскому «R» и перевернул букву. В глазах филателистов эта оплошность придает отпечаткам штемпеля особую ценность. Но для меня эти обтрепанные по краям открытки со скучными заметками о походе «Святого Георгия» и вовсе не имели цены. На одной из них был изображен плотный офицер с подкрученными усами, в белом кителе и беловерхой фуражке — подпоручик Михаил Мычелкин, единственный из участников исторического похода, в чье лицо можно было заглянуть хотя бы на фотографии...

Ольга Михайловна Косолапова, ровесница сына Ризнича, писала: «Я мало видела отца. Он часто бывал в плавании: только в 1912—1913 годах он побывал в Императорской гавани (ныне Совгавань), Гонконге, Шанхае... Но тем ярче запомнились дни, когда он бывал дома».

Из писем Косолаповой вставала колоритная фигура моряка-тихоокеанца. Бывший конторщик Михаил Мычелкин

в Русско-японскую войну был призван матросом на флот. Во Владивостоке он увидел диковинные корабли — подводные лодки. Тогда они были окутаны воистину фантастическим ореолом. Во всяком случае, в магазин силикатных товаров Михаил не вернулся. Остался служить на флоте кондуктором¹. Много плавал. С началом Первой мировой войны был произведен в офицеры, но не в мичманы (это звание присваивалось представителям флотской элиты), а в подпоручики по адмиралтейству — сказалось недворянское происхождение.

«Мещанин города Соликамска, как записано в метриках, — вспоминает дочь, — окончивший Пермское училище, куда ходил за 15 верст, неся сапоги на плече, всегда стремился к образованию. Мы получали по подписке энциклопедию Брокгауза и Ефрона, все 80 с лишним томов. Был у нас и шеститомник Пушкина под редакцией Венгера, одно из лучших изданий, на котором воспитывались русские интеллигентные семьи. Отец научил меня читать...»

Война застала Мычелкина на крейсере «Жемчуг» в малаккском порту Пенанг. Вечером 28 октября 1914 года «Жемчуг» был торпедирован германским рейдером «Эмден». Первая торпеда разорвалась в кормовой части корабля, вторая попала в нос и вызвала детонацию патронного погреба. «Жемчуг» затонул через несколько минут.

«Отец находился в каюте, — вспоминает Ольга Михайловна, — когда корабль вздрогнул и погас свет от попадания торпеды, пущенной с “Эмдена” Он бросился к двери, но, как ни вертел ручку, дверь не открывалась. В коридоре слышались голоса, топот ног, корабль кренился, дверь заклинило. Папа бросился к иллюминатору, просунул руку, плечи, голову, но грудная клетка не пролезала, застряла — ни туда ни сюда. От попадания

¹ Кондуктор — унтер-офицер сверхсрочной службы. Обычно это звание присваивалось после сдачи специальных экзаменов.

второй торпеды взорвался патронный погреб, взрывная волна распахнула все двери, и застрявший в иллюминаторе человек вылетел, как пробка, ободрав до кости ребра.

Когда очнулся, крейсера уже не было. Видно, отца выбросило далеко, и в воронку, возникшую на месте погружения, его не затянуло. Он плавал среди обломков, досок, ящиков. Его окликнули: “Миша, это ты?” Узнать кого-либо было трудно: все были облеплены черным мазутом...

Отец получил контузию, он окликал уцелевших, собирал их вместе, чтобы не уносило течением и отливом. Их заметило и подобрало в ночи английское судно».

Вот такого бывалого моряка и выбрал себе Ризнич в спутники по опасному плаванью. «Фотографию лодки в Специи, — читаю письмо дальше, — с надписью даты спуска “Святого Георгия” на воду и несколькими строчками, адресованными маме (“Дорогая Оля, дети...”), с печатью “Просмотрено военной цензурой” я подарила Н.А. Залесскому¹. Он очень обрадовался: “Этот снимок мне дороже всяких бриллиантов”».

Вахтенный начальник «Святого Георгия» поручик по адмиралтейству Михаил Алексеевич Мычелкин умер зимой 1918 года. Поехал к брату в Пермь и тяжело захворал грудью. Видимо, сказались ледяные вахты в последний месяц океанского перехода.

«Об Иване Ивановиче Ризнице могу сказать только, — пишет Ольга Михайловна, — что отец относился к нему с большим уважением и даже симпатией. Я чувствовала это по голосу, когда он рассказывал о нем, перебирая фотографии. На одном фото, наклеенном на картон, Ризнич запомнился мне таким: крепкий, основательный, похожий на украинца с круглым смуглым лицом под козырьком фуражки.

¹ Н.А. Залесский — ленинградский знаток истории флота, капитан 1-го ранга, профессор Военно-морской академии, собравший богатейшую коллекцию фотографий русских кораблей.

Думаю, что отца потянуло на “Святой Георгий” не только из-за чувства воинского долга — надо! — но привлекла его и весьма притягательная личность командира Ризнича.

Как-то я спросила папу — хорошо ли жить на лодке? Он ответил: “Сыро”. И добавил: “Резина мокрая. Душно”

О судьбе штурмана «Святого Георгия» старшего лейтенанта Александра Роппа известно лишь то, что после революции он остался в Советской России и умер в 1929 году, по всей вероятности, в Ленинграде.

А что же судьба командира «Святого Георгия»? Увы, документальных сведений о ней найти так и не удалось. Правда, за годы поисков у меня составила́ся целая коллекция версий на этот счет, предложений, мнений... Почти все они сходятся на том, что капитан 2-го ранга Ризнич не погиб в восемнадцатом году в Архангельске... Интересное письмо пришло из Владивостока от Георгия Николаевича Егорова. Он записал по памяти рассказ покойного отца-моряка: «В 1922 году белогвардейский адмирал Старк, покидая Владивосток, увел с собой многие суда Доброфлота. Эти пароходы оказались в различных портах Дальнего Востока, стояли они зачастую без экипажей и даже без охраны. Было предпринято несколько успешных попыток возвратить их во Владивосток с помощью специально подобранных команд.

Летом 23-го года мой отец в составе одной из таких команд прибыл в Шанхай. В день захвата белогвардейского парохода наши моряки рассредоточились и разными путями стали пробираться к судну. Однако захват не состоялся — командир не прибыл в назначенное место.

Позже выяснилось, что в городе его узнал кто-то из бывших сослуживцев-офицеров, его схватили, обнаружили под кителем красный судовой флаг и расстреляли. О командире отец рассказывал, что он был офицером царского флота, подводником, который угнал из Орана в Россию подводную лодку. Быть

может, это был не угон, а перегон, и не из Орана, а из Специи? Если так, то тогда командиром группы захвата был не кто иной, как кавторанг Ризнич».

«ПО МЕСТАМ СТОЯТЬ! К ПОГРУЖЕНИЮ!»

В научной библиотеке Военно-морской академии я встретил человека, с которым давно искал случая познакомиться, — профессора, капитана 1-го ранга в отставке Николая Александровича Залесского (ныне уже, увы, покойного). Николай Александрович с 1925 года собирал фотографии кораблей и судов русского военного флота. Он-то и предложил мне заглянуть в сборник ЭПРОНа за 1934 год, где была помещена редчайшая фотография, сделанная в последние годы морской жизни «Святого Георгия». Оказывается, корпус устаревшей и разоруженной субмарины Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) использовала в качестве судоподъемного понтона. Какая странная судьба у этой подводной лодки: вместо того, чтобы топить корабли, она поднимала их со дна морского!

Выходило так, что «Святой Георгий» не был разобран на металл в 1924 году, как сообщал о том справочник, а плавал в составе ЭПРОНа по меньшей мере еще десять лет. Эти последние годы понтон «Святой Георгий» провел в Мурманском порту, поднимая затонувшие в Гражданскую войну суда. Видимо, там, на корабельном кладбище Зеленый Мыс, он и закончил свою необыкновенную жизнь.

А спустя полгода после нашего знакомства Николай Александрович Залесский сделал мне воистину царский подарок. Прислал письмо с фотографией открыточного размера.

СТАРОЕ ФОТО. Немолодой вислоусый морской офицер в надвинутой на лоб фуражке стоял на палубе малой подводной лодки у распахнутого рубочного люка. Поднят перископ. Снимок был без подписи.

Я не понял, для чего прислал эту фотографию Залесский, и позвонил ему в Ленинград.

— Как это — кто изображен? — изумился профессор. — Неужели не узнаете? Да это же ваш Ризнич, Иван Иванович, на подводной лодке № 2!

Я так и ахнул в телефонную трубку. Вот это встреча!

С легкой руки Залесского я вскоре обрел еще один уникальный снимок своего героя. Роясь в фототеке Центрального военно-морского музея, я обнаружил в одном из безымянных альбомов крохотную угасающую фотокарточку. Она была подписана: «Мичман Ризнич». Молодой офицер с явно сербской внешностью щурился против яркого солнца с легкой полуулыбкой. Снимок был сделан явно в пору службы Ризнича на Черноморском флоте. В Севастополе мичман Ризнич прослужил около пяти лет. Я попросил музейного художника сделать рисунок с почти выцветшей фотографии, и он сделал прекрасную графическую копию, которую я потом подарил семье Ризничей.

Третий снимок Ивана Ризнича пришел в Россию из Америки...

Как-то летом старший внук Ризнича, кандидат геолого-минералогических наук Иван Иванович Ризнич, пригласил меня на морскую прогулку по Финскому заливу. Большой каютный катер, построенный руками Ивана при участии всех членов его дружной семьи, отвалил от причала водномоторного кооператива в Мартышкино и, набирая скорость, помчался, взрезая невысокие волны. Справа по борту вздымались чуть видные в дымке купола, трубы и мачты Кронштадта. Мы проходили мимо города-гавани, куда приводил свою подводную лодку и где подолгу жила героический дед капитана катера.

Иван стоял на руле — крепкий, широколобый; спокойные глаза, стриженные усы выдавали в нем того бывалого человека, каким становится к сорока годам, должно быть, любой геолог,

изрядно поколесивший и походивший по нашей бескрайней стране. Он внимательно глядывался в зеленую рябь залива, чтобы не наскочить с лету на какой-нибудь топляк. А я смотрел на Ивана, пытаясь угадать в нем черты того морского офицера, чей мужественный образ — загадочный и чуточку смутный — запал мне в душу на многие годы. Как, в сущности, все было недавно — в пределах одной человеческой жизни: и броненосец «Ретвизан», идущий в дерзкую атаку, и победный звон архангелогородских колоколов в честь подводников, одолевших океанские дали, и «Аврора», входящая в Неву...

— А знаешь, — оторвался на миг от штурвала Иван, — вместе со мной работает племянник Ксении Петровны Гемп, той самой, что встречала «Святой Георгий» в Архангельске!.. Вот совпадение!

Я не удивился. Наверное, в таких совпадениях, когда дела и дружбы дедов повторяются через поколения, как повторилось в правнуках, например, přátельство Пушкина и Дениса Давыдова, есть своя закономерность. Если жизнь человека была посвящена благородному делу, неважно на каком поприще — литературном, научном, морском, — если она вобрала в себя хотя бы одну истинную идею, то отзвуки этой гармонии и через века будут находить родственные души.

В жизни рода Ризничей было много таких совпадений.

ПОСЛЕДНИЕ ТОЧКИ НАД і

Судьба Ризнича волновала не только меня, но и его товарищей по эмигрантской жизни. В «Бюллетене общества бывших офицеров российского императорского флота», издававшемся в Сан-Франциско, в списке «Их судьбы неизвестны» значится и фамилия старшего лейтенанта Ризнича. Неужели и в самом деле «баржа смерти» в Архангельске? Нет, такая жизнь не могла исчезнуть бесследно... И я искал.

Все произошло, как в сказке про «Золотой ключик». Одна архивная черепаха-«тортилла» проговорила как-то, что сын бывшего русского морского офицера, почившего в Финляндии, передал в Центральный военно-морской музей бумаги отца.

— Да, — подтвердили в Музее на Стрелке. — Был такой факт. Бумаги эти в «спецхране», и доступ к ним крайне ограничен.

Несколько недель ушли в Москве на выхаживание письменного разрешения. И вот с письмом, подписанным большими флотона начальниками, снова вхожу под высокие своды бывшей петербургской Биржи. После тщательного изучения адмиральских подписей музейный Карабас-Барабас вызывает местного Дуремара, и тот, получив надлежащие указания, ведет меня в тайная тайных музея — в «спецхран»...

Нет, и вправду, все как в сказке Алексея Толстого «Золотой ключик»: в одном из залов отодвигается фотостенд и за ним в толстой стене обнаруживается небольшая дверь. Точь в точь, как за холстом в каморке папы Карло. Отнюдь не «золотым ключиком» Дуремар отпирает ее, и мы входим в совершенно темную комнату без окон. В былые времена в этом каменном мешке хранились ценности петербургской Биржи. Теперь, в советские времена — документы Истории. Той самой, засекреченной, которой, как полагают карабасы-барабасы, соотечественникам лучше не знать...

Оглядываюсь. В углу этого каменного мешка стоит резная дверь царской каюты с яхты «Штандарт», какие-то зачехленные портреты, модели, опечатанные шкафы... Не могу отделаться от мысли, что нахожусь в арестной камере. Вот вспыхнула настольная лампа следователя, вот лязгнули замки сейфа, словно тюремные засовы. А вот и сам заключенный в виде стопы папок, журналов, дневников, перевязанных бечевкой. Во всем этом жила душа бывшего начальника Ивана Ризнича по Белому флоту капитана 2-го ранга Дарагана. Именно его сын и передал архив отца на Родину.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Дмитрий Иосифович Дараган. Дворянин Привислинской губернии. Православный. Женат. Трое детей. В Порт-Артуре 19-летним мичманом воевал на эскадренном броненосце «Цесаревич». В Первую мировую войну — командир эсминца «Деятельный» на Балтике. Старший офицер линкора «Андрей Первозванный». Кавалер многих боевых наград. Удостоен Георгиевского оружия. В Гражданскую войну служил в Белой армии Севера России. В 1919 году генералом Миллером был произведен в капитаны 1-го ранга. Эмигрировал в Финляндию. В 1945—1946 годах работал на советских судах, заходивших в Хельсинки, в качестве девиатора. Возглавлял какоткомпанию офицеров бывшего российского императорского флота. Скончался в Хельсинки 31 декабря 1978 года.

Раскладываю листки папиросной бумаги с бледной машинописью. Дневниковые записи корабельного офицера: Ирбены, Моонзунд, Рижский залив... А вот и 1919 год: Мурман, Архангельск, Гражданская война, бронепоезд «Адмирал Непенин»... Стоп!

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «28.9.19. Провожали Ризнича в Кемь. У его жены-француженки два сына 20 и 17 лет (скрываются где-то под Курском). В Кемь жили сербы...

...9.12.19 г. По моему вызову приехал Ризнич. Успели поговорить о делах...

...24.01.20 г. Приехал Ризнич. Он — заведующий перевозкой войск по железной дороге. Первая персона на железных дорогах. Прибавилось важности и апломба. Но со мной всегда очень приличен.

Ризнич — старший лейтенант (старый из запаса). Водолазный офицер. Наше знакомство с ним началось еще с детских времен в Варшаве около 1895 года.

...28.01.20 г. Из Архангельска уходили на «Ярославне» в Хаммерфест, а также и «Ломоносов», «Кильдин», «Минин»... Концлагерь беженцев в 20 милях от Тромсе — станция Хель (три

версты пешком). И Вилькицкий тоже (с Борисом Вилькицким, полярным исследователем, Дараган служил в Порт-Артуре на “Цесаревиче”. — Н.Ч.). Панихида по Колчаку...»

Из Норвегии Дараган перебрался в Финляндию, где и остался до конца жизни. Подрабатывал девиатором (специалистом по настройке корабельных магнитных компасов) служил младшим конторщиком в небольшой фирме. За боевые заслуги в Первой мировой войне был представлен к британскому кресту «Nonarary Commander». Английский посол в Финляндии не сразу поверил, что столь высокую боевую награду надо вручать какому-то скромному клерку.

С Дмитрием Дараганом все ясно. Он почил в Бозе и погребен на русском кладбище в Хельсинки. Ну а куда направился из Норвегии Ризнич? По одним предположениям — в Бельгию, где весьма преуспел в электротехническом бизнесе... По другим слухам, уехал на родину предков — в Югославию, где помогал сербским морякам создавать подводный флот. Третьи утверждают, что старого моряка хорошо приняли в Италии, ведь в Генуе, Ливорно и Специи у него осталось немало добрых знакомых. В подтверждение этой последней версии пришло из Севастополя письмо от старейшего на Черном море капитана дальнего плавания Олега Владимировича Красницкого. Оно просто потрясло меня:

«...Фамилия Ризнича мне знакома с раннего детства, — писал Красницкий. — Я родился и вырос в семье потомственных моряков военного флота. В торговом — я первый представитель нашего рода. Старший брат моего крестного отца — Евгения Дмитриевича Коптева (он служил в начале века на “Варяге”) — Сергей Дмитриевич Коптев учился вместе с Ризничем в Морском корпусе. Оба Коптевы и мой отец всегда вспоминали Ивана Ивановича как прекрасного моряка-подводника, предсказавшего к тому же роль подводного флота на много десятилетий вперед.

В 1950 году наше судно, на котором я был штурманом, ошвартовалось в Марселе. В этом порту мы все были впервые, и, конечно же, при первой возможности отправились на экскурсию в легендарный замок Иф, куда Дюма волею своей роскошной фантазии заточил графа Монте-Кристо. В Старой гавани мы ожидали катер для поездки на остров. Мы с приятелем отошли покурить, поглазеть на сувениры. Болтали весело и довольно громко, чем привлекли внимание старика, одетого просто, но со вкусом, сохранившего фигуру. Он долго присматривался к нам, затем, выбрав момент, спросил, действительно ли мы русские, и, получив утвердительный ответ, задал следующий вопрос:

— Здешние или оттуда?

Я ответил, что — оттуда, и в свою очередь поинтересовался его национальностью.

— Русский. Хотя и давно из России... Лет эдак с тридцать.

Я стал расспрашивать, чем он занимался, как оказался за кордоном.

— Видите ли, я бывший офицер российского императорского флота. И, как многие мне подобные, покинул Россию не по своей воле.

Извинившись за неумеренное любопытство, я спросил, где и кем он служил.

— Тогда разрешите представиться — старший лейтенант Ризнич Иван Иванович...

Я не то что воскликнул, а, наверное, возопил:

— Так это вы — командир “Святого Георгия”?!

Лицо старика, терпевшего мои настырные расспросы, смягчилось, и он спросил с недоверчивым удивлением:

— Как, разве там еще помнят об этом?!

В ответ я начал сбивчиво убеждать его, что помнят, нес еще что-то маловразумительное. Но тут первый помощник капитана, заметив мое чересчур эмоциональное общение

с иностранцем, проявил политическую бдительность и стал махать мне рукой, мол, катер на подходе, поторопись. Ризнич успел лишь спросить, будут ли у нас заходы в Италию и в какой именно порт. Я крикнул ему, что из Марсея мы идем на Мальту, в Ла-Валетту. Он помахал на прощанье, на том и оборвалась наша встреча. Не забудьте, что шел пятидесятый год и общение с белоэмигрантом могло быть чревато весьма нехорошими последствиями. Но я всю жизнь вспоминал эту встречу, как маленький подарок судьбы...»

«ЭТО ПОСЛЕДНИЙ МОЙ НАВОДЯЩИЙ СОВЕТ»

Я долго верил в эту благостную историю... Радовался, что Ризнич не попал под «красное колесо», что жил долго, пусть и на чужбине, но... То ли память подвела старого капитана, то ли ему так хотелось, чтобы герой детства уцелел, что он выдал желаемое за действительное. Моряки, как известно, склонны к прикрасам...

Я имел неосторожность — а впрочем, это был мой долг! — познакомить со всеми найденными версиями сына моего героя — художника Ивана Ивановича Ризнича. Они привели его — особенно «шанхайская история» — в состояние, близкое к ярости. Я получил довольно резкое и в то же время наводящее на правильный ход поисков письмо:

«Мне было бы приятно, если бы дорогая мне память не осквернялась недостойными вымыслами... Сам я всегда уклонялся от участия в “раскопках” его могилы. Не изменю себе и сейчас. Это есть оскорбление могилы, которая находится на дне Белого моря. Буя никто, конечно же, не ставил и точку не внесли в протокол.

Если уж на то пошло — ищите в Архангельске тех лет, после изгнания интервентов-англичан. Это последний мой наводящий совет. Но лучше всего — оставьте в покое прах этого человека

и дорогую мне память о нем... Последняя “версия” — уже не версия.

Поставим же точку и оставим формулировку — “погиб в море”, что имеет место в действительности».

* * *

А дальше — как в старых радиоспектаклях, когда после удара в медный гонг ведущий возглашает: «Прошло десять лет!» Прошло пятнадцать лет, и уже появился новый Иван Иванович Ризнич — сын правнука командира «Святого Георгия», а чуть позже правнучка Ольга Ризнич родила Валю, праправнучку отважного подводника. В 1998 старого художника не стало. Его сын, геолог Иван Ризнич, разбирая бумаги отца, нашел дневник, а в нем главу о самых ранних воспоминаниях детства. Вот она. Из дневника народного художника России Ивана Ивановича Ризнича:

«Отца я любил превыше всего. И его авторитет в моих глазах был “выше возможного”. Все вышестоящее было на грани абстрактного, а авторитет отца был безоговорочно признаваем всем моим миром (“миром”).

Память отца мне “дороже” памяти матери.

Его редкие приезды домой всегда были для меня праздником, так как все становилось “можно”. И так много открывалось всех этих “можно”, что потребность в “нарушениях” вообще отпадала! Протесты не возникали, конфликты не возникали... — ЖИЗНЬ!

Дедушка с бабушкой вспоминают, им вторит дядя Сережа: “Он (отец мой) был (в детстве. — Н.Ч.) толстый карапуз и страшно неловкий. Побежит и обязательно упадет, и никогда не плачет... Он всегда бегал за Лилией, он делал все, как ей хочется...”

Мои родители еще детьми играли вместе. И отец уже тогда (по-детски!) любил свою подружку. Я знаю, как это бывает!

Итак, приезд отца — праздник! Ибо тогда бабы теряют право на меня. Правда, папе нравится то, чему меня уже обучали, хотя этот процесс обучения бывал мне очень неприятен.

Однажды отец приехал в Толпино. Утром — ритуал “здравствуй, бабушка” в большом доме (перед завтраком). Мы здороваемся по-французски. Отец очень доволен, он словно бы приятно удивлен: “А! Здесь по-французски здороваются!”

Отец привозит не только собак. В этот раз он привез большие ящики морских галет. Они безвкусные, их не разгрызть, но все-равно это интересно. Он привез в больших металлических “ящиках” (надо полагать, в “жестянках” — Н.Ч.) варенье из апельсинов с корками. Корки горькие, но все же это “экзотика”, и я ем. Кто-то спрашивает отца: “А как вас кормят там?” (Я понимаю — на английском судне.)

Отец рассказывает: “Нет, масла не было; маргарин, но очень хороший...”

Что такое “маргарин”, я не знаю, но у меня это связывается со звучанием слова “вазелин”, и я сомневаюсь, можно ли его есть, даже если он очень хороший.

Отец постоянно привозит нам тельняшки и “матросские костюмчики”. На говорят — “английские”, “итальянские”, “французские”. Но я отказываюсь носить французские береты с помпонами. “Это бабские шапочки!” Вообще, я не люблю эти костюмчики. При всей своей “исключительности” я вижу, что никого, кроме нас, *так* не костюмируют. Все дети, каких я вижу на улице, одеты иначе, и они смотрят на нас, как на что-то “ненастоящее”. И я прихожу к мысли, что я — “ненастоящее”. А я хочу быть такими же, как те, “настоящие” дети, и жить настоящей жизнью! А мне не дают.

В этот раз отце привез мне штаны английского матроса! Я надел их рано-рано утром, и, стесняясь своего нового вида, бегаю вокруг палисада перед домом. Меня замечают и начинают

подчеркивать, что заметили мой необычный вид. Я краснею от стыда и убегаю во флигель, но там тоже “замечают” все. И я снимаю штаны!

После отцовского “все можно” я, как правило, серьезно болел и однажды даже был при смерти. Отец разрешил мне выкупаться в том пруду с карасями... Этого мне никогда не разрешали. Отец считал меня очень сильным. Эту иллюзию он сберег до конца...

Мария Адриановна (мачеха-француженка. — Н.Ч.) передавала его слова по моему адресу — “он (я-то!) такой сильный!” Но он и требовал от меня как от сильного человека.

...Дома я ем за общим столом не настоящей вилок, а маленькой — “устричной” вилочкой. Отец говорит маме, и в голосе его злость и досада: “Заставь ты его есть вилок!” Мать отвечает жалкой улыбкой и молчит, и я, кривляясь, верещу: “Нет! Вилочкой!” Отец отворачивается. Ему досадно, противно...

Отец учит меня плавать где-то у моря. Взяв на руки, укладывает в нужную позицию, объясняет, что и как делать. Но я не хочу учиться плавать! Я хочу играть с волнами. Папа покушается на мое “право”, и я скандалю, вырываюсь, ору самым противным голосом, какой могу из себя выдавить. Отец рассержен. Он не награждает меня шлепками; он говорит что-то такое, что до меня не доходит никак. Но я знаю — Я ПОБЕДИЛ! (Криком и сопротивлением!) Я отстаю свое право на свободное времяпровождение в воде. И вообще: зачем плавать? Я хочу купаться! Да, я и боюсь плавать... А отец был прекрасным пловцом (это все говорили). И он обожал плаванье.

Отец был охотником. Но я только один раз видел, как он шел на охоту с дядей Мишей в Толпино. Они были в обтягивающих “штанишках”, какие-то очень широкие вверху и тоненькие внизу, ножки, будто чужие. И какие-то “туфли” (поршни, вероятно). У них на ремнях висели какие-то штуки,

вроде свиных окороков, и я знал, что это ружья, но не интересовался, почему они такие.

Я не видел их возвращения, но поскольку за обедом не было дичи — они вернулись “пустые”. Они не взяли с собой собаки, хотя во дворе бродил очень старый пойнтер Джек (желто-пегий кобель). Джек был слишком старый, а может быть, он и не был рабочей собакой. Не знаю.

Из своих систематических и долгих отлучек (на Север. — Н.Ч.) отец привозил шкуры бурых и белых медведей, и пол в гостиной был устлан коврами из шкур с мертвыми головами и зубастыми ртами. Однажды он привез шкуру полярного волка — “белого” волка. Этот волк не был белым добела, как бывают белыми американские волки, он был очень-очень бледно-серый, а по хребту пучки серых (черных?) волос. У него были отрубленные лапы, и папа говорил, что они отрубили ему когти себе на украшения. Потом как-то он привез шкуру лисицы. Она была мокрая, и ее неприятно была держать в руках.

Отец громко рассказывал, как неприятно было иметь дело с местным населением, продающим эти шкуры. Они отчаянно торгуются, и, когда уже, кажется, что сторговались, когда покупатель уже отсчитал деньги, продавец униженно, но твердо говорит: “Копеечку-то прибавьте!” Это продолжается бесконечно. Наконец покупатель яростно посылает продавца к черту и уходит. Тогда сам продавец идет за покупателем и покорно сбавляет цену, но стоит покупателю отсчитать требуемую сумму, раздастся остосатаневшее “Копеечку-то прибавьте!” Отец при этом и смеялся, и чертыхался...

Отец очень любил все живое. Именно ему я обязан всем, что привело меня на “олимп анимализма” Если он со мной гулял, то подстрекал мое любопытство, все время о чем-то рассказывая, и ни один вопрос не ставил его в тупик. Больше всего

нам встречалось нор кротов, в которые прятались от дневной жары зеленые южные жабы. Часто встречались мертвые птицы, особенно грачи. Грачей было много по всему высокоствольному парку, окружавшему большой фруктовый сад. Я любил искать птичьи гнезда. Ловко находил их, иногда брал себе одно яичко. Но я очень огорчился тем, что стоило мне найти гнездо, как в следующее же мое посещение оно оказывалось пустым.

Отец подарил мне трехтомник “Жизнь животных” Брема — мою настольную книгу до этих дней. Потом двухтомник Свена Гедина — “В сердце Азии”. Я уже достаточно хорошо читал к этому времени, и кое-что из этой книги помню наизусть. В книжном шкафу отца было очень много всяких книг. Резать их мне не пришлось в голову!

Однажды я увидел на столе у отца статуэтку лося из какого-то металла. Отец подарил мне ее. Я все время ломал этому лося ноги и бегал к отцу за починкой. Папа склеивал ноги этому лося красным сургучом.

Отец очень любил собак. Рассказывали, что еще холостым он держал много собак и всех называл разными частями женского нижнего белья и вообще бабьих тряпок. Так у него был бульдог Лиф и какая-то собачонка Юбка. При мне у него перебивали три бульдога разом: рыжий с белой грудью — кобель Дженерал, сука белая с красными пятнами — Леди Смарт (что-то вроде форсистая Леди).

“Почему “Смарт”?” — спросил я у отца. “У нее был красный ошейник”, — ответил он.

Третий был тигровый кобель Блэк. Они заболели чумкой и их увезли лечиться в стационар в Ревель, где они и утасли. И мы зачем-то ездили тогда в Ревель. Но я помню только, что в гостинице нам подали жареную камбалу: у нее мяса не было — была брюшина, набитая икрой. Это было невкусно.

Последним из бульдогов был Блекси, который умер на чердаке страшной смертью: его отравили куском мяса с игол-

ками. Мучительная смерть в полном одиночестве на холодном чердаке. Умеют быть жестокими женщины!

Я собак боялся и не любил. Тем более, когда их было много. Тем более лаек, которые непрерывно грызлись. И Бьоркэ загрыз Марса, а таймырка утонула в подвале, куда ее выселили со щенками... А Бьоркэ летом попал под трамвай. Его вылечили, но куда пропал потом?

Однажды отец задумал покатать нас на собаках. Запрягли Бьоркэ, но он отказался тянуть — коренник, он тянул без комплекта в упряжке, так сказал отец. Брат Алексей не боялся собак, и отец ставил мне его в пример. Однажды отец взял на прогулку всю свору лаек, но я наотрез отказался идти с ними — я боялся. Алексей же храбро повел старого Полюса...

Отец любил начищенную медь (истый моряк!). Как-то юнга, вестовой, подал ненадраенный самовар. Отец пришел в ярость, и не знаю, чем бы это закончилось, не войди в столовую бабушка. Отец только и выдал из себя, дрожа от злости: “Убирайся к черту!” Я уверен сейчас, что грудь его переполняли более сильные выражения, а юнга Павел (“Павлик Толстый”) счастливо избежал большой неприятности. Отец никогда не был доволен этим жирным, толсторожим бездельником. Вскоре от него избавились. Но “Павлик Тонкий” оказался нисколько не лучше.

Отец был фанатически религиозным. Точнее суеверно-религиозным. На его шее висел на цепочке целый арсенал крестов и крестиков, образков, амулетов — каких только не было!

В углу его кабинета стоял иконостас с “неугасимыми” лампадками. Я нередко по утрам заставлял отца перед иконами на коленях — он истово молился. Тогда я тихонько опускался на колени рядом с ним... Но “мамины” молитвы? Они здесь были

не те... Других я не знал. Просьбы, обращенные к Богу на разговорном языке, никогда не выполнялись, и я решил, что Он не такой уж “всеведущий”, если понимает только непонятный язык церковной службы.

У отца была икона Николая Чудотворца — Николы Морского. Отец поднял ее с затонувшего корабля (когда служил водолазным офицером. — Н.Ч.). Она была, как решето, изедена червем-древоточцем, но отец считал, что икона не может потерять своей чудодейственной силы от “травмы”

Отец никогда не проходил мимо церкви или иного священного места, не перекрестясь. При этом он крестился мелко-мелко — “чистил пуговицы”, как говорили.

Дядя Сережа и дедушка с бабушкой ставили меня в неловкое положение за столом тем, что любили повторять избитые поговорки. Например, если подавали пирог с сушеными белыми грибами, дядя Сережа первым говорил, обращаясь ко мне: “Ешь пирог с грибами и держи язык за зубами”. За ним это же повторяла бабушка. И другие не отставали! Все они при этом близко наклонялись ко мне и заставляли разглядывать их прыщи, угри, бородавки, волосики и капельки пота.

Это было отвратительно! Они доводили меня до отвращения к пище. “Культура”!

А отец за столом любил шутить, но он никогда не надоедал и не любил избитых острот. Это он как-то рассказал о двух евреях, которые, попав в воду, все время разговаривали. Два еврея спаслись от наводнения, когда все прочие люди утонули. “Как вы спаслись?” — спросили их. “А мы шли и разговаривали, попали в воду и все время разговаривали!” При этом отец широко махал руками, как плывущий саженками. Все смеялись. Я запомнил этот анекдот на всю жизнь. Но я тоже хочу острить! И я говорю такие глупости, от которых отцу становится плохо. “Ох, как ты остришь! У меня даже живот заболел, зубы заболели!” А я старался еще хуже! Мне было весело. Я — замечен!

Дома мне запрещают говорить “о политике”. Но отец иногда берет меня с собой, и я сижу со взрослыми и иногда вставляю слова. На меня не обращают внимания, но, возвратясь домой, я хвастаюсь, что говорил “самую ужасную политику”. Я понимал, что взрослые запрещают детям все самое интересное.

.....

Отец должен идти в плавание. В Петрограде уже стоят подводные лодки, на которых он уплывет. Эти подводные лодки помещаются в трюмах больших деревянных барок. Отец берет с собой маму и меня. Мама остается на берегу, а я спускаюсь вовнутрь и смотрю в перископ. Вижу в перископ маму. Потом я вижу эти же подводные лодки стоящими на железнодорожных платформах... Они какие-то маленькие.

Я спросил отца: “Разве хорошо плавать на подводной лодке, неужели лучше, чем на большом корабле?” Отец ответил в том смысле, что на подводной лодке плавать хорошо, а на большом корабле СЛУЖИТЬ ПЛОХО. У меня же от посещения его подводной лодки возникла ассоциация с бабушкиной кельей в Москве.

Прежде чем продолжить эти отрывочные воспоминания, милые только мне и могущие заинтересовать разве что моих детей, мне кажется, пора обрисовать внешность отца.

В моей памяти он прежде всего крупный (огромный!). Мощная фигура борца. Он и был борцом. Лысая голова, волосы темные, остриженные. Лицо круглое, щеки полные и румяные, глаза маленькие, карие, прищуренные. Нос небольшой, тонкий, с горбинкой, но отнюдь не крючком, не “зюзюля” — очень аккуратный, даже красивый нос. Такие носы называют “породистыми”. Рот небольшой, улыбчивый. Он носил усы, которые, мне кажется, никогда не сбрасывал. Они у него выросли раз и навсегда. Усы были рыжие. На лбу у него был круглый шрам. Сейчас

я понимаю: в пьяной драке папе влепили в лоб пивную стопку, зажатую в кулаке. Но тогда на мой вопрос “откуда этот шрам?” отец ответил: “Лошадь ударила копытом”. Я, конечно, поверил.

У папы была “бычья шея”, загроможденная складками на затылке. Подбородок мягкий, в меру. Я спросил его, почему он не носит бороду? Он ответил, что маме не понравилось, и он сбрил бороду. Уши были маленькие, прижатые. Двигался энергично; входя, двери распахивал настежь. Передвигался шумно да еще в сопровождении всех собак, которые гремели стульями, теснясь вокруг своего кумира. У папы была широченная спина, плечи-окорока, руки очень мощные; грудь, как говорят, колесом. Одним словом — атлетическое сложение.

Когда я спросил его, отчего у него лысина, он сказал, что “волосы вытерлись от водолазного шлема”

Как-то еще при жизни матери я попросил отца купить мне ружье. Отец обратился к матери и спросил ее: “Монте-Кристо” ему, что ли, купить?” Но мама чуть ли не со слезами (тихо, однако трагически) отговорила папу, и все кончилось отказом: “Тебе нельзя доверять ружье, потому что ты шалый”. И больше этот разговор не возобновлялся.

Вообще, папа почти никогда не отказывал мне сразу. Он словно бы искал возможности такой, при которой он формально не виноват. Вот пример, я прошу: “Купите мне слона!” Отец советуется с мамой всерьез: “Написать, что ли, в Калькутту?” — говорит он, и я сам пишу письма, глупые, наивные: “Пришлите слона...”

Я прошу купить попугая. Идет деловое обсуждение: “Неразлучников” ему купить?” — обращается отец к маме. Я тотчас же догадываюсь, что это дешевые попугаи, и прошу красного с зеленым. Разговор взрослых касается биологии попугаев вообще, и я узнаю, что “неразлучники” умирают по-всякому поводу, и если умрет один — второй умирает от тоски. “Неразлучников” я не желаю.

“Красных попугаев” нету в зоомагазине на Караванной улице (я сам ходил). Разговор о попугаях шел почти шутиливый...

В спальне моих родителей стояли две огромные кровати — рядом, посреди комнаты. Но отец, бывая дома, всегда спал в своем кабинете, спал совершенно голый, всегда на спине и руки поверх одеяла. Так приучили в Морском корпусе. Грудь и руки были густо волосатые, а татуировок не было.

Отец, как все моряки, выпивал; крепко мог выпить! Я перехватываю разговор об отце: “Вчера четвертную (3,5 литра) один выпил и пошел в ванную. Да что-то долго не выходит... Стучу — молчит, а слышно — сопит и булькает. Я сходила за дворником, сломали дверь, а он спит и лицо в воде... Еще немного, и захлебнулся бы. Я воду выпустила, ему стало холодно, встал и пошел спать”

Однажды я ворвался в отцов кабинет, а там — компания. Отец поставил на стойку дивана маленький стаканчик — от меня спрятал; я заметил и ловко схватил его. Отец с улыбкой — “Тише, тише!” — отобрал у меня стаканчик и поддал дружескую шлепку. Я выскочил очень довольный своей выходкой: отец смеялся, шлепка была ласковая и вся компания смеялась одобрительно.

...И опять перехватываю отрывок разговора: “...Слышу, в кабинете стреляют. Вбежала, а он с товарищем выпили и стреляют друг в дружку! Надумали: не сами себе пулю в лоб пустить, а застрелить друг друга!”

Я знаю только, что оба остались живы и как будто целы... Стрелять, а не стреляться, потому что оба — фанатически религиозные. А самоубийство — грех! Самоубийца, согласно, догмата веры — “черту — баран”. То есть черти жарят самоубийцу и едят как баранину...»

Прерву дневник Ивана Ивановича. Он не датирует этот эпизод со взаимным стрелянием. Но мысль о самоубийстве могла возникнуть у Ризнича и его сослуживца разве что в конце 1917 года, когда весь привычный уклад жизни покатился в тар-тарары, когда поруганы были и честь, и флаг, и долг...

«... Я спросил отца: “Ты где учился?” Он ответил: “Я окончил водлазную школу”

На кителе отца был только один крестик — белый и гладкий. Отца наградили в Англии за что-то. Русских наград я у него не видел, и он сердился, когда я о них спрашивал. Погонны у него были не “желтые” (т.е. золотистые. — Н.Ч.), а “белые” (серебристые. — Н.Ч.). Что на них было, я не знаю, но мама сказала мне: “папа старший лейтенант”. То есть был им в канун войны?

Однажды папа вошел в детскую комнату с офицером еще крупнее его. Папа торжественно (сморщив нос, как обычно) спросил меня: “Так кем ты будешь?” “Моряком”, — ответил я. “Ты это твердо решил?” (Мне было пять лет.) “Да! Твердо!” “Подумай еще!” “Я уже подумал давно”

Отец обернулся к своему спутнику, одетому в такую же форму, однако, словно бы старше званием: “Значит, решено! В Морской корпус”

Оба вышли. И быть бы мне моряком...

Подражал ли отцу? Не знаю. Я много рисовал, и меня показывали гостям. “Художник!” — говорили гости. “Это и есть тот художник?” Они все произносили слово “художник” таким тоном, как если бы говорили: “А, это тот, с хвостом обезьяны?” “Ты — обезьяна?”

Я понял: надо мной смеются, и художником быть стыдно. И я полагал, что художника можно высмеивать и обижать, а вот моряка — никто не посмеет! Я еще не знал, КАК обижали моего отца! Ведь его доводили до попытки самоубийства... Однако только ли моего отца?

Не хочу быть художником!

Отец был нетребователен к пище. О нем, я слышал, говорили в доме: “Пришел вчера — ничего нету. Отрезал хлеба, сала, запил холодным чаем и ушел”

Однажды я видел, как отец ел наспех: ему подали в маленькой сковородке кружок черной колбасы. Она шипела. Отец резал колбасу прямо на сковороде. Он ел не так, как меня учили, — сидеть прямо и подносить ко рту кусок на вилке. Он мотал головой — к вилке! Я подумал, как жаль, что никто не учил его есть правильно и красиво — как все. (А я до сих пор стараюсь есть, сидя прямо и поднося ко рту, не нагибая головы.)

Отец завтракает. Перед ним огромный кусок сала — прислали в посылке. Я уже ел, но мне требуется самоутверждение и я подсаживаюсь к столу. “Папа, можно и мне сала?” Я не требую, а спрашиваю. В этом случае отказ будет менее обидным. Отец весело режет мне и хлеб, и сало, и я ем через силу, назло бабам, которые шастают мимо меня, а вмешаться не смеют.

“Ты уже сыт?” — спрашивает папа. Я киваю — “Да”, и сползаю со стула. Говорить я не могу — я переел и меня тошнит... Но я ел вместе с папой!

А отец после сала достал толстую почти белую колбасу. Я видел, как мама доставала ее из посылки. “Ливерная”, — сказал кто-то. “Ливер, это где-то около легкого?” — нерешительно спросила мама. Но никто не знал, где помещается “ливер”, а папа в этот момент отсутствовал.

Мамы больше нету... Ее в цинковом гробу увезли в Толпино, к бабушке с дедушкой (на ее родину, что ли?). Там ее и похоронили у стены деревенской церкви, внутри церковной ограды. Кладбище примыкало к самой церкви.

Мир ее праху! Теперь я без защиты...

Мы с палой в гостях. Меня развлекает крупная рыжая женщина. Она почти не говорит по-русски, но я достаточно говорю по-французски. Это — Мария Адриановна, моя будущая мачеха. “Пошли к маэстро!” — весело провозглашает она, и мы у “маэстро” — у большого толстого лохматого дядьки с темным лицом. Я называю Марию Адриановну “мадам Мак-Мишь”; она

смеется, говорит, что ее собственные дети тоже так называли ее. Откуда это “Мак-Мишь”? Не помню. “Тетушка Пико”, это я помню, была такая книжка. Папа тоже смеется.

Свершилась февральская революция. Всюду — “да здравствует свобода!”. Мы едем к дедушке в Толпино. От станции Корнево едем в коляске и выставляем наружу красные флаги — “да здравствует свобода!”

...Со станции Корнево в той же коляске, запряженной парой темных лошадей, я еду с отцом. Отец говорит кучеру: “А ну-ка, пошевели их! Нельзя ли еще побыстрее?!” Но лошади сбиваются на галоп и отец с досадой говорит: “Не надо, раз они у тебя скачут”

Вообще, отец любил быструю езду. В Петрограде ему всегда подавал один и тот же извозчик; лошадь темно-серая в яблоках, но я не помню быстрой езды, хотя, бывало, ездил с ним.

В Ревеле. Моросит дождь. Мы вдвоем с отцом. Он нанимает извозчика. Лошадь белая и очень худая, все кости наружу. Однако эта лошадь мчала нас на редкость быстро! Я очень удивился, что такая с виду замореная может так быстро бегать. “Папа, заплати ему подороже!”

В Толпино дедушка и бабушка не хотят отдавать нас родителям — тем более, что оба папы — вдовцы. Но приехал дядя Миша и увез своих девочек... Приехал мой папа и уехал один.

Крутом шепчут: “Вот Михаил Владимирович, хоть обманом да увез, а Иван Иванович не сумел — характера не хватило”

Отец уехал в Бессарабию (на Дунайскую флотилию в Рени. — Н.Ч.).

Но вот мы все-таки в Петрограде!

Я слышу, что “денег нету”, что отец затеял какой-то бизнес с японцами... У него “контора” О нем говорят, что он “пред-

седатель Всероссийского союза водолазов"... Бизнес — лопнул. Отца обокрали! Говорили — "это Соколов". Я видел этого Соколова — никакого впечатления. Но в доме и с дровами скверно, и с пищей...

Отец появился с матросами. Матросы живут у нас. У одного из них огромный черно-пегий сенбернар... Бабушка провожает отца в Архангельск. Скоро и мы уезжаем в Карелию... Отца я больше не увижу.

Последнее время он хмурый и озабоченный. Он похудел. Он не улыбается. Я видел у него на столе револьвер "бульдог", японский кинжал для "харакири"

Ночью я пробрался в кабинет, схватил этот кинжал (точнее меч) и "убил" всех медведей в гостиной — "пробил" им их черепа из папье-маше! Этого никто не заметил.

На улицах, на стенах домов помимо всяких плакатов, газет и т.д. целые серии открыток: хорошенькие мальчишки-амурчики с огромными глазами олицетворяют политические партии: "анархист" размахивает бомбой, помимо всякого оружия, которым он увешен; "большевик" размахивает револьвером "бульдог"; "социал-демократ" стоит заложив ручки за спину. "Ты меня не трогай — и я тебя не трону!" — говорит он. Другого я не запомнил...

Но, возвратясь домой, я тихо подошел к отцу и спросил, какой он партии. "Монархист!" — негромко, но твердо ответил отец. Мне неловко, и я тихо удаляюсь. Из разговоров живущих у нас матросов я знаю, что это нехорошая — самая дурная партия, и скоро всех монархистов будут убивать. Значит, папу тоже убьют...

По ночам на улицах Петрограда неспокойно. Жители организуют самооборону — дежурят у ворот с винтовками. Папа тоже дежурит. Он надевает огромный совик — оленью доху

мехом наружу. Проходящие мимо шарахаются от него... Утром женщины рассказывают, кто и как перепугался.

Отец еще больше осунулся... Он состарился! А ему было не больше 43 лет!

Я спрашиваю матросов, где они были вчера. Они рассказывают, лица серьезные. Рассказывают так, что я не понял ни слова. Чтобы как-то представиться положительно, я спрашиваю:

“А Ленин был?” “Был” “А Троцкий был?” “Был” “А Колонтай там был?” Общий смех. Откуда мне было знать, что это — женщина?

Поборов смущение, спрашиваю: “А Смольный был?” Никто не смеется. Самый мрачный и худой матрос говорит: “И Смольный был...”

.....

Мы с братом ходили в одинаковых шубках из песца-крестовика. Отец привез шкурки, намшили на заказ, а потом свели сфотографироваться. Фотограф прислал пробные отпечатки со штампом во всю карточку “Черновые”. Придется ему заказывать. “Дорого”, — говорит отец. С деньгами у нас плохо.

Итак, я больше не видел отца. Он уехал. Мария Адриановна (в девичестве Бернар) — они обвенчались в Архангельске. Мачеха рассказывала мне, что она считала венчание совершенно лишней затеей, не способной что-либо прибавить к их любви, но отец настоял на венчании. Мария Адриановна была разведенная жена и от первого брака у нее было два сына. О них она рассказывала очень мало.

Она рассказывала мне: они с отцом плавали на тральщиках, а не на подводных лодках; что когда интервентов изгнали, то всех офицеров, кто отказался перейти на сторону революции, приговорили к смертной казни. По принципу — “пули на них жалко” Толпу смертников загнали в трюм дырявой барки и барку отбуксировали в открытое море... Они все утонули.

Мария Адриановна рассказала, что отец, идя на смерть, сказал ей: “Все к лучшему!” и просил не оставить его детей... “Я на коленях просила его перейти на сторону победившей революции — ради детей! ради меня! Но он сказал: “Я присягал и не могу изменить присяге”. Он так и остался непреклонным!” — закончила моя мачеха».

* * *

Вот и все стало на свои места. Подводник Ризнич принял свою кончину как подводник — в глубине моря, даром что не в отсеке, а в трюме «баржи смерти». Разумеется, архангелогородские чекисты знали, кого лишали жизни. На капитане 2-го ранга Ризнице не было крови братоубийственной войны, в боях Белой армии не участвовал, служил по ведомству военных перевозок или ВОСО, как сказали бы теперь — «служба военных сообщений». Знали и его заслуги в развитии подводного флота России, потому и предложили перейти на сторону большевиков. Мог бы перейти, как это сделали десятки, и даже сотни его бывших сослуживцев, но не перешел, остался верным первой присяге. Переприсягание для военного человека — понятие абсурдное.

Прах Ивана Ризнича покоится в Белом море. Том самом море, которое стало главным «нерестилищем» отечественного атомного ракетноносного флота. Мимо его неведомой подводной могилы выходили на испытания из Северодвинска и первый наш атомоход К-3, и первый подводный ракетоносец К-19, и самая большая в мире атомная подводная лодка «Акула». Ризнич стал безгласным и бездыханным свидетелем осуществления многих своих предсказаний.

На заре подводного флота Ризнич пророчески писал: «Подводное дело, утверждаю, стало на ноги; и в будущей войне более людей пострадают от них, чем на них от надводных судов». Как в воду глядел. Но нет пророков в родном Отечестве. Либо их побивают камнями, либо топят в морской пучине.

Всякий раз, когда я бываю в Архангельске, я прихожу на главную речную пристань города, бывшую Соборную площадь. Именно здесь ошвартовался «Святой Георгий» после океанского перехода. Неспроста здесь и Морской музей Архангельска. А перед музеем выставлены на бетонных столбах бюсты прославленных мореходов и флотоводцев, причастных к поморской земле. Тут и Георгий Седов, и Русанов, и Воронин... Нет только Ризнича. Вдвойне обидно, когда вспомнишь, что не гипс даже, а бронза нашлась для памятников литературным героям Остапу Бендеру в Санкт-Петербурге и Житомире, жулику Паниковскому — в Киеве, а вот земляк-первопроходец, герой по жизни Иван Ризнич не удостоен даже памятной доски. А уж где-где, но в Архангельске такая доска должна быть. И выбиты на ней должны быть горькие и честные слова, что от этого причала уходил на «барже смерти» в свой последний поход русский моряк Иван Ризнич со товарищи, который привел тремя годами раньше к этому же причалу подводную лодку «Святой Георгий», совершившую первое в истории российского флота океанское плавание. Верю, что архангелогородские власти однажды исправят эту вопиющую несправедливость.

А вот на Украине Ризнича оценили и называли подводником Украины № 1, поскольку тот числился дворянином Киевской губернии, оговорившись, что в России это подводник № 2, оставив первенство за первым командиром первой российской подводной лодки «Дельфин» капитаном 1-го ранга Михаилом Беклемишевым. Наверное, это справедливо, поскольку Ризнич на «Дельфине» был одно время у Беклемишева старшим офицером. Но дело все же не в номерах, а в памяти. Союз подводников Украины, состоящий в основном из бывших офицеров советского подводного флота, в столетнюю годовщину Цусимского сражения помянул Ивана Ризнича в его дедовской усадьбе в Гопчице. Довольно обширная делегация прибыла сначала в Погребище, потом уехала в Круподеринцы,

где возложила венки к памятнику героям Цусимы лейтенанту Игнатьеву и капитану 2-го ранга Зурову, и, наконец, посетила Гопчицу, отдав дань памяти Ивана Ризнича. Самое примечательное, что вместе с участниками этой поездки была и правнучка командира «Святого Георгия» Ольга Ивановна Ризнич. К великому своему сожалению, я не смог приехать на эти торжества. Правда, спустя год мы побывали вместе с Ольгой Ризнич в Одессе на международном конгрессе моряков-подводников. В Одессе же мы не преминули найти на улице Пастера (бывшая Херсонская) дом № 50, который помечен памятным знаком, что это дом купца Ивана Стефановича Ризнича, в котором бывал А.С. Пушкин.

Но в настоящий, то есть нынешний, дом-усадьбу Ризничей я попал после вручения Ивану Ризничу-внуку и его дочери Ольге Ризнич высшей общественной награды — ордена Петра Великого I степени, который был вручен потомкам командира «Святого Георгия» в Санкт-Петербургском клубе моряков-подводников в феврале 2004 года. Орден от имени Академии обороны, безопасности и правопорядка вручала первый вице-президент Ирина Залевская. После этого замечательного события Иван Ризнич и отвез меня «обмывать» награду в свою новую «родовую усадьбу» под Стрельней.

Из статей и лекций лейтенанта Ивана Ризнича

«...Меня вообще обвиняют в слишком большом пристрастии к подводным лодкам, быть может, это и верно, но моя практика подводного плавания сделала меня убежденным сторонником подводных лодок потому, что я увидел то, что они действительно могут делать то, для чего они предназначены, т.е. подходить невидимо к противнику, стрелять и попадать миной

в движущуюся цель и, наконец, расположившись заранее на пути противника, всегда могут ему перерезать путь.

Уничтожение нашего флота в Порт-Артуре и при Цусиме, фактическая, а также финансовая невозможность восстановить его в короткое время не только в размерах наступательного флота, но и оборонительного, выдвинула на первый план суда минные, которые могут быть выстроены быстро и сравнительно дешево; все это вылилось в постройки “Народного флота”, главным образом, минных крейсеров, построенных на пожертвованные деньги.

...В данное время многие еще считают подводные лодки оружием, не вышедшим из опыта, но надо сказать, что теперь они настолько разработаны, что их отнюдь нельзя считать оружием неиспытанным.

Необходимость подводных лодок у нас высказалась особенно рельефно во время всех порт-артурских операций. Нам даже известно, что местный гарнизон делал шаги в этом направлении, построив одну подводную лодку (которая потонула, к счастью, без людей), и начал, но, к сожалению, не закончил, постройку другой подводной лодки. Насколько японцы боялись подводных лодок, видно из случая гибели японского броненосца “Хацусэ” во время которой прекрасно дисциплинированные экипажи японской эскадры устроили бешеную стрельбу в воду, решив, что мина, утопившая один из японских броненосцев, была пущена с русской подводной лодки.

Моральное действие подводных лодок страшно велико. На него постоянно указывают авторы всех сочинений по подводному плаванию. Так, эскадра Рождественского всю дорогу боялась подводных лодок и даже однажды уклонилась в сторону, приняв плывущую вертикально гильзу за перископ подводной лодки. Итальянский офицер лейтенант Лауренти сравнивает подводные лодки со змеями и пишет следующее: “Очевидно, что при морской войне никакая неприятельская эскадра не

рискнет пройти через линию подводной охраны, ибо не имеет возможности убедиться, даже при хорошо организованной системе шпионства, что проходы свободные. Таково моральное действие, производимое подводными лодками. О них знают, что они разбросаны по морю, но не знают в точности — где. Против пущенной мины нет спасения, и судно погибает безвозвратно, — какой же адмирал, в самом деле, будет в состоянии маневрировать в море, кишашем змеями в виде подводных лодок?”

Нельзя не согласиться с этим замечанием. Действительно, рисковать все время получить мину неизвестно откуда, настолько будет неприятно и настолько будет подавлять общее состояние духа людей, что при встрече с неприятельской эскадрой, переутомившаяся и издергавшаяся, наверно, команда не будет в состоянии успешно действовать.

Район видимости подводной лодки, даже в надводном положении, составляет около мили, причем на переход из подводного положения в подводное современной подводной лодки требуется от двух до четырех минут. Таким образом, раньше, чем противник опомнится, лодки перейдут в подводное положение и будут двигаться по направлению к нему со скоростью, обыкновенно достигающей семи узлов.

Самое важное значение подводных лодок является при блокаде какого-либо порта; в этом случае подводные лодки совершенно незаменимы, так как при сильной блокаде только они одни способны свести блокаду почти к нулю, давая порту невидимый способ сообщения с остальным миром. Мы видим, что во Владивостоке, с тех пор, как в нем появились плавающие подводные лодки, блокада была снята, и только изредка, и то очень далеко от порта появились миноносцы, которые действовали очень осторожно и моментально исчезали, как только подводные лодки выходили из порта. Таки образом, те, кто говорит, что владивостокские подводные лодки не принесли

никакой пользы — сильно ошибаются, ибо других причин снятия блокады нет никаких. Для государства, которое, как Россия, обречено по крайней мере на десятилетнюю бездеятельность на море и рискует при всякой войне, почти со всяким государством ограничиваться исключительно оборонительными морскими операциями и может иметь блокаду всех своих портов, подводные лодки являются крайне действительным и необходимым оружием, так как присутствие этих лодок лишает возможности устроить фактическую блокаду где бы то ни было...

Именно для нас подводные лодки совершенно необходимы и в высшей степени желательное оружие. Еще адмирал Джервис (в Англии в 1803 году) сказал, что подводная лодка есть оружие бедных на море государств. К сожалению, в данное время нам приходится причислять себя к последним. Но несомненно и то, что подводная лодка становится уже универсальным оружием и нужна также для государств «богатых на море, как несравненное оружие нападения».

* * *

В 1966 году группа советских атомных подводных лодок обошла вокруг планеты, не всплывая из глубин Мирового океана. Этот грандиозный поход начался с командирского возгласа: «По местам стоять! К погружению!» — а закончился словами: «По местам стоять! К всплытию!» Автором этих команд был лейтенант Ризнич, пионер русского подводного плавания.

БРАСЛЕТ АДМИРАЛА ЩАСТНОГО

Адмирал Алексей Михайлович Щастный... Немногим ныне скажет что-нибудь эта странная фамилия, столь похожая на слово «счастливый».

Был ли счастлив адмирал Щастный? До тридцати семи лет — наверное...

Детство — безусловно, счастливое, обеспеченное достатком генеральской семьи, согретое семейным теплом бабушек, мамы, нянек, братьев, сестры. Да и есть ли лучший город для мальчишества, чем тихий зеленый древний Житомир на реке Тетерев?

Он счастливо окончил киевский кадетский, а затем Морской корпус в Петербурге — по высшему разряду. Он пережил резню офицеров в марте 17-го в Гельсингфорсе. И октябрьский переворот обернулся для него неожиданным взлетом — матросы выбрали его за доброту и толковость командующим Балтийским флотом. Он был всего-навсего капитаном 2-го ранга, но народная молва и газетчики возвели его в адмиральский чин, упраздненный большевиками. Так и вошел в историю адмиралом...

Он был счастлив в семейном кругу. Милая выпускница Смольного института благородных девиц Антонина Приемская-Сердюкова подарила ему дочь Галю и сына Льва.

Он был счастлив в звездный час жизни, когда вывел из осажденного немцами Гельсингфорса, пробившись сквозь льды,

в Кронштадт большую часть Балтийского флота. Двести вымпелов, двести боевых кораблей — линкоров, крейсеров, эсминцев, тральщиков, подводных лодок — спас он для России. Он был счастлив, когда 30 апреля 1918 года 3-й съезд моряков Балтийского флота стоя аплодировал ему, скромному военмору, совершившему титанический подвиг во славу Отечества. В любой другой стране офицера, спасшего свой флот, увековечили бы в памяти потомков. А его, Щастного, — расстреляли... Он был несчастлив всего один раз — в день ареста, 28 мая 1918 года...

ГЕЛЬСИНГФОРС. КРОНШТАДТ. ШЛИССЕЛЬБУРГ. ВЕСНА 1918 ГОДА

Чтобы по-настоящему оценить, что свершил этот человек и чего стоил ему сей подвиг, нужно вспомнить, что Балтика — море замерзающее, и никогда до того злополучного февраля боевые корабли во льдах не ходили, а пережидали зимы в гаванях. И прежде чем решиться на этот немалый риск — вести корабли, особенно тонкобортные эсминцы и хрупкие подводные лодки, меж острых ледяных глыб, — Щастный призвал себе на помощь капитана 1-го ранга Новопашенного и старшего лейтенанта Транзе, обладавших уникальным опытом плавания во льдах, да к тому же арктических. Впрочем, главным ледовым советником его был Николай Транзе, так как на Новопашенного Щастный возложил военно-дипломатическую миссию. Петр Алексеевич вел с немцами переговоры в Гангэ, выторговывая льготные условия эвакуации флота, оттягивая время ультиматума...

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «Этой делегации, — писал бывший старший офицер эсминца “Новик” капитан 2-го ранга Г. Граф, — было передано требование, чтобы к 30 марта весь русский флот покинул Гельсингфорс; те же корабли, которые по своему состоянию принуждены будут остаться, должны в условленный час поднять флаг “Щ”. Это значило, что на них

осталось минимальное количество команды, необходимое лишь для охраны, и то, что они не примут никакого участия в борьбе немцев с финскими красными. В случае неисполнения этих требований германский адмирал угрожал принять активные меры.

По возвращении делегации капитан 1-го ранга Щастный решил во что бы то ни стало вывести все корабли в Кронштадт. Совершенно не считаясь ни с двусмысленными приказами Москвы, требовавшей то вывода, то оставления флота, ни с определенным давлением со стороны англичан, требовавших его уничтожения, Щастный приступил к выполнению такой трудной задачи.

Началась лихорадочная подготовка к предстоящему переходу. Лед еще был довольно прочный, в особенности от Гогланда до Кронштадта, а потому сильно опасались, что часть кораблей, не осилив его, затонет во время пути. Однако рассуждать не приходилось, зatih даже Центробалт. Было решено послать все суда, даже и те, которые стояли в ремонте, с разобранными машинами. Они должны были идти на буксире ледоколов.

Работа кипела. Команды, напуганные слухами, что немцы будут вешать матросов без суда и следствия, работали так, как не работали и в доброе старое время. Один за другим корабли быстро изготавливались к выходу в море.

В порту творилось что-то невообразимое. День и ночь там грузились баржи и подводы; грузились провизией, углем и всем, что только можно было захватить на кораблях. Это делалось без всякой системы и учета — масса продуктов пропадала, многое раскрадывалось и под шумок продавалось на сторону частным лицам. Все думали только о том, как бы побольше захватить и наgrabить.

На многих кораблях всевозможным добром были завалены все палубы, каюты и коридоры. Между прочим, на одном из линейных кораблей возник вопрос, куда девать огромные

запасы муки, чтобы она не подмокла. Думали недолго: решено было спрятать в... орудийные башни. В результате многие механизмы оказались испорченными.

Первыми, еще задолго до прихода германцев, ушли дредноуты. Потом потянулись другие большие суда: линейные корабли, крейсера, заградители и транспорты. Наконец, в последнюю очередь — миноносцы, тральщики, яхты “Штандарт” и “Полярная звезда” с членами Центробалта и посыльное судно “Кречет” с А.М. Щастным. Больше всех волновались и торопились члены Центробалта, которые боялись, что германцы не выпустят яхты из Гельсингфорса и всех их немедленно расстреляют.

В Гельсингфорсе осталось самое незначительное число судов, не имевших никакого боевого значения. Согласно условию, они в назначенный час подняли флаг “Ш”

30 марта германская эскадра вошла на Гельсингфорсский рейд и, одновременно с войсками, ее десант занял город.

Переход в Кронштадт был особенно труден маленьким кораблям. С большим трудом ломая лед, они страшно медленно продвигались вперед. При нормальных условиях этот переход занял бы всего 10—12 часов, теперь же многие миноносцы совершили его в 8—9 дней. Однако, несмотря на такие трудности, все корабли благополучно дошли до Кронштадта, и только несколько миноносцев оказались с сильно продавленными бортами. Некоторые корабли дошли, имея у себя весьма малое количество людей, едва достаточное, чтобы обслуживать котлы и машины на одну смену. Так же мало на многих кораблях было и офицеров — иные дошли только с одним командиром.

Это был исторический, но вместе с тем и глубоко трагический поход русского флота, так недавно мощного, в блестящем состоянии, а ныне разрушенного, не пригодного ни к какой борьбе. Во время этого последнего похода во флоте еще раз вспыхнула искра прежней энергии. Личный состав сумел привести его развалины в последнюю базу.

Главная заслуга в том, что флот был приведен в Кронштадт, без сомнения, принадлежит капитану 1-го ранга А.М. Щастному. Только благодаря его настойчивости он не был оставлен неприятелю или затоплен, как того хотели союзники.

Придя в Кронштадт, часть судов перешла в Петроград и расположилась там вдоль всей Невы, часть же миноносцев и траальщиков была поставлена в Шлиссельбург для охраны берегов Ладожского озера.

Теперь флот оказался вблизи от центра власти, под непосредственным влиянием и неусыпным наблюдением Смольного. Тем не менее далеко не все было спокойно, в особенности на Минной дивизии. На многочисленных митингах, где выступали и офицеры, там стали раздаваться речи против власти комиссаров и призывы к открытому восстанию. Наряду с этим готовился и план овладения Петроградом после переворота на флоте.

Смольному, конечно, сейчас же стало об этом известно. Немедленно начались аресты как среди офицеров, так и среди команд. Миноносцы, как ненадежные корабли, были переставлены значительно выше по течению Невы, вне черты города.

Одним из первых был арестован и затем отправлен в Москву А.М. Щастный, которому предъявили обвинение в измене. Депутация от команд, выезжавшая туда, чтобы требовать его освобождения, не была никуда допущена.

Обвинение, предъявленное А.М. Щастному, было сформулировано так:

“Щастный, совершая героический подвиг, тем самым создал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать ее против Советской власти”

Такая странная формулировка обвинения не может не поразить каждого здравомыслящего человека, тем более что на суде не было ни одного факта, ни одного свидетеля, показывавшего против А.М. Щастного. Наоборот, все показания в один голос говорили в его пользу.

Против Щастного выступил только один — Троцкий. У него не было фактов, он высказывал лишь предположения, но все же утверждал, что Щастный искал популярности, чтобы направить ее против Советской власти.

А.М. Щастного защищал присяжный поверенный В.А. Жданов. Он произнес блестящую речь. Защищать было легко, так как за подсудимого говорил его подвиг.

Присутствовавшие ни одной минуты не сомневались, что будет вынесен оправдательный приговор.

Когда судьи наконец удалились в совещательную комнату, Троцкий, бывший только “свидетелем”, тоже моментально шмыгнул туда: он боялся, что под влиянием речи защитника судьи вынесут оправдательный приговор.

Суд вышел. Председатель Верховного революционного трибунала громко и раздельно прочитал смертный приговор. Все остолбенели, не хотели верить своим ушам. Кажется, привыкли уже ко всему, но такой явной и возмутительной несправедливости никто не ждал.

Защитник спросил: “Куда можно обжаловать приговор?” “Приговор революционного трибунала кассации не подлежит, хотя можно еще обратиться к Президиуму Центрального Исполнительного Комитета”, — ответил ему, уходя, председатель.

По статусу Верховного трибунала приговор мог быть отменен только пленарным заседанием ЦИКа. Однако председатель последнего, Свердлов, заявил, что ранее 24 часов ЦИК созван быть не может, а по истечении этого срока созывать его бесполезно, так как Щастного уже расстреляют...»

РУКОЮ ИСТОРИКА¹ В своем последнем слове на суде Щастный, в частности, сказал: «С первого момента революции

¹ В. Звягинцев, майор юстиции, помощник начальника Управления военных трибуналов.

я работал во флоте у всех на виду и ни разу никогда никем не был заподозрен в контрреволюционных проявлениях, хотя занимал целый ряд ответственных постов, и в настоящий момент всеми силами своей души протестую против предъявленных мне обвинений».

Убедительных доказательств, которые бы заставили усомниться в искренности этих предсмертных слов Щастного, нет. Ведь судили его только за те действия (бездействия), которые охватываются временными рамками нахождения в должности командующего флотом. А это — немногим более месяца. Однако за этот небольшой срок он сделал совсем немало — спас Балтийский флот от уничтожения. Переход кораблей из Гельсингфорса проходил в крайне тяжелых условиях. Дело было не только в толщине льда (около 75 сантиметров) и ледяных торосах (по 3—5 метров). Корабли подверглись обстрелам с острова Лавенсари и других островов, захваченных финскими контрреволюционерами, команды кораблей были укомплектованы всего на 60—80 процентов. Но моряки, руководимые Алексеем Михайловичем Щастным, совершили невозможное.

Флот практически в полной сохранности прибыл в Кронштадт. Всего было спасено 236 кораблей, в том числе 6 новейших линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подводных лодок. Все эти корабли сыграли в дальнейшем важную роль в разгроме интервентов, стали фундаментом строительства ВМС страны.

То, что возглавлял ледовый поход А. Щастный, а не Гельсингфорсский комитет РКП(б) или Совет комиссаров флота (совещательный орган при командующем), как утверждается в книге под редакцией И. Минца, установить нетрудно. «Известия» ВЦИК освещали те события подробно.

Велик соблазн объяснить суть конфликта Щастного и Троцкого строфой Маяковского:

Офицерам —
Суворова,
Голенищевой-Кутузова
благодаря политикам ловким
быть под началом Бронштейна бескартузого,
какого-то беспштанного Левки?!

Но дело не в «беспштанности» Льва Троцкого. Моряки, народ чрезвычайно шепетильный в отношении своей многосложной профессии, не всякого еще адмирала признают флагманом. А тут — провинциальный журналист, «политик ловкий», издавший море только с берега, встает в позу флотоводца.

«Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник». Троцкий в миллионный раз доказал эту истину, когда первая и последняя спланированная им вместе с Раскольниковым морская операция — разведка боем ревельского рейда — окончилась позорным провалом: оба эсминца-разведчика, «Спартак» и «Автроил», попали в плен к англичанам, а сам Раскольников, прикрывшись чужим паспортом и чужим бушлатом, был изобличен и отправлен в лондонскую тюрьму.

Разумеется, Щастный не выказывал восторгов по поводу «адмирала» Троцкого. Позволял себе обсуждать его приказы, отпускать колкие замечания... Все это становилось известно Троцкому — фискалов у нас всегда хватало. Их взаимная неприязнь росла от доноса к доносу. Последней каплей в чаше терпения наркома по военным делам стал отказ начальника Морских сил Балтики сменить комиссара Балтфлота Блохина на присланного Троцким Флеровского.

«За день до приезда Щастного в Москву, — комментировала арест командующего Балтийским флотом газета «Анархия», — прибыли из Петрограда в Морскую коллегию комиссар Балтийского флота Флеровский и член Морской коллегии Сакс. Прибывшие сделали доклад морскому комиссару Троцкому.

В результате Щастный был вызван в Москву, в Морскую коллегию.

По приезде Щастный отправился в Военный комиссариат, где к тому времени собрались в кабинете Троцкого морской комиссар Троцкий, члены Морской коллегии Раскольников, Вахрамеев, адмирал Альтфатер, Сакс и Флеровский. Троцкий пригласил Щастного в кабинет, где в присутствии собравшихся предложил ему дать объяснения по поводу его образа действий в Балтийском флоте за последнее время. Троцкий говорил в повышенном тоне. Стал возвышать тон и Щастный.

После бурного непродолжительного объяснения Троцкий объявил Щастному, что он арестован по постановлению Морской коллегии, и вызвал караул...»

Ход дальнейших событий легко проследить по тогдашним не прикрытым еще большевиками газетам «Великая Россия», «Заря России», «Возрождение», «Наш век» и другим:

«Вскоре после объявления приговора к А.М. Щастному был допущен его защитник В.А. Жданов. Они вместе составили жалобу в президиум ЦИК. В этой жалобе были указаны кассационные поводы и представлены возражения по существу дела. Из числа нарушений правил судебного процесса в жалобе были указаны следующие обстоятельства: отказ в вызове свидетелей защиты и отказ в отложении дела за неявкой свидетелей со стороны обвинения, предъявленные подсудимому следственного производства за 2 ½ часа до начала дела, отказ в выдаче копий с документов обвинительного материала и много других.

Эта жалоба была подана лично В.А. Ждановым председателю ЦИК Свердлову, при этом никаких разговоров между ним и защитником не было.

В ночь на вчера А.М. Щастный был увезен из Кремля неизвестно куда. Вчера утром председатель трибунала при ЦИК Медведев на вопрос В.А. Жданова о судьбе его подзащитного ответил, что приговор приведен в исполнение.

Во время свидания с защитником А.М. Щастный не высказывал почти никакой надежды на изменение приговора и был очень опечален судьбой своей семьи, состоящей из жены и двух детей, которые остались без всяких средств к существованию.

Жена Щастного, как оказывается, не могла проститься с мужем: она находилась в это время в Петрограде, куда уехала хлопотать о том, чтобы все свидетели были извещены о процессе и явились в суд. Но так как дело было назначено к слушанию экстренно, то она не могла своевременно вернуться в Москву.

РАССТРЕЛ

В беседе с представителем бюро журналистов председатель трибунала Медведев подтвердил факт расстрела Щастного.

По полученным нами сведениям, Щастный расстрелян в помещении Александровского военного училища. Даны были два залпа.

Приезд в Москву супруги А.М. Щастного

Сегодня в Москву приезжает из Петрограда супруга А.М. Щастного. Выезжая в Петроград, супруга А.М. Щастного надеялась вернуться в Москву до окончания разбора дела в трибунале, но не успела и узнала о состоявшемся приговоре в Петрограде.

Левые с.-р. о смертной казни

Левые с.-р. решили вести широкую агитацию среди провинциальных Советов за отмену смертной казни. Один из лидеров партии левых с.-р. на вопрос о дальнейшей тактике партии в связи с создавшимся положением сказал:

— Мы поведем самую решительную кампанию на предстоящем Съезде Советов против восстановления смертной казни, которая была отменена Вторым съездом Советов. И вместе с тем с нашей стороны последует призыв к Советам на местах,

чтобы они требовали от центральной власти исполнения вынесенного предыдущим съездом постановления об отмене смертной казни.

В СЕМЬЕ РАССТРЕЛЯННОГО (беседа с Н.Н. Щастной)

Сегодня наш сотрудник был принят Н.Н. Щастной. С покрасневшими, заплаканными глазами, с выражением муки и ужаса на побледневшем лице, она вся олицетворение горя... Говорит прерывающимся голосом и время от времени подносит к глазам платок: ее душат рыдания...

Неделю назад после свидания с арестованным мужем Н.Н. выехала в Петроград, окрыленная надеждами: она достанет документы, проливающие новый свет на все это кошмарное дело, и А.М. будет спасен... Но она опоздала... Вернее, они потопились — капитан Щастный уже расстрелян...

Выслушав мою просьбу сообщить некоторые подробности о ее так трагически погибшем муже, Нина Николаевна на мгновение задумалась. По ее лицу промелькнула какая-то тень. Она вспомнила прошлое, такое близкое и в то же время — такое далекое...

— Мой муж — уроженец Житомира Волынской губернии. Он, как теперь говорят, — украинец. Его семья исключительно военная: так, например, отец А.М., умерший два месяца назад, был генерал-лейтенантом и служил все время в Киеве... А.М. выбрал себе морскую службу и провел на флоте 20 лет: участвовал в двух войнах и, между прочим, в первой из них, т.е. Русско-японской, во время блокады Порт-Артура прорвался на своем миноносце в нейтральную гавань.

Что касается его последних дней, то я знаю, что перед своим отъездом из Петербурга он получил от матросов совет — не ездить, так как в Москве его могут арестовать.

— За что? — недоумевал А.М. и поехал навстречу грозившей смерти. Он был твердо уверен, что его не в чем обвинить, так как свою роль на флоте он рассматривал только с точки зрения моряка-специалиста. В политическую сторону Балтийского флота он не вмешивался, но в то же время можно ли теперь в русской жизни разграничить политику от неполитики? Теперь все переплетено... Он был сильно поражен, когда Троцкий отдал приказ об его аресте.

— За что, — говорил он мне, — я арестован? Если им необходимы доказательства, то я их представляю.

С этими словами он дал мне письмо на имя Зарубаева, его заместителя во флоте, с просьбой переслать в Москву на суд какие-то бумаги... Зарубаев мне обещал, но исполнил ли свое обещание — не знаю, так как теперь уже поздно...

Нина Николаевна закрыла лицо руками... Успокоившись, она продолжала:

— И теперь, насколько я знаю по газетам, не хотят даже выдать его тело... К чему этот новый ужас? Ведь если, с их точки зрения, он — контрреволюционер, то ведь он уже мертвый... Он уже не может ни агитировать, ни вредить... Я хочу теперь одного: пусть отдадут мне его тело! Пусть дадут в последний раз взглянуть на мертвого отца детям...

Галина и Лев — это их имена — говорят мне: "Мама! Когда же придет папа?" Что я могу ответить?!

У меня недостает сил сказать им, что их папу убили и что они теперь сироты. К тому же мы остались без средств, у нас ничего не имеется.

Если же я получу тело А.М., то увезу его в Житомир, где находится семейный склеп Щастных и где будет покоиться первый выборный командир Балтийского флота... За что все это? За что?

Взволнованный и потрясенный, я простился с плачущей Н.Н. Щастной!..

К-ий».

ПЕТЕРБУРГ. ОКТЯБРЬ 1993 ГОДА

После двух лет поисков дочери Щастного — Галины Алексеевны — в Таллине и Казани — вдруг, кружным путем и по стечению многих счастливых случайностей, узнаю питерский телефон и адрес сына опального героя — Льва Алексеевича, коротающего свой пенсионный век на Большой Охте. Вот и встреча назначена, и попутные «жигули» мчат по бесконечно унылому — в пустырях, новостройках, кладбищах, бетонных оградах «почтовых ящиков» — проспекту Энергетиков. Типовой блочно-панельный коммунизмоведомственный Ленинград, обложивший со всех сторон прекрасные стены Петербурга. И привычная тоска — сам в таком же райончике живу — забирается в душу, разве что развеселила на минуту вывеска промелькнувшего прикладбищенского ресторана «Тихая жизнь». С юмором ребята...

Сын Щастного жил в придорожной длинной «хрущобе», по счастью для него и для его жены, Елены Петровны, только что перенесшей ампутацию обеих ног (гангрена) — на втором этаже.

Если бы адмирал Щастный заглянул из своего посмертного высока под крышу сына — что сказал бы он, что подумал бы о нынешнем житье-бытье своих потомков? С его дореволюционными житомирско-киевскими представлениями, что есть самый скромный достаток, он бы наверняка нашел положение сына — бедняцким, а может, и нищенским. Зная бы это наперед, повел ли он свои корабли в тот отчаянный Ледовый поход?

Думаю, что повел... Уж такая это страна Россия, где за любовь к Отечеству клеймят в газетах, как за постыдное извращение, где стреляют ее заступников из чекистских наганов и танковых пушек — в тайных подвалах и средь бела дня на честном миру. А доброхоты-донкихоты все не переводятся, и ведут они свои корабли сквозь безнадежные льды, льды, льды...

И была встреча — радостная, сумбурная и горестная, когда под прессом отпущенного делами и вокзальным расписанием часа мешалось все: светлые воспоминания детства и обида за отца, сыновья гордость и сиротская горечь, смущение за убогий пенсионерский быт и досада на новую помеху жизни — инвалидную коляску, слишком громоздкую для тесной комнатки, наконец, самое главное — стремление вместить в эти шестьдесят суматошных минут семьдесят лет, прожитых столь непросто, опасно и трудно. Увы, кончились те времена, когда в Питер можно было приезжать, чтобы не спеша обойти всех друзей и толковать, не глядя на часы... Из-за этих-то безжалостных часов разговор пошел так: вопрос — ответ, вопрос...

— Лев Алексеевич, вы хоть как-то отца помните?

Лев Алексеевич поплотнее прижал к уху слуховой аппарат. Расслышал. Горько усмехнулся:

— Когда отца расстреляли, мне было три года... Но в памяти осталось одно-единственное впечатление. Я реву, мама пытается меня успокоить. Тщетно. Тогда человек в чем-то черном с золотом снимает с полки модель парусника и ставит передо мной. Я сразу же перестаю плакать. Вот, собственно, и все воспоминания. Маму помню лучше. Беленькая такая... Она ведь не пережила гибели мужа и умерла в двадцать втором. Похоронили ее в склепике в Александро-Невской лавре. Нет, не сохранился. Сровняли с землей... Она ведь смолянка была — Нина Николаевна Приемская. Кончила институт в четырнадцатом и сразу же стала Щастной. Всего-то четыре года и прожили. Нас же с Галей взяла к себе мамина сестра — Анна Николаевна. Тетя Аня и заменила нам всех родных, которых после взрыва заметно поубавилось.

— Какого взрыва?

— Расправа над отцом высшими лицами государства была для нас взрывом, который перекорезил все наши судьбы... Я окончил ФЗУ и стал фрезеровщиком. Однако ни на один

ленинградский завод меня не брали. Фамилия Щастный была слишком памятна заводским кадровикам. К тому же в анкете мне приходилось писать — внук генерала, сын адмирала... Но фамилию менять не хотел, так как считал отца героем и верил, что справедливость восторжествует. После четвертой или пятой попытки поступить на работу кадровик «Арсенала», бывший матрос, сжалился надо мной и сказал: «Да пиши, что из рабочих». С его легкой руки я и определился в жизни.

Эту неверную запись в анкете бывший дворянин Лев Щастный подтвердил всей жизнью, большая часть которой прошла у станка. И женился на пролетарке — дочери нижегородского машиниста. И воевал рядовым стрелком, защищая родной город. И только в конце сороковых в силу природной одаренности сумел окончить конструкторские курсы и стать инженером — это без высшего-то образования! — в одном из оборонных НИИ, проектировавшем танки.

Одна беда — детей нет. Ни у него, ни у сестры Галины. Правда, та взяла приемного сына и вырастила его. Но все же пресекся род Щастных. И есть тут одно обстоятельство весьма мистического свойства. Дело в том, что по материнской линии Алексея Михайловича из поколения в поколение передавался некий заговоренный от бесплодия браслет. Адмирал верил в его магические свойства и потому за несколько часов до расстрела, составляя завещание, посвятил этому браслету целый пункт: «Браслет носить моей жене, затем дочери, когда женится мой сын Лев, то браслет передать его жене, согласно завещанию моего деда — Константина Николаевича Дубленко. Браслет хранится в футляре...»

Увы, браслет таинственно исчез, и род хранителей его пресекся. Старинной русской тоской из ямщицкой песни веет от этих строк: «...а жене скажи, что в степи замерз... Передай кольцо обручальное...»

А завещание Алексея Михайловича Щастного я держал в руках. Трудно представить себе, что эти ровные каллиграфи-

ческие строки человек выводил перед лицом смерти. Надо было иметь мужество, чтобы, расставаясь с жизнью в 37, подумать о будущем каждого из своих многочисленных родственников:

«...Матери моей Александре Константиновне — 8 тысяч рублей. Брату моему Александру — ...брату Георгию — ...сестре Екатерине Михайловне — ...».

Родовую усадьбу — дедовский дом в Житомире (Театральная ул., 16) — завещал сыну Льву. Черта с два он ее получил, как не получила и вдова расстрелянного никакой пенсии, о которой писал Щастный в завещании, воистину не ведая, с кем имеет дело... «Жене моей я полагаю оставить свою пенсию, которая, я надеюсь, будет ей назначена».

Вспомнил и адвоката Жданова, но не в завещании, а в отдельном письме: «Дорогой Владимир Анатольевич, сегодня на суде я был до глубины души тронут Вашим... настойчивым желанием спасти мне жизнь... Пусть моя искренняя предсмертная благодарность будет Вам некоторым утешением».

Читаешь эти строки и видишь командира, уходящего в пучину вместе с гибнущим кораблем. Спокойно и четко отдает он свои последние распоряжения... Так уходили из жизни командиры цусимских и порт-артурских броненосцев...

Завещание помечено: «22 июня. 1918 год.

Москва — Кремль. 3 часа ночи».

А в шесть его расстреляли.

Расстреливать Щастного решили в самом надежном, с точки зрения Троцкого, месте — в Реввоенсовете, размещавшемся на Знаменке близ Арбата в здании бывшего Александровского училища. Расстреливали китайцы, не знавшие русского языка и потому очень удобные для сохранения тайны казни. Китайцы сделали свое дело молча. Но... проговорился их командир Андреевский, и мир узнал все подробности подлого дела.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА. «Вижу — стоит одинокая фигура, — писал командир расстрельной команды в своих воспомина-

ниях. — В штатском, на голове белеет фуражка. Лицо симпатичное, взволнованное. Смотрит в глаза. Понравился он мне. Я говорю:

— Адмирал! У меня маузер. Видите — инструмент надежный. Хотите, я застрелю вас сам?

Видимо, от слов моих ему стало жарко. Снял фуражку, отер платком лоб. Молчит и только мнет свою белую фуражку...

— Нет! Ваша рука может дрогнуть, и вы только раните меня. Лучше пусть расстреливают китайцы. А так как тут темно, я буду держать фуражку у сердца, чтобы целились в нее.

Китайцы зарядили ружья. Подошли поближе. Щастный прижал фуражку к сердцу. Видна была только его тень да белое пятно фуражки... Грянул залп. Щастный, как птица, взмахнул руками, фуражка отлетела, и он тяжело рухнул на землю. Китайцы всунули его в мешок... Послал помощника в Кремль, доложить. Привозит ответ: "Зарыть в училище, но так, чтобы невозможно было найти"

Начали искать место. Пока искали, послышался шум автомобиля, и во двор, с потушенными фарами, въехал лимузин. Прибыло "само" начальство. (Уж не Троцкий ли? — Н.Ч.) Стали искать общими усилиями. Нужно было спешить — начинало светать...

Вошли внутрь — училище пустое. В одной из комнат, где стоял один-единственный стол, остановились и решили закопать здесь, если под полом нет подвала. Оказалось, что нет. Раздобыли плотничьи инструменты, вскрыли паркет. Вырыли яму, опустили мешок, зарыли, заделали паркет. Так и лежит он там, под полом...»

Только одно и скажешь — уголовщина. Махровая политическая уголовщина...

Троцкий преподавал молодому Сталину — тогда еще уполномоченному ВЦИК по вывозу хлеба с Северного Кавказа — предметный урок: как надо расправляться с личными противниками.

«Процесс» Щастного — это пролог тех судилищ, которые прокатятся по стране в двадцатые — тридцатые годы в буйном цвете революционно-трибунальной казуистики. В одном из них сгинет и главный обвинитель балтийского флагмана — Крыленко.

Отблеск печальной судьбы Щастного падет и на главного свидетеля (читай — инквизитора) Троцкого. Падет в тот день, когда на череп витии мировой революции обрушится ледоруб убийцы.

Адмирал рубил лед форштевнями своих кораблей...

* * *

Вместе с завещательным документом, не документом — припечатанным к бумаге криком души тридцатисемилетнего человека, выталкиваемого из жизни, насильно рвущего кровные нити с молодой женой и малыми детьми, — вместе с этим нежелтеющим листком добротной, надо полагать, из старых кремлевских запасов, «слоновой» бумаги, Лев Алексеевич Щастный хранит и детское письмецо отца, киевского пригостишки:

«1895 год. 25 ноября.

Дорогая мама, целую тебя крепко!

Мы все живы и здоровы, чего и вам желаем от Бога. Милая моя мама, поцелуй от меня бабушку и пожелай ей всего хорошего. Целую тебя крепко и Сашу. Дома все хорошо и благополучно. Александр Иванович был у нас вчера утром. Анна кланяется тебе. Дорогой папа, кланяюсь тебе и желаю тебе всего хорошего. Приезжай скорее. Мы скучаем за тобой.

Остаюсь твой сын Алексей Щастный».

Случай или нечто большее сохранили для Льва Алексеевича эти два рукописных следа отца в сей юдоли: первые гимназические каракули и последние предсмертные строки. Он бережно упрятал их вместе с тремя уцелевшими фотографиями в потер-

тую папочку, и я с ужасом понял, что это незамысловатое картонное изделие для него нечто вроде символического гроба отца, чей прах покоится невесть где, эдакая карточка — заместитель изъятого из жизни человека.

О, несобранное братство сынов и дочерей, чьи отцы были закланы во имя лучезарной утопии, — Лев Щастный, Иван Ризнич, Галина Гернет, Борис Черкасский, Ростислав Колчак, Ирина Новопашенная — несть числа вам в блаженном сиротстве вашем.

А что же Троцкий? Летом 1918 года «Еврейская газета», выходившая в Петрограде, опубликовала заметку о том, что отец предреволюционного Давид Бронштейн проклял сына Лейбу в синагоге и отрекся от него за послушание и безбожие.

* * *

Арест Щастного и скоропалительная расправа над ним под прикрытием судебного фарса потрясли Россию, которая хоть и называлась советской, но еще хорошо помнила процедуру суда присяжных. Имя несчастного адмирала мелькало в газетных шапках. Обозреватели оппозиционных изданий поражались вздорности обвинений — все они тянули на дисциплинарное, на административное наказание, но никак не на расстрел. Современники Щастного и нынешние историки недоумевали и недоумевают, почему столь беспощадно был уничтожен моряк, спасший для страны целый флот. В любом другом государстве имя его было бы увековечено на бортах кораблей... И все-таки — почему?

Еженедельник «Совершенно секретно» выдвинул версию: у Щастного при аресте обнаружили в портфеле фотокопии документов, изобличающих Ленина и Троцкого в связях с германским Генеральным штабом. Этими документами Щастного снабдили англичане еще в Гельсингфорсе, дабы подорвать его доверие к правительству большевиков.

Сомнительно, что это были копии подлинников. Германия еще не была разгромлена, а немецкие генштабисты умели хранить секретные бумаги. Но даже если это и были копии достоверных документов, то в случае публикации их в газетах ничего не стоило объявить, что желтая пресса-де не брезгует никакими фальшивками, что все это провокация контрреволюционеров и т.п.

Разгадка гибели Щастного в другом, и ее подсказала одна из газет, опубликовавшая в подбор к сообщению об аресте Щастного заметку о том, что в тот же самый день из Москвы выехал в Новороссийск член Морской коллегии И.И. Вахрамеев с особо секретным пакетом, врученным ему лично Троцким. Там, на Юге, решалась судьба второго мощного флота России — Черноморского, и командовавший им адмирал Саблин так же, как и его коллега на Балтике, весьма скептически относился к большевистскому наварху. И чтобы приструнить строптивых военспецов, Троцкому нужна была показательная казнь. Щастному-то и выпала роль жертвенного тельца. Саблин не захотел разделить его участь и, получив зловещий вызов в Москву, отправился в белый Крым. Боевое же ядро Черноморского флота спасет от потопления — как Щастный спас балтийские корабли — капитан 1-го ранга Тихменев, за что и проклинали его большевистские историки все семьдесят три года партийной диктатуры. Они вычеркивали имя Щастного из всех энциклопедий, справочников, учебников...

Все-таки странное, мягко говоря, отношение к флоту у первого советского военного наркома — взрывать его, топить, а тех, кто противится «мудрым» приказам, — под расстрел. Впрочем, вполне объяснимое отношение: флот чужой, царский, его не жалко, не большевиками строен, не ими выпестован: надо будет — свой построим, Россия богатая, и руды для корабельной стали хватит, и командиров из своих напасемся. А пока слишком много хлопот с моряками:

сегодня они «краса и гордость революции», а завтра, того и гляди, повернут стволы линкоров против «освободителей России и всего угнетенного человечества». И ведь как в воду смотрел товарищ Троцкий. Сначала черноморские дредноуты развернули орудийные башни против большевиков — в двадцатом, а спустя год и балтийские в Кронштадте ощерились — «Петропавловск» с «Севастополем». Те самые, что привел из Гельсингфорса Щастный, те самые, что обороняли потом Ленинград в Великую Отечественную...

«ОСКОЛОК ИМПЕРИИ»

(Рассказ)

Примбуль... Если у души есть границы, а у городов есть души, то Приморский бульвар, Примбуль, — нежная каемка души Севастополя.

Спросите у матроса, вылезшего из жарких недр котельного отделения крейсера, или у лейтенанта, покинувшего броневую башню главного калибра, или у подводника, выбравшегося из стального колодца рубочных люков, как они представляют себе райскую жизнь, и они нарисуют примерно одну и ту же картину: рай — это когда ты переоденешься из пропотевшей робы в белую форменку, а потом высадишься на Минной стенке, идешь на Приморский бульвар, ныряешь с девушкой под сень акаций и теплых сумерек и не спеша шагаешь с ней вдоль узорчатых парапетов...

Приморский бульвар есть, наверное, в каждом морском городе. Но Примбуль — это только в Севастополе. Так же, как Артбухта, как Малахов курган... И уж никак я не думал, что доведется пройти по Примбулю и увидеть Малахов курган в далекой африканской Бизерте.

* * *

В сентябре 1976 года плавбаза «Федор Видяев» в сопровождении сторожевика и подводной лодки, на которой я служил, входила на рейд Бизерты с визитом дружбы. В знак уважения

к советскому флагу нас поставили не в аванпорте, а в военной гавани Сиди-Абдаллах — в той самой, как выяснилось, что стала последним причалом для черноморских кораблей, уведенных Врангелем из Севастополя. Здесь же, кстати, укрывались и испанская эскадра, угнанная мятежниками из республиканской Картахены в 1939 году, и остатки французского флота после падения Парижа в сороковом...

Бизерта, Бизерта, пристанище беглых флотов...

Я оглядываюсь по сторонам — не увижу ли где призатопленный корпус русского эсминца, не мелькнет ли где ржавая мачта корабля-земляка... Но гладь бизертского озера была пустынна.

Утром объявили сход на берег. Видавший виды плавбазовский баркас, тарахтя мотором, шел вдоль озерного берега, держа курс на бизертские минареты.

Желтая всхолмленная земля с клочковатой зеленью. Под редкими пальмами паслись верблюды. Так странно было их видеть поверх белых матросских бескозырок. А впереди наплывала Бизерта — кроны пальм и купола мечетей, белые купола и зеленые кроны. Африканское солнце жгло нещадно, и купола, казалось, вспухали, как водыри, на обожженных плоских крышах белого города.

Мне не терпелось попасть в медину — старую арабскую часть города, и я всячески торопил своих спутников — командира плавбазы сорокалетнего крепыша с флибустьерскими бакенбардами Разбаша, на кремовой рубашке которого блестело золото кавторанговских погон, и старпома с нашей подводной лодки — капитан-лейтенанта Симбирцева. Я не зря отрывал их от пивных столиков и сувенирных прилавков. В Медине мы с головой окунулись в «добрый старый Восток». Все было так, как грезилось когда-то в школярских мечтах, как виделось лишь на телеэкране да на снимках путешествующих счастливицев.

Велик базар... Плывут малиновые фески, чалмы, бурнусы... Велик торговый карнавал! Пестрые попоны мулов, яркая эмаль мопедов, сияющая медь кувшинов на смуглых плечах водоносов, пунцовые связки перца, разноцветная рябь фиников, миндаля, маслин, бобов...

Что ни тротуар — прилавок, что ни стена — витрина.

На приступках, в нишах, подворотнях, подвальчиках кипела своя жизнь: под ногами у прохожих старик-бербер невозмутимо раздувал угли жаровни с медными кофейниками. Его сосед, примостившийся рядом, — седобородый, темноликий, по виду не то Омар Хайям, не то старик Хоттабыч, равнодушно пластал немецким кортиком припудренный рахат-лукум. Разбаш тут же прицелился к кортику, но старец не удостоил его ответом. Он продавал сладости, а не оружие.

Звуки Медины... Уханье барабана и нытье флейты бродячего оркестра тонули в эстрадных ревах японских транзисторов, гортанная перебранка торговцев, одобренная звоном монет и караванных колокольчиков, мешалась с воплями ослов...

Запахи Медины... Из каждой лавки, кухни или мастерской в улицу вливаются свои запахи, и слабый ветер гонит их вниз — к Старому порту, где все они сливаются в густое облако из ароматов ванили и бензина, смолы и кож, лимонов и табака, парижских духов и верблюжьего навоза.

У ворот старой испанской крепости к нам подбежала девушка, вида европейского, но с сильным туземным загаром. Безошибочно определив в Разбаше старшего, она принялась его о чем-то упрашивать, обращаясь за поддержкой то ко мне, то к Симбирцеву. Из потока французских слов, обрушенных на нас, мы поняли, что она внучка кого-то из здешних русских, что ее дед — бывший моряк, тяжело болен и очень хотел бы поговорить с соотечественниками; дом рядом — в двух шагах от крепости.

Мы переглянулись.

— Может, провокация? — предположил Симбирцев.

— Напужал ежа! — воинственно распушил бакенбарды командир плавбазы. — Нас трое, и мы в тельняшках... Посмотрим на осколок империи.

Мы пошли вслед за девушкой, которую, как быстро выяснил Разбаш, звали Таня и которую всю недолгую дорогу он корил за то, что не удосужилась выучить родной язык. Девушка привела нас к старинному туземному дому, такому же кубическому и белому, как и теснившие его соседи-крепыши с чугунными балкончиками и фонарями, вроде тех, что горели на парижских улицах во времена Золя и Мопассана.

Мы вошли в белые низкие комнаты уверенно и чуть-чуть бесцеремонно, как входят в дом, зная, что своим посещением делают хозяину честь и одолжение.

«Осколок империи» лежал на тахте под траченным молью пледом. Голова, прикрытая мертвыми серебристыми волосами, повернулась с подушки к нам, и старик отчаянно задвигал локтями, пытаясь сесть. Подобрал плед, оглядел нас недоверчиво, растерянно и радостно:

— Вот уж не ожидал!.. Рассаживайтесь! Простите, не знаю, как вас титуловать...

Мы назвались. Представился и хозяин:

— Бывший лейтенант российского императорского флота Еникеев Сергей Николаевич.

Это молодое блестящее звание — «лейтенант» — никак не вязалось с дряхлым старцем в пижаме. Правда, в распахе домашней куртки виднелась тельняшка с широкими нерусскими полосами. В вырез ее сбегала с шеи цепочка натального крестика.

На вид Еникееву было далеко за восемьдесят, старила его неестественная белизна лица, столь заметная оттого, что шея и руки бывшего лейтенанта были покрыты густым туземным загаром.

Он рассматривал наши лица, наши погоны, фуражки, устроенные на коленях, с тем же ошеломлением, с каким бы

мы разглядывали инопланетян, явись они вдруг перед нами. Он очень боялся — и это было видно, — что мы посидим-посидим, встанем и уйдем. Он не знал, как нас удержать, и смутенно предлагал чай, фанту, буху, кофе... Мы выбрали кофе.

— Таня! — почти закричал он. — Труа кафе тюрк!.. Извините, внучка не говорит по-русски, живет не со мной... Вы из Севастополя?

— Да, — ответил за всех Разбаш, который и в самом деле жил в Севастополе.

— Я ведь тоже коренной севастополец! — обрадовался Еникеев. — Родился на Корабельной стороне, в Аполлоновой балке. Отец снимал там домик у отставного боцмана, а потом мы перебрались в центр... Может быть, знаете, в конце Большой Морской стоял знаменитый «дом Гущина»? Там в Крымскую кампанию был госпиталь для безнадежно раненных... Вот в этом печальном доме я прожил до самой «врангелиады».

Таня принесла кофе и блюдо с финиками. Пока разбирали чашечки, я огляделся. Убранство комнаты выдавало достаток весьма средний: старинное, некогда дорогое кресло-«кабриолет», расшатанный кофейный столик, облезлый шкафик-картоньер для рукописей и бумаг... Из морских вещей здесь были только бронзовые корабельные часы фирмы «Мозер», висевшие на белой стене между иконкой Николая Чудотворца и журнальным фото Юрия Гагарина в белой тужурке, украшенной шейными лентами экзотических орденов. Поверх картоньера лежала аккуратная подшивка газеты «Голос Родины», издававшейся в Москве для соотечественников за рубежом.

— Я подписался на эту газету, — перехватил мой взгляд Еникеев, — когда узнал, что ваше правительство поставило в Порт-Саиде памятник броненосцу «Пересвет». Слыхали о таком?

— Тот, что взорвался в Средиземном море?

— Точно так. В шестнадцатом году на выходе из Суэцкого канала... Я был младшим трюмным механиком на «Пересвете»

и прошел на нём — извините за каламбур — полсвета: от Владивостока до Суэца. Это был старый броненосец, хлебнувший лиха еще в Порт-Артуре. Японцы его потопили в 1904-м, подняли, нарекли «Сагами», а спустя лет десять продали России. В кают-компании его называли «ладьей Харона»: мол, «ладья» эта уже переправила на тот свет несколько сотен людей, теперь вторым рейсом доставит туда еще семьсот семьдесят... Но все равно я любил этот бронтозавр, ведь это был мой первый боевой корабль, на нем я принял морское крещение, и — не улыбайтесь — сына-первенца я назвал Пересветом...

...Простите меня, старика, заболтался... Никак не могу перейти к главному. С чего, бишь, я начал? С памятника «Пересвету»... Из глубокого тыла мы шли на войну, и я мечтал о честном корабельном сражении вроде Ютландского боя. Но морская война для меня началась и кончилась в одну ночь. Ночь, скажу я вам, ужасную.

Мы вышли из Порт-Саида на Мальту за три дня до Рождества. Нас конвоировали англичане и французы, они же протралили нам и фэрватер, так что шли мы без особой опаски.

Я сменился с вахты и мылся в кормовом офицерском душе под броневою палубой. Вдруг корабль трянуло, погас свет и из лейки пошел крутой кипяток... Я выскочил в коридор весь в мыле... На меня насакивали кочегары, матросы, лезли к трапам, ведущим наверх, застревали в люках... Палуба крепилась, все круче и круче, и я понял, что выбраться из низов не успею... Страх он разный бывает — и гибельный, и спасительный. Меня как пружиной толкнуло: ворвался в каюту, чья, не знаю, отдраил иллюминатор и — спасибо, мыло на мне, смыть не успел, а то б не пролез — проскочил, сдирая кожу с плеч. Вода декабрьская, ледяная, а на мне ничего. Да в ту минуту я радовался, что налегке плыву, побыстрее да подальше от смертной воронки. Из восьмисот душ «ладья Харона» унесла с собой двести полста.

Плакат времен обороны
Крыма в 1920 г.

Наша
мегаяхта
«Одиссей»
в Венеции

Эвакуация Белой армии из Крыма.
Погрузка в порту Ялты. 1920 г.

Ростислав Всеволодович Дон:
возвращение через 90 лет

*Вице-президент фонда Всехвального
апостола Андрея Первозванного
Михаил Якушев (слева)
с мэром Бизерты*

*Сергей Власов, командор
ордена Константина
Великого*

*На могиле Анастасии
Ширинской не гаснут свечи*

*Венок морякам Русской эскадры
от российского флота*

*Русская эскадра. Моряки с линкора «Генерал Алексеев».
Бизерта, лето 1921 г.*

*Историк российского
военно-морского
флота Владимир
Лобцов*

*Двери дома Анастасии Александровны
Ширинской (в центре) открыты были для
всех. Марина и Николай Черкашины в гостях у
«мадам Русская эскадра». Бизерта, июнь 1999 г.*

Офицеры Русской эскадры. В центре нижнего ряда ряда — герой-подводник капитан 1-го ранга М. Кितिцын. Бизерта, 1921 г.

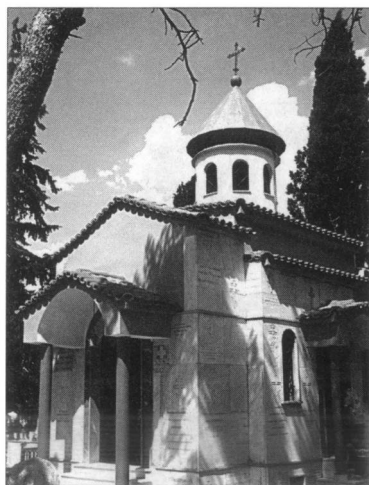
Панихида по русским воинам, упокоенным на мальтийской земле. Литию совершает епископ Женевский и Западно-Европейский Михаил. Кладбище Та Браксия в Пянтте

Вице-адмирал М. Кедров в Бизерте

*Панихида по нашим соотечественникам,
упокоенным на кладбище Пирея. Служит владыка Михаил.
Крайний справа князь А. Трубецкой*

*Русская часовня на пирейском
кладбище, сложенная из
надгробных плит снесенных
могил. Такого в мире больше нет*

*Глава Союза русских эмигрантов
в Греции им. кн. С.И. Демидовой
Ирина Жалнина-Василькиоти*

*Глава попечительского совета
фонда Всехвального апостола
Андрея Первозванного
Владимир Якунин на Лемносе*

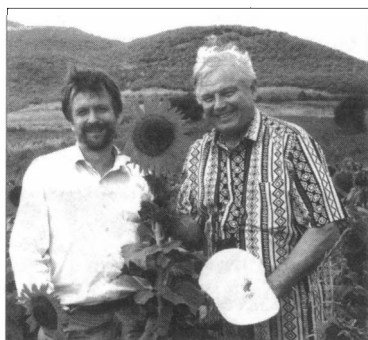
*В почетном карауле на казачьем
кладбище Калоераки. Справа —
казачий полковник Валерий Латынин,
рядом — подполковник Сергей
Нелюбов*

Казачи на Лемносе. 3-й Кубанский полк. 1920 г.

Парад 1-го армейского корпуса в Галлиполи. 1922 г.

*На галлиполийской земле, там,
где стояли русские полки, —
народный художник России
Дмитрий Белюкин (слева)
и историк Виктор Петряков*

*Генерал Александр
Павлович Кутепов*

Непокоренные. Галлиполи, 1923 г.

*У галлиполийского кургана
Памяти — почетный караул от
офицерского собрания морской
экспедиции*

Председатель сева­сто­поль­ско­го мор­ско­го со­бра­ния Вла­ди­мир Сте­фанов­ский. В ру­ках — ме­тал­личес­кая стро­ка со сло­ва­ми «...на ко­раб­лях рос­сий­ско­го Чер­но­мор­ско­го фло­та...». По тре­бо­ва­нию киев­ских цен­зоров ее при­шлось вы­ре­зать из ме­мо­ри­аль­ной до­ски на Граф­ской при­ста­ни. Се­го­дня это экс­по­нат на­шей но­вей­шей ис­то­рии

Я с двумя макушками родился — счастливый. Подобрал меня вельбот с английского эсминца. Дали глотнуть коньяку, закутали в брезент... Лежал я на носу и рыдал под брезентом, благо британцы не видели. Рыдал от обиды, от позора, от бессилия. Судите сами: столько лет готовиться к морским баталиям, проделать такой путь — с края на край земли, и вместо геройского боя такая бесславная история.

Потом выяснилось: подорвались мы на mine, выставленной германской подводной лодкой U-73. Всех спасенных разместили в палаточном лагере близ Порт-Саида, а раненых и обожженных — в госпиталях. Конечно, мы все рвались домой, в Россию, но начальство распорядилось иначе: часть «пересветовцев» отправили во Францию на новые тральщики, часть в Америку — пополнять экипажи кораблей, построенных по русским заказам. А мне выпало и вовсе чудное назначение. Дали мне под начало дюжину матросов и отправили в Грецию обслуживать катер русского военно-морского агента в Пирее, по-нынешнему — морского атташе... Весной семнадцатого я женился на гречанке — дочери пирейского таможенника. Кассиопея, Касси родила мне сына. Я рассчитывал увезти их в Севастополь, как только оттуда уберутся немцы. Но все получилось не так... В июне восемнадцатого, узнав из греческих газет о затоплении русских кораблей в Цемесской бухте, я счел большевиков предателями России, оставил семью и отправился в Севастополь бороться с немцами и большевиками.

С немцами мне бороться не пришлось, в ноябре восемнадцатого они убрались сами; с большевиками тоже не воевал. Меня определили инженер-механиком на подводную лодку «Тюлень». В войну с турками слава об этой субмарине гремела по всему флоту. Она приводила в Севастополь турецкие шхуны одну за другой, топила транспорты, крейсировала у Босфора...

На «Тюлене» я приплыл в Бизерту. Здесь я, уже лейтенант, сошелся очень близко с кавторангом Владимиром Петровичем

Шмидтом, братом того самого Шмидта, что был расстрелян на острове Березань. На многие вещи мы смотрели одними глазами. Правда, в Бизерте он снял погоны, принял духовный сан и стал священником. Говорят, до недавних лет Шмидт служил настоятелем в небольшом православном храме в Нью-Йорке близ здания ООН.

Да... Здесь, в Бизерте, как на большом перекрестке, пути расходились у многих: кто уехал в Марокко, кто в Сербию, кто во Францию. А по Севастополю тосковали! И как тосковали.

Вы шли сюда по бульвару Хабиба? Нет, вы шли по Примбулю — Приморскому бульвару. Гавань Вье-Пор мы переименовали в Артбухту. А городской холм Джебель-Ашшаль называли между собой Малаховым курганом.

Еникеев на минуту замолк, задумался, глядя сквозь нас, потом снова повел свой грустный рассказ:

— Конечно, я мог бы вернуться на родину, как вернулся генерал Слащов со своими казаками. На мне не было крови... Заурядный корабельный механик. Кто стал бы меня преследовать? Но жизнь моя уже установилась здесь. Приехала из Пирея Касси с Пересветом, вскоре родилась дочь, Ксения. По-гречески — «странница».

Я преподавал теоретическую механику в гардемаринских ротах Морского корпуса. Все было хорошо, пока корпус не распустили. Вот тут начались черные дни. Безработица. Вы себе и представить такого не можете — безработица двадцать девятого года... У меня был прекрасный спиннинг — подарок одного английского лейтенанта в Порт-Саиде. Вот этим спиннингом целый год кормился! Что выловлю — все на стол. Случалось, кое-что Касси и на рыбный рынок относила. Вскоре мне повезло — взяли сторожем в Пиротехническую гавань. Потом устроился рабочим в аккумуляторную мастерскую. И, наконец, в тридцать третьем выбился в начальники электротехнической службы торгового порта.

Как только началась вторая война с бошами, я вступил добровольцем во французский флот. Однако плавать мне не пришлось. В чине капитан-лейтенанта меня назначили старшим механиком здешней базы по ремонту подводных лодок. Через год я отравился хлором в аккумуляторной яме «Нотилюса», и меня списали вчистую. Лицо, как видите, бело до сих пор. Хлор — прекрасный отбеливатель.

Когда я узнал о гибели сына Пересвета — волосы тоже стали белыми. Так что перед вами натуральный белый гвардеец. Н-да... Лейтенант французского флота Пересвет Еникеев погиб девятнадцатого декабря сорокового года на подводной лодке «Сфакс» где-то под Касабланкой. Координаты места гибели неизвестны. Потопили их боши. Я узнал номер той субмарины, U-37, — Еникеев пригубил кофе. — Немцы пришли в Бизерту в ноябре сорок второго года. В порту я не появлялся, хотя меня могли обвинить в саботаже и расстрелять. И когда в марте сорок третьего ко мне вломились ночью жандармы, я так и понял — повезут на расстрел. Простился с Касси и Ксюшей... Привезли меня в порт, где стояла немецкая подводная лодка. Теперь мне известен ее номер — U-602, как известно и то, что лодку сына потопила U-37. Но тогда я решил — вот она, убийца моего Пересвета. Новенькая, спущенная со стапелей чуть больше года, с броневого палубой из стали «Вотан», она несла четыре торпедных аппарата в носу и один в корме. Зубастая была акула.

Командир субмарины на скверном французском сообщил мне, что в электродвигатели попала морская вода и требуется срочная переборка механизмов. И если я не справлюсь с работой за сутки, то он лично расстреляет меня прямо на причале.

Делать нечего. Взялся за работу. Помогали мне немецкие электрики и лодочный же механик, рыжий обер-лейтенант, переученный из танкиста на подводника. Дело свое он знал из

рук вон плохо, за что и поплатился... Устроил я им межвитковое замыкание якорей обоих электромоторов. Причем сделал это так, чтобы замыкание произошло лишь при полной нагрузке. Полный же подводный ход, как вы и сами знаете, лодка развивает лишь в крайне опасных ситуациях.

23 апреля сорок третьего года У-602 погибла «при неизвестных обстоятельствах» у берегов Алжира. Уверен, у них сгорели под водой оба электромотора. На лодке было сорок четыре человека команды и пес по кличке Бубби. Впрочем, он откликался и на Бобика. Вот этого пса мне жаль до сих пор. У-602 — это мой личный взнос на алтарь общей победы.

Мы сидели перед ним, трое невольных судей чужой жизни.

— Теперь, когда вы знаете мою историю, — вздохнул Еникеев, — я хочу попросить вас об одном одолжении.

Он дотянулся до картоньера, выдвинул ящичек и достал из него старый морской кортик. Ласково огладил эфес и ножны, тихо звякнули бронзовые кольца и пряжки с львиными мордами.

— Когда вернетесь в Севастополь, — Еникеев не сводил глаз с булатного клинка, — бросьте мой кортик в море возле памятника затопленным кораблям.

Он решительно протянул Разбашу кортик — рукояткой вперед.

— Беру с вас слово офицера.

Еникеев еще раз заглянул в ящичек.

— А это вам всем от меня на память. Берите! Здесь это все равно пропадет... В лучшем случае попадет в лавку старьевщика.

Симбирцеву он вручил личную печатку, мне — корабельный перстенок в виде серебряной якорь-цепи, Разбашу — нагрудный знак офицера-подводника старого флота.

В один из воскресных дней мы все той же бизертской тройкой спустились с Приморского бульвара на мысок, против которого высится над водой свеча коринфской колонны. Разбаш достал из свертка кортик лейтенанта Еникеева, повертел в руках и сокрушенно вздохнул:

— Как-то жалко в море бросать... Может, в музей сдадим?

— А слово офицера? — напомнил Симбирцев.

Разбаш размахнулся и с силой метнул кортик туда, где в беспокойной синеве зыбко отражался бронзовый орел на вершине памятника затопленным кораблям.

ИЗ «РУССКОГО КАРФАГЕНА» С ЛЮБОВЬЮ

Несколько лет в теле Туниса жил осколок русского государства в виде эскадры черноморских кораблей, ушедших из Севастополя в конце 1920 года. Писатель Сент-Экзюпери назвал колонию наших соотечественников в Бизерте (именно там обосновались на долгие годы корабли — изгои и моряки с семьями) «русским Карфагеном». Сегодня от «русского Карфагена» остался один человек — дочь командира эсминца «Жаркий» Анастасия Александровна Ширинская-Манштейн...

«Мадам Русская эскадры». Это не титул конкурса красоты. Это пожизненная должность Анастасии Александровны Ширинской, чей дом в тунисском порту Бизерта знает сегодня едва ли не каждый прохожий.

* * *

Жила-была девочка. Звали ее Настя. Папа у нее был капитаном, точнее, командиром корабля на Балтийском флоте. Девочка видела его редко, поскольку жила у бабушки под Лисичанском в небольшом усадебном доме с белыми колоннами. Там было все, чем счастливо детство: бабушка, мама, подруги, лес, река... На этом сказку оборвала революция, октябрьский переворот и Гражданская война. Потом был бег на юг, в Крым, в Севастополь, где к тому времени отец — старший лейтенант Александр Сергеевич Манштейн — командовал эминцем «Жаркий». На нем в ноябре 1920 года он и вывез свою семью вместе с другими

беженцами в Константинополь. А оттуда 8-летняя Настя вместе с сестрами и мамой переправилась на переполненном пароходе «Князь Константин» через Средиземное море в Бизерту. Отец же, как полагали поначалу, сгинул со своим эсминцем в штормовом море. По счастью, «Жаркий», изрядно потрепанный, все же пришел в Бизерту после Рождества.

На несколько лет их домом стал старый крейсер «Георгий Победоносец». До сих пор в детской памяти младшей сестры Анастасии Александровны — Анны — «родной дом» рисуется, как бесконечный ряд дверей в корабельном коридоре. Насте повезло: для нее «родной дом» — это белые колонны среди таких же белых берез... В тоске по тому, навсегда оставленному дому, она приходила на мыс Блан Кап, Белый мыс, который, как ей рассказали взрослые, — самая северная оконечность Африки и потому оттуда до России ближе всего, и кричала в морскую даль: «Я люблю тебя, Россия!» И самое удивительное, что соотечественники ее слышали! Но об этом чуть позже...

АЙСБЕРГ В ПУСТЫНЕ. Ноябрь 1920-го... Севастополь прощально белел сквозь клубы бурого дыма, валившего из труб кораблей и транспортов. Некогда боевым курсом — на Константинополь! — а теперь ретиradным путем уходили дредноут «Генерал Алексеев», крейсер «Генерал Корнилов», эскадренные миноносцы «Дерзкий» и «Пылкий», «Жаркий» и «Зоркий», канонерские и подводные лодки, уходили ледоколы, плавмастерские, транспорта, буксиры... Уходили навсегда.

Это надо понять: из Севастополя ушел флот. Душа покинула тело. Черноморский флот ушел в страну, против которой создавался и против которой воевал без малого два века. Ушел не в полон — в укрытие, в изгнание. На чужбину.

Такого еще не бывало. Да, Севастополь остался однажды без флота. Но тогда — в первую оборону — корабли ушли на дно родной бухты, а не в чужие порты...

В том проклятом 18-м Черноморский флот впервые подвергли разделу: его, как и всю страну, разделили на красных и белых. Красная часть самозатопилась в Цемесской бухте, а белая — покинула воды Черного моря, ушла в Стамбул, а затем в Бизерту, где почил медленной смертью. То была трагедия не только Севастополя, но и всей России.

Моряки, казаки, остатки русской армии не сбежали из Крыма в ноябре 20-го, а отступили, ушли, как говорили их деды, в ретираду, с походным штабом, со знаменами и оружием. Французы, вчерашние союзники по германской войне, дали черноморцам приют в своей колониальной базе — Бизерте. Осколок России вонзился в Северную Африку и таял там долго, как айсберг в пустыне. Год за годом на севастопольских кораблях правилась служба, поднимались и спускались с заходом солнца андреевские флаги, отмечались праздники исчезнувшего государства, в храме Александра Невского, построенном русскими моряками, отпевали умерших и славили Христово воскресение, в театре, созданном офицерами и их женами, шли пьесы Гоголя и Чехова, в морском училище, эвакуированном из Севастополя и размещенном в форту французской крепости, юноши в белых форменках изучали навигацию и астрономию, теоретическую механику и практическую историю России, но не по Покровскому, а по Карамзину и Соловьеву... Местный летописец Нестор Монастырев выпускал журнал «Морской сборник». Редакция и станок-гектограф размещались в отсеках подводной лодки «Утка». Ныне несколько экземпляров этого сверххаритетного издания хранятся в главной библиотеке страны...

Как отмечал еще один флотописец Бизерты, капитан 1-го ранга Владимир Берг, в своей книге «Последние гардемарины», севастопольцы в Бизерте «составили маленькое самостоятельное русское княжество, управляемое главой его вице-адмиралом Герасимовым, который держал в руках всю

полноту власти. Карать и миловать, принимать и изгонять из княжества было всецело в его власти. И он, как старый князь древнерусского княжества, мудро и властно правил им, чиня суд и расправу, рассыпая милости и благоволения».

Эскадра как боевое соединение прекратила свое существование после того, как Франция признала СССР. В ночь на 31 октября 1924 года с заходом солнца на русских кораблях спустили синекрестные флаги. Тогда казалось — навсегда. А оказалось — до поры...

Спустя семь месяцев — 6 мая 1925 года — в гардемарином лагере Сфаят корабельный горн протрубил сигнал «Разойдись!». Разошлись, но не рассеялись, не разбежались, не стинули, не забыли, кто они и откуда. Написали книги, отчеканили памятный — бизертский — крест. Одним словом, явили миру подвиг духа, верности Флагу, присяге, Отчизне. Об этом подвиге в СССР ничего не знали. Точнее, не хотели знать. Власти распорядились: считать Бизерту позорной и черной страницей истории флота, провели очередную препарацию памяти...

Да, страница черная, горькая, но — гордая!

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА... И я там был... Осенью 1976 года подводная лодка, на которой я служил, входила с деловым визитом в военную гавань Бизерты. Я оглядывался по сторонам — не увижу ли где призатоленный корпус русского эсминца, не мелькнет ли где ржавая мачта корабля-земляка. Но гладь Бизертского озера была пустынна, если не считать трех бுவ, ограждавших «район подводных препятствий», как значилось на карте. Что это за препятствия, ни лоция, ни карта не уточняли, так что оставалось предполагать, что именно там, неподалеку от свалки грунта, и покоятся в донном иле соленого озера железные останки русских кораблей.

Нашу плавбазу «Федор Видяев» и подводную лодку тунисцы поставили в военной гавани Сиди-Абдаллах, там, где полвека назад стояли наши предшественники.

По утрам по палубной трансляции главбазы крутили бодрые советские песни. Были среди них и старинные русские вальсы. Вот на их-то звуки, словно птицы на манок, собирались на причале русские старики, те самые, с белой эскадры. Несмотря на то, что «особисты» не рекомендовали общаться с белоэмигрантами, тем не менее судовой радист, откликаясь на просьбы стариков, повторял по нескольку раз и «Дунайские волны», и «На сопках Маньчжурии», а мы, офицеры и мичманы, выносили им буханки вожделенного черного хлеба, забытую на вид и вкус гречку, селедку и прочие чисто русские деликатесы. Разумеется, мы поглядывали при этом на наших бывших соотечественников чуточку свысока, с врожденным превосходством советского человека. Тогда-то и родились эти строчки:

Над холмами Бизерты
«На сопках Маньчжурии».
Над палубой крейсера
Старинный вальс.
Приходят понурые,
Смотрят невесело
Бывшие русские
Ротмистры-штабс,
Штабс-капитаны, корнеты,
Поручики.
Седые усы в колечки закручены.
И утешают их «Беломором»
Внуки лихих комендоров «Авроры».
Белая гвардия, черный барон...
Горек отечественный «Беломор».

Конечно же, мы и в сотой доле не могли представить себе, что испытывают эти странные люди, слыша русскую речь с палуб мощных кораблей-красавцев, которые пришли и встали

на те места, к тем причалам, где столько лет стояли, томились и медленно умирали их полупленные крейсера, эсминцы, подводные лодки... Но одно мы поняли — в своей тоске по Родине они принесли Севастополь с собой в этот далекий африканский город. Старая рыбацкая бухта Вьё-Пор посреди города была для них Артбухтой, самый высокий холм в предместье они именовали меж собой Малаховым курганом. Были тут и свой Примбуль, и даже своя Графская пристань.

Сегодня из всей русской колонии в Бизерте здравствует лишь дочь командира эсминца «Жаркий» Анастасия Ширинская-Манштейн. Ей одной выпало эмигрантское счастье — она увидела Севастополь воочию, приехав в послесоветскую Россию по туристской визе.

Вот уже восемь десятилетий, как на Бизертской эскадре были спущены флаги. Но об этом микроэпизоде нашей запутаной истории все еще помнят, говорят, думают, спорят, пишут... Немного следов осталось в Бизерте от тех моряков. Они оставили после себя имена своих кораблей на мраморных досках возведенного ими храма, имена своих товарищей на страницах написанных ими книг. И еще — Рю де Рюсс, Русскую улицу в арабском городе. Не так уж мало...

Черноморцам в Бизерте пришлось начинать жизнь заново, с нуля, несмотря на бывшие чины, ордена, заслуги перед царем, Богом, Отечеством.

В арабской части города был Русский дом, где собирались моряки со своими женами. Офицеры приходили в безукоризненно белых отутюженных кителях, даром что с заплатами, аккуратно поставленными женскими руками.

— Арабы знали, что русские, несмотря на золотые погоны, были так же бедны, как и они сами, — рассказывает Ширинская. — Это вызывало невольное расположение туземцев к пришлым изгнанникам. Мы были бедные среди бедных. Но мы были свободными! Понимаете? Я говорю об этом безо

всякого пафоса. Ведь мы и в самом деле не испытывали того страха, который пожирал по ночам наших соотечественников у себя на родине. Они, а не мы, боялись, что ночью войдут в твой дом, перероют вещи, уведут невесть куда. Мы могли говорить о чем угодно, не опасаясь чужих ушей, доносов в охранку. Нам не надо было прятать иконы — это в мусульманской, заметьте, стране. Нас не морили голодом в политических целях, как на Украине. Слово «Гулаг» я узнала только из книг Солженицына.

Мы были бедны, порой нищи. Мой отец мастерил байдарки и мебель. Адмирал Беренс, герой «Варяга», на старости лет шил из лоскутков кожи дамские сумочки. Но никто не повелевал нашими мыслями. Это великое благо — думать и молиться свободно.

Я никогда не забуду того ужаса, с каким вылезал из моего окна один советский гражданин, когда в дверь позвонил сотрудник советского же посольства. Это было в 1983 году, и мой гость боялся лишиться визы, если кто-то скажет, что он общается с белоэмигранткой.

СИРОТА ВЕЛИКОЙ РОССИИ? Анастасия Александровна Манштейн, по мужу Ширинская... Последняя из той истаявшей Русской эскадры. Она одна теперь хранит ее славу, ее память, ее фотографии, документы... Я был слышан о ней немало. Из Москвы казалось: доживает свой век божий одуванчик в тишине и забвении... При встрече увидел престарелую шекспировскую королеву: достоинство, мудрость и человеческое величие.

Я долго искал путь к ее дому. Никто не мог сказать, где в лабиринте припортового района затерялась улочка Пьера Кюри. Но когда в очередной тщетной попытке прояснить дорогу я случайно произнес ее имя, как молодой араб улыбнулся и, воскликнув: «А, мадам Ширински!» — тут же привел к нужному дому. Когда она идет по улице, с ней здороваются и стар и млад. Почему? Да потому что она всю жизнь прора-

ботала в бизертском лицее учительницей математики. У нее учились даже внуки ее учеников. И вице-мэр Бизерты, и многие высокопоставленные чиновники Туниса, ставшие министрами. Все помнят добрые и строгие уроки «мадам Ширински», она никогда не делила своих учеников на бедных и богатых, занималась у себя на дому с каждым, кому математическая премудрость давалась с трудом.

— Никого из моих учеников не смущало, что уроки проходят под иконой Спасителя. Один студент-магометанин попросил меня даже зажечь лампаду в день экзамена.

Президент страны Бен Али вручил старейшей учительнице орден «За заслуги перед Тунисом». Она одна сделала для укрепления доверия арабов к русским больше, чем целый сонм дипломатов. Слава Богу, имя ее известно и в России.

Я знаю человека, который пришел из Севастополя на яхте в Бизерту, повторив весь путь Русской эскадры, с одной целью: поднять Андреевский флаг в том городе, где он развевался дольше всего, поднять его в тот самый день, когда он был печально спущен — 29 октября. Это сделал мой товарищ и сослуживец по Северному флоту капитан 2-го ранга запаса Владимир Стефановский. Он очень торопился успеть, чтобы символический взлет сине-крестного полотнища на мачту произошел на глазах той женщины, которая одна из всех не доживших до того дня изгнанников помнила, как его спускали, и верила, что однажды его снова поднимут. Верила все семьдесят лет и еще три года. И дождалась! Это был воистину рыцарский жест, достойный офицера русского флота.

Потом Стефановский принимал ее в Севастополе. Из всех, кто покинул город в 20-м году, только ей одной удалось туда вернуться.

«Я люблю тебя, Россия!» — кричала девочка с африканского мыса Блан Кап. И Россия ее услышала! И это не стилистическая фигура. Услышала, в самом деле! Правда, не сразу,

спустя полвека. Мало-помалу в дом на припортовой улице Пьера Кюри стали приходить соотечественники. Расспрашивали о жизни русских в Бизерте, о судьбах черноморских кораблей... Первым, кто поведал нам о ней во всеуслышание, был телепублицист Фарид Сейфульмулюков. Затем по голубым экранам прошел фильм Сергея Зайцева о Ширинской. Снял свою ленту о ее судьбе и Русской эскадре тунисский режиссер. В «эпоху гласности» Бизерту и ее «последнюю могику» открыли для себя и своих читателей многие газеты и журналы. В год 300-летия Российского флота Президент РФ наградил Анастасию Ширинскую юбилейной медалью. А два года назад она получила в российском посольстве свой первый (!) в жизни настоящий паспорт, почти такой же, какой был и у мамы, — с двуглавым орлом на обложке. До этого она перебивалась беженским свидетельством, так называемым «нансеновским» паспортом. В нем было записано: «Разрешен выезд во все страны мира, кроме России». Почти всю жизнь прожила она под этим страшным заклатьем, не принимая никакого иного подданства — ни тунисского, ни французского, — сохраняя в душе, как и отец, как и многие моряки Эскадры, свою гражданственную причастность к России. Именно поэтому известный французский журнал назвал Ширинскую «сиротой великой России».

Теперь она не сирота. Эхом тех давних девчоночьих возгласов с Белого мыса вернулось Ширинской и ее гражданство, и награды, и многочисленные приглашения на родину, и целая стая писем, прилетевших в Бизерту из всех уголков России, даже из Магадана. Ей желали здоровья, расспрашивали, звали в гости... Народ у нас отзывчивый. С недавних пор начался поток визитеров на улицу Пьера Кюри. Даже за время моих недолгих встреч с Ширинской я каждый раз знакомился в ее гостиную то с военно-морским атташе России, то с предпринимателями из Санкт-Петербурга, то с историком из Москвы...

Она всех принимает по-русски — под иконой Спасителя с эсминца «Жаркий», с чаем и пирогами, которые печет сама, несмотря на годы.

Чем она занята еще в свои 90? На ее попечении безработный 58-летний сын. Помимо обычных домашних забот она готовит русское издание своей мемуарной книги. Переводит на французский язык русские романы. Ищет спонсора для перевода тунисского видеофильма о Русской эскадре на более долговечную киноплёнку. Хлопочет о восстановлении русских могил на муниципальном кладбище, выплачивая из пенсии по десять динаров сторожу за добрый присмотр. Собирается на Украину в Лисичанск к подруге детства Оле, которой сейчас уже за девяносто и которая сказала ей: «Не стану умирать, пока не повидаяюсь с тобой».

Ширинская уже побывала там недавно. На месте родного дома с белыми колоннами — школа.

— Но мне стало теперь много легче. Ведь тот дом, который мне столько снился, уже больше не уходит от меня.

В свои 96 она воительница, железная леди, человек действия.

Не так давно выпустила в московском Воениздатe книгу воспоминаний «Бизерта. Последняя стоянка». Это в наше-то время выпустить книгу, да еще прилететь в Москву на презентацию! Она это сделала — прилетела и достойно представила и книгу, и себя, и русскую эскадру в Бизерте.

КРЕСТЫ ПОД ПАЛЬМАМИ. Давно исчезла, изощла Русская эскадра, оставив по себе в Бизерте лишь белый кристалл памяти — храм, на мраморной доске которого выбиты имена кораблей, да нестройный ряд каменных крестов на городском кладбище.

Терновый венок — символ Белого движения. Терновые венцы из зарослей африканских колючек возложила на плиты заброшенных могил сама здешняя природа. Под ними лежат

русские моряки — адмиралы, капитаны всех рангов, начальник кадетского морского корпуса, командиры больших и малых кораблей. Догадаться о том можно с большим трудом: плиты разбиты, надписи стерлись, кресты повалены. А рядом — ухоженный участок сербских солдат. А дальше — великолепные мемориалы американских, английских, французских воинов, павших в боях за Бизерту в годы Второй мировой.

Правда, не столь давно трудами сотрудников российского посольства в Тунисе на здешнем кладбище поставлен мраморный памятный знак в честь моряков Русской эскадры и всех россиян, погребенных в тунисской земле. Но он не решает проблемы. Зияющие могилы на бизертском кладбище долго зывали к нашей совести.

О своем покровительстве захоронениям русских моряков в Тунисе объявило еще в 1998 году российское отделение старейшего христианского рыцарского ордена Святого Константина. И не только объявило, но и немало сделало. Стараниями российского командора писателя Сергея Власова была выпущена своеобразная энциклопедия Русской эскадры — книга воспоминаний «Узники Бизерты». Власов же организовал и несколько поездок в Бизерту — миссий памяти, в результате которых был составлен план русских захоронений, уточнены фамилии на разбитых плитах. Там же в Бизерте возникла вполне осуществимая идея: создать в заброшенном склепе-часовне генерал-лейтенанта флота Владимира Попова пантеон памяти моряков Русской эскадры. Для этого необходимы мраморные доски с именами адмиралов, офицеров, матросов, мозаичная икона, лампада и хороший замок на железной двери от вандалов. В конце концов Сергей Власов сумел добиться аудиенции у президента Туниса Бен Али и передать ему письмо с просьбой о восстановлении русских могил. К письму прилагался план наших участков. Наболевшая проблема, которую не могли решить дипломаты, была наконец-то решена. У могильных

руин появились мастера мраморного дела... Руководила ими Анастасия Александровна Ширинская, подсказывая, указывая, предлагая...

* * *

Жила-была девочка. Звали ее Настя... Она выбегала на мыс Кап Блан и, оборотившись в сторону Севастополя, кричала в бурное чужое море: «Я люблю тебя, Россия!».

Россия услышала ее спустя семьдесят семь лет и прислала ей большой корабль под белыми парусами — барк «Георгий Седов». Это случилось под Рождество 2000 года. Молодые люди в белых форменках, почти таких же, какие носили здешние гардемарины Морского корпуса, пришли к ней в дом и пригласили ее, поседевшую Ассоль, к себе на парусник.

Она единственная из «русского Карфагена» дождалась этого корабля...

Вместо эпилога

«Не скажет ни камень, ни крест, где легли во славу мы русского флага...» Эта строчка из «Варяга» оказалась пророческой по отношению к бывшему младшему штурману легендарного крейсера Михаилу Беренсу. Многие годы никто не знал, где покоится прах героя с «Варяга», ставшего контр-адмиралом — последнего командующего Русской эскадрой в Бизерте. Он скончался 20 января в 1943 году в Тунисе и был погребен на окраине столицы этой североафриканской республики. Со временем забытая могила затерялась... В последние годы ее пытались отыскать многие энтузиасты, включая и сотрудников российского посольства в Тунисе. Но все многочисленные поиски были безрезультатными.

И вот однажды из Туниса пришла весть: Анастасия Александровна Ширинская сумела разыскать последний след на земле Михаила Беренса. Его могила оказалась на одном из окраинных кладбищ Туниса, которое подлежит ныне сносу. Встал вопрос о переносе праха русского адмирала туда, где покоятся его бывшие сослуживцы.

Праха адмирала с почестями перенесли на кладбище Бор-жель.

Осенью 2001 года в Бизерту пришел ракетный крейсер «Москва» («Слава»). На нем доставили мраморную плиту для могилы последнего командира Русской эскадры контр-адмирала Михаила Беренса. Потом мимо обновленной могилы под марш «Прощание славянки» прошел почетный караул в белых форменках, белых тужурках при золотых погонах. Над морьяками развевался Андреевский флаг. Все было так, как и должно было бы быть полвека назад.

Это Настя Ширинская дождалась, нет, добилась всей своей многолетней жизнью, чтобы ее Эскадре, нашей Эскадре, Русской эскадре Россия отдала высшие воинские почести.

Владимир Путин прислал ей свою книгу с автографом.

А у нее горе — умерла собачка Бони, которая скрашивала им с сыном последние 12 лет...

Без малого год председатель Севастопольского морского собрания Владимир Стефановский готовил новый поход памяти в Бизерту: искал подходящую яхту, подбирал экипаж и представительную группу, добывал деньги на проведение международной акции... И снова писал во все мыслимые и немыслимые инстанции: 85 лет русского исхода из Крыма — это годовщина, которую мы обязаны отметить по долгу памяти и совести. С 1920 года Севастополь и Бизерта стали городами-побратимами. Их породнила сама история, их породнили народы России, Франции и Туниса...

И снова чиновные отписки и равнодушие властей; и снова неистовый командор крушит лед непонимания, невежества, а то и откровенной враждебности. Но Стефановский преодолел все препоны: экспедиционная яхта отошла от Графской пристани, чтобы 29 октября 2004 года, в печальную годовщину спуска Андреевского флага на Русской эскадре, поднять его вновь на рейде Бизерты.

Ибо «если мы забудем Русскую эскадру в Бизерте, — говорит Стефановский, — то однажды забудут и о российском флоте в Севастополе».

«Белеет парус одинокий...» Это и про ту яхту, которая держит курс на Бизерту под Андреевским флагом...

ИСХОДЬ И ПОХОД

(Из путевого дневника)

Такого похода в истории России еще не было. Это была экспедиция особого исторического назначения. Мы собирали камни, разбросанные после Гражданской войны по трем континентам. Камни с именами наших соотечественников, рассеянных по Европе, Африки, Азии... Мы должны были вернуть в Россию хотя бы их имена. И мы это сделали. А камни мы укладывали на восстановленных кладбищах.

Возможно, нам удалось поставить последнюю точку в Гражданской войне, потрясшей Родину в XX веке.

14 ноября 1920 года последний русский корабль под Андреевским флагом ушел из Севастополя. Среди десятков тысяч беженцев на палубе одного из кораблей был только что родившийся младенец, нареченный Ростиславом. Его отец — капитан 2-го ранга Всеволод Дон — командовал одним из кораблей Русской эскадры — канонерской лодкой «Страж». Спустя ровно 90 лет — 25 июля 2010 года — в Севастополь вошел океанский лайнер, на палубе которого стоял очень пожилой человек — тот самый, что уходил новорожденным из Севастополя в ноябре 1920 года, — Ростислав Всеволодович Дон.

Возможно, именно для него и состоялось наше морское паломничество по местам русского рассеяния. Возможно, весь этот символический поход был предпринят именно для того, чтобы этот человек вернулся на тот берег, на котором он

родился и тут же вынужден был с ним расстаться. Ибо так распорядились небесные силы, не иначе! В его жизни замкнулся огромный — 90-летний круг! Но все вернулось на круги своя не только для него одного... Слава Богу — для всех потомков русских изгнанников, находившихся на борту «Одиссея», для всех участников этого небывалого морского паломничества, для всех нас, кому дорога Россия и ее гордая и горькая история.

Как и положено начинать каждое серьезное дело с молитвы, так и мы перед тем, как отправиться в морской поход, собрались на общую молитву в старинном Донском монастыре. Основан он был в 1591 году на месте расположения русского гуляй-города после отражения нападения крымского хана Газы II Гирея. Татары отступили с большими потерями, и это было расценено как великое чудо. В гуляй-городе в дни боев стояла походная церковь в честь преподобного Сергия Радонежского, а в ней находилась Донская икона Божией Матери — по преданию, та самая икона, которой преподобный Сергий благословил великого князя Дмитрия Иоанновича на Куликовскую битву.

Место молебна, стартовая точка похода, выбрано не случайно: именно сюда возвращаются сегодня те, кто покинул Родину после лихолетья Гражданской войны — прах генерала Антона Деникина, писателя Ивана Шмелева, философа Ивана Ильина, генерал-лейтенанта Владимира Каппеля... Донское кладбище стало символом загробного возвращения. Но идея нашего похода — символ живого возвращения потомков изгнанников на родину: от чужих берегов через дальние моря к тем причалам, от которых уходили их отцы, матери, деды... И по дороге в Донской монастырь, и обратно в памяти звенела песенная строка, посвященная им — тем кто безвозвратно покинул Россию в 1920 году:

Звенели трензеля,
И мчались кони споро —

От красных стен Кремля
До белых скал Босфора...

И еще были стихи Арсения Несмелова, написанные так, как будто поэт, погибший в застенках НКВД, мог видеть картину Дмитрию Белюкину «Белая Россия. Исход». А впрочем, Несмелов, в миру поручик Миропольский, видел все это на яву:

Россия отошла, как пароход
Об берега, от пристани отходит.
Печаль, как расстояние — растет.
Уж лиц не различить на пароходе.

Лишь взмах платка и лишь ответный взмах.
Басовое зывание сирены.
И вот корма. И за кормой — тесьма
Клабущейся, все уносящей пены.

Сегодня мили и десятки миль,
А завтра сотни, тысячи — завеса.
И я печаль свою переломил,
Как лезвие. У самого эфеса.

14 июля. Венецианская лагуна

Морскую часть нашего паломничества мы начали из Венеции — так выпал жребий. Венеция так Венеция — здесь тоже немало русских могил на кладбище Сен-Микеле. Погребены на русском участке и композитор Игорь Стравинский, и Сергей Дягилев, и особы княжеского рода Трубецких, один из представителей которого Александр Александрович Трубецкой находился в составе нашей гостевой группы. Важнее была не точка отправления, а курс, которым мы должны были выйти. Курс же был выбран самый верный — в Бизерту. Туда, куда

ушел 90 лет Черноморский флот, туда, где много лет стояла Русская эскадра и где чуть-чуть не дождалась нас ее последняя частица, хранительница ее памяти — Анастасия Александровна Ширинская. Она скончалась в декабре 2009 года.

Из воздушной гавани скоростные катера доставили нас в гавань морскую. Маршрут их пролегал сначала по каналу, вырожденному в лагуне, а затем через главную водную магистраль города. На каждом катере был свой гид, и он пытался рассказать нам за время недолгого пути о том, что такое Венеция и какое место в истории Европы она занимает. Все это было интересно, но так хотелось хоть часок побродить по ее улицам-каналам, горбатым мостикам, площадям. Однако с первых же часов нашего похода мы поняли, что мы не туристы, у нас своя миссия и нас ждет корабль, поход, наше небывалое еще паломничество...

Венеция — воистину жемчужина Средиземноморья. А ведь и она, почти как Петербург, встала «среди топи блат». И каких блат — из-под крыла самолета уходили кисейно-ажурные разводя болот и заболоченных озер. Ни дать ни взять — тайбола Ханты-Мансийского края. Многоглазая и большеглазая тундра. Изящнейшее кружево озер и суши. Тончайшая вязь.

Ячеистая структура. Да это же живые клетки живой Земли! Вода и кремний, кремний и вода... Суперматрица. Структура живой, более того — мыслящей ткани. Нейроны земного мозга! Эдакий болотный Солярис... Как же нежна наша Земля! И в каком же гнилом углу Средиземного моря воздвигли этот редчайший по красоте город! Уж если Достоевский называл Петербург «придуманным городом», то что говорить про Венецию! Она придумана вся неким дерзким сказочником — вот так вот взять и проложить улицы прямо в море...

Глава о Венеции в книге «1000 мест, которые стоит увидеть, прежде чем умрешь» начинается такими словами:

«Ну, вот и она, Венеция! Венеция вашей мечты, соблазнительная, интригующая, сбивающая с толку и опьяняющая,

как ни один другой город на земле. Венеция подобна слегка увядшей, некогда прекрасной и могущественной королеве, которая еще способна очаровывать и пленять. Нескончаемый туристический поток заполняет город уже более 100 лет, и это неудивительно; по словам Генри Джеймса, визит в Венецию превращается в вечную любовную историю...»

Венеция — это мини-архипелаг, где по островам размещены были еще со Средних веков все самые опасные и неприятные заведения, вроде лепрозория, тюрьмы, сумасшедшего дома, кладбища. Бывший остров-лепрозорий отдали потом армянской общине. А там, где была психбольница, теперь пятизвездный отель. Вот только кладбище осталось на своем месте. Это единственное место в Венеции, где растут кипарисы — деревья скорби и печали.

Есть в Венеции нечто и от Питера, и от Севастополя, и от Амстердама... Венеция всюду, где в морской воде отражаются окна домов и колоннады дворцов, где через каналы перекинуты горбатые мостики. Венеция, как мера измерения городской красоты: невская Венеция, лондонская малая Венеция, тверская Венеция — Вышний Волочек...

Три кита, на которых зиждется сегодняшняя слава Венеции, — кружева, стекло и маски... Стоп, стоп, стоп! Мы не туристы, и эти подробности не для нас!

Нас ждал у причала корабль. Это была белая многопалубная океанская мегаяхта, идеально приспособленная для туристических круизов. И назывался теплоход достойно — «Одиссей» — в честь легендарного царя острова Итака, победителя Трои, отважного морского скитальца. Во всяком случае, его имя на Средиземноморье должно было послужить нам своего рода охранной грамотой. Ведь Белое море — как называли его древние греки — весьма благоволило к отважному мореходу. Может, и к нам будет оно милостиво?

Наш «Одиссей», судно румынской постройки, ходит под мальтийским флагом (порт приписки Ла-Валетта), с капитаном-

греком и филиппинским экипажем. Сплошная дружба народов. Для меня этот лайнер был воплощением давней — тридцать лет тому назад — мечты о «белом пароходе». Так называли подводники действительно белое госпитальное судно «Кубань», которое доставляло экипажи подводных лодок на межпоходовой отдых в Ялту. В душном жарком отсеке «белый пароход» казался плавучим раем, где было много пресной воды, где были большие удобные каюты, почти ресторанное питание, а главное — женский медперсонал походного госпиталя. Увы, нашему экипажу не выпало тогда такое счастье — сходить на «белом пароходе» в Ялту. И вот теперь та давняя мечта становилась явью, даром, что столь запоздалой...

Когда я вошел в свою каюту — слегка оторопел. Это был номер хорошего европейского отеля, посреди которого простиралось роскошное двуспальное ложе...

Здесь ничего не было из того, что определяло в моем понимании каюту — ни железных переборок, ни круглого иллюминатора, ни суровой морской койки... Огромное зеркало, почти туалетный столик. Батика.

Но самое главное — был собственный выход на балкончик, на котором можно было напрямую — с глазу на глаз — общаться с морем и звездным небом.

Как же прочувствовать здесь ту муку, те лишения, которые претерпевали беженцы двадцатого года на своих раздолбанных пароходах и военных кораблях?

«Одиссей» и хотя бы тот же линкор «Георгий Победоносец» — это полюса роскоши и нищеты, комфорта и военного аскетизма. Но с другой стороны, если мы провозгласили возвращение на родину потомков русских беженцев, то оно, это возвращение, пусть и символическое, должно быть именно таким — роскошным, удобным, уютным. Ведь не должно повторяться то, что было. И их возвращение должно было быть обставлено именно так... Другое дело, что отцы уходили

на российских кораблях, а их дети возвращались домой на иностранном лайнере, ибо российский флот был уже утроблен перестройщиками и реформаторами всех мастей.

Вообще-то, я мог представить, что пережили те люди на своих забитых, тесных палубах.

Много лет назад мне пришлось плыть по Байкалу из Северо-Ангарска в Усть-Баргузин на допотопном едва ли не 1920-х годов постройки пароходе «Комсомолец». Я шел палубным пассажиром и потому коротал ночь на штормовом ветру за толстой и горячей дымовой трубой. Таких, как я, было много. Вся палуба была забита людьми, их багажом. Стояла очень холодная ветреная ночь, и я попеременно грел возле трубы то закоченевшую спину, то задубевшее лицо. Старый пароход швыряло нещадно: его круто переваливало с борта на борт, и так же круто вскидывал он нос на волне или уходил им в очередную водяную яму. Укачавшаяся публика лежала вповалку вместе со своими узлами и чемоданами. Все было загажено, как говорят медики, рвотными массами. И самое страшное было в галюнах, куда надо было входить по щиколотку в блевотине и фекалиях. И все это всплескивалось на очередной встряске судна и норовило угодить на открытые части тела... Наверняка в таких же штормовых условиях перемогали свой беженский путь женщины, дети, старики на врангелевских судах и кораблях.

* * *

Как здорово, когда вокруг не случайные попутчики, а еще и добрые старые друзья, люди, с которыми ты уже не раз бывал и в дальних поездках, и на всевозможных встречах — деловых, дружеских, торжественных.

Вот Михаил Якушев, дипломат и историк, ученый и общественный деятель, вице-президент Фонда. На флоте есть точный аналог его должности: старпом, старший помощник командира. На Якушеве, как на старпومه, лежит вся рутинная организация

жизни Фонда, вся исполнительная часть. Он же возглавляет и мозговой центр Фонда, в недрах которого рождаются новые идеи и проекты.

Супруги Чавчавадзе, Елена и Зураб, взяли с собой в поход великолепную подборку документальных фильмов Никиты Михалкова о судьбах русской эмиграции в разных странах, в разное время.

Владыка Михаил, епископ Женевский и Западноевропейский, природный казак, сын хорунжего Василия Семеновича Донского. Родился владыка не на русской земле, но сохранил великолепное знание того языка, на котором общались люди Серебряного века. По мирской профессии — врач-хирург. Долго шел к своему пастырскому служению, пока однажды не понял: пора менять скальпель на посох. Мы познакомились с ним в стенах Фонда на Малой Ордынке и сошлись на почве галлиполийской истории. Однажды владыка побывал у меня в гостях. Листая альбом с галлиполийскими фотографиями, он вдруг воскликнул:

— А это мой батюшка!

На снимке была изображена землянка и четверо молодых офицеров стояли и сидели у входа, улыбаясь фотографу. Им был чуть больше двадцати, но за их плечами уже было столько невзгод. И только оптимизм молодости позволял им улыбаться столь радостно, как будто они стояли на крыльце роскошной виллы.

Этот снимок владыка Михаил никогда не видел. Мы были оба потрясены столь неожиданной, но промыслительной встречей. Всего лишь мгновение из жизни отца! Но оно как бы предсказало, осенило наш будущий поход...

А вот Валерий Латынин, сотрудник Фонда, но прежде всего замечательный поэт и знаток казачьей истории, переводчик многих славянских поэтов на русский язык.

Виктор Петраков, замглавы Росохранкультуры, редкий тип чиновника, искренне увлеченного своим делом. Да его

и чиновником-то не хочется называть. Историк до мозга костей и со всей страстью поддерживает таких же преданных делу истории людей. Это они — Александр Кибовский и Виктор Петряков — организовали доставку в Россию из южнокорейского города Чемульпо флага с легендарного крейсера «Варяг».

Вся морская Россия с трепетом и благоговением прикоснулась к этим реликвиям.

А художник Дмитрий Белюкин и вовсе оказался соседом! Его каюта — на одной палубе — через переборку.

Еще одно удивительное знакомство: Александр Кибовский, начальник Росохранкультуры, бывший сержант морской пехоты Каспийской флотилии. Написал книгу о морской пехоте. Работая в архивах, нашел неизвестные фото героя моего романа «Одиссея мичмана Д.» и передал их мне. Это как привет из потустороннего мира — вот он я, мичман Домерщииков! Передаю свое фото на память! Право, этой вечерней панихидой мы что-то сдвинули в тонких мирах и стали получать ответные токи!

Подполковник Сергей Нелюбов... Каких только служб в войсках нет — и медицинская, и ветеринарная, и интендантская, жаль, что нет исторической службы. Была бы — Сергей Нелюбов, эксперт Росохранкультуры по оружию, точно бы был генералом от истории. У себя в Калуге на дачном участке он открыл самый настоящий краеведческий музей.

* * *

Как и всякая морская авантюра, наш поход начался с непредвиденного происшествия: решетки заборных отверстий, через которые поступает в систему охлаждения морская вода, оказались забитыми то ли водорослями, то ли пластиковым пакетами или иным мусором, которого, увы, хватает ныне не только в Венецианской лагуне, но и по всему Средиземному морю. Одно слово — экология, экая она, однако, логия... Пока чистили кингстоны системы охлаждения, выход задержали на

шесть часов, что ставило под угрозу точность нашего прихода в Бизерту и начало всех расписанных по плану мероприятий. Правда, капитан надеялся наверстать упущенное время на переходе — благо до Бизерты идти было около двух суток. Море не терпит точных сроков и всегда вносит свои поправки в самые продуманные в береговых кабинетах планы.

В салоне «Амбасадор», ставшем походной судовой церковью, а также лекционной аудиторией и конференц-залом, установили картину Дмитрия Белюкина «Белая Россия. Исход». Это полотно — воистину эпическое — стало своего рода эпиграфом нашего похода.

Глядя на это полотно невольно вспоминалась строчки возможно одного из героев этой картины казачьего офицера Николая Туроверова:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня...

Есть ли еще более пронзительные строки о Гражданской войне? Или это откровение «англичанина» Владимира Набокова:

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.

А еще наши совсем недавние современники — Валерий Агафонов: «Отступить дальше некуда. Сзади Японское море. Здесь кончается наша Россия и мы...» И Владимир Волков:

Молодой офицер, весь в крови, умолял пристрелить.
Умер, бедный, часа через два, землю сжав в кулаке.
Все шептал напоследок: «О, Господи, что нам делить?
Мы ругаемся, мыслим, поем на одном языке!»

Это позднее осмысление трагедии. О Гражданской войне за годы советской власти написаны сотни стихов и песен, и только в последние два десятилетия о ней стали писать в России не с гордостью победителей, а с горечью и болью.

Не следует забывать, да мы и не забывали, что кроме Крымского исхода был еще и дальневосточный исход 1922—1923 годов — пусть не такой обширный, но все же: под флагом адмирала Старка ушла целая эскадра разнородных судов с десятью тысячами беженцев на борту... И все повторилось, как в ноябре 1920-го — и шторм, и гибель перегруженного эсминца, и беженский лагерь на острове Тюбаобао... Разве что на том острове не было такой смертности беженцев, как на Лемносе, воистину острове смерти.

В том, дальневосточном, исходе был еще такой потрясающий эпизод: пятеро морских кадет раздобыли крошечный парусно-моторный рыбацкий бот «Рязань» и решили уйти на нем в Америку! В капитаны они выбрали случайно встреченного в порту боцмана Карася. И вместе с ним отправились на 10-тонном боте через Тихий океан. И произошло чудо — они дошли до Сан-Франциско, невольно поставив рекорд малотоннажности для трансокеанского рейса. В прибрежной зоне их встретил дозорный миноносец береговой охраны. На корабле решили, что бот перевозит контрабандный спирт, и дали предупредительные выстрелы в воздух.

Если верить легенде, американцы поставили «Рязань» на грузовик и под оркестр прокатили по городу. Поэт русского зарубежья Арсений Несмелов посвятил отважным мореходам поэму «Через океан»:

...Лбом мы прошибали океаны
Волн летящих и слепой тайги:
В жребий отщепенства окаянный
Заковал нас Рок, а не враги..
Много нас рассеяно по свету,
Отоснившихся уже врагу:
Мы — лишь тема, милая поэту.
Мы — лишь след на тающем снегу.
Победителя, конечно, судят,
Только побежденный несудим,
И в грядущем мы одеты будем
Ореолом славы золотым.

А еще был северный исход в феврале 1920 года. Тогда из Архангельска уходили, спасаясь от большевистских репрессий, сотни беженцев на ледоколе «Козьма Минин». На счастье архангелогородцев, в порту оказалось три ледокола, два из которых — «Сусанин» и «Канада» — заправлялись углем в 50 верстах от города на особой пристани, а третий, под названием «Минин», — в самом архангельском порту, куда он прибыл с полпути в Мурманск, отозванный радиограммой. После объявленной генералом Миллером эвакуации именно на «Минин» стали направлять раненых и больных из городских лазаретов, а также стихийно прибывших беженцев. Общей эвакуацией руководил штаб контр-адмирала Леонида Леонтьевича Иванова, командующего флотилией Северного Ледовитого океана. Великое множество оперативных вопросов решал известный гидрограф, контр-адмирал Борис Андреевич Вилькицкий.

19 февраля ледокол «Козьма Минин» покинул Архангельск с эвакуированными чинами белой армии Северной области и беженцами, среди которых было немало женщин и детей. А 21 февраля состоялся первый в истории морской бой между ледоколами. Ледокол «Канада» под красным флагом, посланный вдогонку за «Мининым», пытался остановить его в Белом море. Бой окончился безрезультатно (повреждений и потерь суда не имели). 25 февраля «Минин» пришел в норвежский порт Гаммерфест.

Уходили с Балтики и Кронштадта, и по льду Финского залива из Питера. И все эти потоки сливались в один великий русский Исход...

15 июля. Адриатическое море

От Венеции ушли на 196 миль. До Бизерты осталось 786 миль. Глубина под килем — 240 метров. Идем вдоль заднего «шва» апеннинского «сапога» курсом на чистый зюйд. Труба размером с небольшую фараонскую пирамиду дымилась, как хороший вулкан. Красивый теплоход, и расходимся мы то и дело с такими же белыми красавцами, идущими в Венецию и в Хорватию.

Как странно видеть Средиземное море с палубы прогулочного лайнера! Оно всегда было для меня военным морем. Пять предыдущих походов сюда были сделаны на подводных лодках, авианосце, тральщике, учебном корабле, крейсере... И вдруг — безмятежная лазурь и навстречу только мирные — торговые и пассажирские суда. Никаких тебе позиций, рубежей противолодочной обороны, патрульных самолетов и натовских кораблей, хотя все они конечно здесь есть, только резко снизили свою активность, поскольку в Средиземном море уже больше нет нашей Средиземноморской — 5-й оперативной эскадры, как нет ни одного корабля под Андреевским флагом.

Итак, «Одиссей» — еще один в дополнение к тем кораблям, которые я считаю знаковыми в своей морской жизни:

крейсера «Александр Невский» и «Жданов», авианосец «Киев», подводная лодка Б-409, госпитальное судно «Свирь», морской тральщик «Адмирал Першин», большой противолодочный корабль «Адмирал Нахимов»...

Это мой шестой поход в Средиземном море.

1. 1974 год — крейсер «Жданов», БПК «Адмирал Нахимов», тральщик «Адмирал Першин», водолей «Абакан» (Пятая эскадра).

2. 1976 год — подводная лодка Б-409 (Пятая эскадра).

3. 1977 год — учебный корабль «Смольный».

4. 1977—1978 годы — тяжелый авианесущий крейсер «Киев».

5. 2009 год — транспорт «Каледония».

6. 2010 год — нынешний поход на мегаяхте «Одиссей».

* * *

Лайнер живет жизнью большого плавучего отеля. Море здесь только фон жизни, но никак не сама жизнь. Сама жизнь начинается с утреннего молебна и проходит в разных залах, где собираются по тематическому плану наши походники. Все дни обещают быть заполненными встречами, беседами, докладами, диспутами, концертами... Никакой праздной пассажирской жизни. Мы не туристы. У нас здесь серьезные дела: разобраться, наконец, с Гражданской войной, дать ей свою оценку.

Объединение, выяснение позиций и взглядов происходило не просто и не всегда. Вода и масло перемешивались с трудом. На нас смотрели, как на счастливых, которым повезло родиться и вырасти у себя на родине, которую им не пришлось покидать. И которые — хотели они того или нет — являются правонаследниками большевистского режима, советской власти. Мы пытались разъединить эти понятия: «большевистский режим» — это одно, а «советская власть» — нечто другое. Мы не отметили ее напрочь, признавая за ней известные достиже-

ния... «Все достижения советской власти, — слышали в ответ, — зиждятся на неприемлемом основании: на лагерях ГУЛАГа, на скелетах сотен тысяч репрессированных жертв, на произволе НКВД, Смерша, штрафбатах...»

Долго толковали с князем Александром Александровичем Трубецким о русской гвардии. Он сын гвардейца, и я сын гвардейца. Отец очень гордился тем, что был удостоен знака «Гвардия» в числе первых бойцов — осенью 1941 года, после жестоких боев под Ельней. Там Красная Армия, почти все лето откатывавшаяся на восток, впервые остановила немецкие войска, заставила их перейти к обороне, а потом и вовсе освободила Ельню. Те бои по своему значению историки приравнивают к Бородинскому сражению. 107-я стрелковая дивизия, сформированная на Алтае из сибиряков, стала 5-й гвардейской. Едва я об этом заговорил, как Трубецкой категорически замахал рукой:

— Нет, нет, нет! Ни о какой преемственности речи быть не может. Императорская гвардия — это одно, советская — совсем другое!

— Но ведь по смыслу понятия «гвардия» — защита — это же одно и то же!

— По смыслу слова — да. А по исторической сути — нет!

— Но кровь! Кровь, пролитая за родную землю, а не за политический режим или государственную систему, именно солдатская кровь и роднит обе гвардии — императорскую и советскую.

Мы долго спорили. Мне было обидно, что такой интересный, обаятельный человек не может меня понять, что мы стоим по разные стороны некой невидимой разделяющей нас черты. Неужели мы по-прежнему — из разных миров? Ну, да — князь. Потомок одного из древнейших дворянских родов России. Ну да и мы не лыком шиты. Я — представитель старинной атаманской казачьей фамилии. И жизнь у моего собеседника

протекала вовсе не в княжеских покоях и великосветском комфорте: рабочий, а потом инженер-судостроитель, великолепный сварщик, замечательно играет на балалайке... Но вот поди ж ты — так трудно прийти к общему знаменателю.

В запале спора Трубецкой сказанул:

— Самое великое достижение Советского Союза, что он развалился без Гражданской войны.

— Возможно... Но как быть со знаменем на рейхстаге и прорывом в космос? Да, за ценой не постоишь, это иная плоскость, но ведь это такие же исторические факты, как и бескровный развал Союза. А впрочем, бескровный ли? Скорее малокровный — сколько крови пролилось в той Чечне, в Таджикистане, в Абхазии и Южной Осетии? Этой кровью сочились да и сейчас еще сочатся трещины разлома СССР. Конечно, могло быть хуже.

Спорили, спорили, и вдруг ясно ощутил: мы — из разных России.

Молча слушал наши диспуты и Ростислав Дон — самый пожилой участник морского похода. Его отец, офицер императорского флота, был из «мессинского выпуска» — так называли офицеров, выпущенных из Морского корпуса в 1908 году, гардемарины участвовавшими в спасении жителей Мессины, пострадавших от сильного землетрясения. Служил Всеволод Павлович на эскадренном броненосце «Цесаревич», в годы Первой мировой был назначен старшим штурманом на линкоре «Гангут». А в 1919 году перебрался с красной Балтики на белый черноморский флот. В чине капитана 2-го ранга командовал канонерской лодкой «Страж». Ходил на ней не раз в боевые походы и в Черном, и в Азовском морях. 2 августа 1920 года корабль Всеволода Дона обеспечивал в составе сил 2-го дивизиона высадку десанта у станицы Приморско-Ахтарской. За этот поход «Стражу» приказом главнокомандующего Белой армией генерала Врангеля был пожалован Николаевский вымпел.

Капитан 2-го ранга Дон увел свой «Страж» из Севастополя в ноябре 1920 года. На борту его корабля вместе с другими беженцами находилась и его жена с только что родившимся младенцем. Морской переход был тяжелым, не хватало еды, а главное — воды. По распоряжению командования корабля водой в первую очередь обеспечивали матерей с малыми детьми. И мать Ростислава рассказывала, как к ним на палубу прибегали солидные люди, которые за стакан воды предлагали бриллианты...

Из Константинополя капитан 2-го ранга Дон привел «Страж» в Бизерту, а через какое-то время перебрался в Америку. Жил в Нью-Йорке, редактировал там с 1943 года «Бюллетень общества бывших офицеров императорского флота». Умер в 1954 году в Париже.

Обычная для многих русских изгнанников история...

* * *

Споры, споры... Единство нашей истории в ее прерывностях. Софизм? Но есть аргументы: Иван Грозный прервал историю боярской Руси, Петр Великий прервал историю Московского царства, большевики прервали историю Российской империи, Ельцин и иже с ним прервали историю Советской России... Кто следующий?

Остро дебатировали вопрос — пришла ли сегодня Россия к тому, за что сражались белые армии?

Белые боролись за Учредительное собрание, за представительство широких слоев населения в решении государственных вопросов, и сейчас Россия имеет Государственную Думу. Лучше она или хуже, но она есть.

Белые армии воевали под российским государственным флагом — бело-сине-красным, но этот флаг-триколор сейчас, в современной России, является государственным. Белые флотилии сражались под Андреевским флагом, и этот флаг развевается

на гафелях боевых кораблей Российского Военно-Морского флота сегодня...

Белые воины воевали в погонах, как символе дисциплины, а не анархии. Погоны и сегодня на плечах офицеров армии и флота нашей страны.

Мичман П. Репин, покидая Россию в 1920 году, писал:

«Те идеалы и заветы отцов, которыми нас воспитали наши старшие соратники, — идеалы значения военной службы, значения Андреевского флага, как символа величия и чести Русского флота, — мы должны бережно сохранять и беречь и передать их нашим детям. Мы должны стать настоящим звеном между офицерами Бизертской русской эскадры и будущими офицерами национального русского флота. Спущенный Андреевский флаг мы должны как знаменщики спрятать у себя на груди и когда вернемся — передать его флоту. В это мы верим, как верим, и не только верим, а убеждены, что гроза, разразившаяся над Родиной, пройдет, и тогда-то мы и должны будем, вернувшись, дать свой отчет о “долгом заграничном плавании”».

А ведь именно так все и произошло... Они вернулись — волной памяти.

Сенека утверждал: «Задерживают ли проточную воду, утекает ли она — разве это важно, если цел ее источник?» Это к вопросу о русской эмиграции, проточной воде. Слава Богу, пока еще цел источник — глубинная Россия!

* * *

На судне у нас само собой возникло офицерское собрание, куда вошли два капитана 1-го ранга, то есть мы с Игорем Горбачевым, представителем газеты Черноморского флота «Флаг Родины», полковник-казак Валерий Латынин, замечательный поэт, и подполковник из Калуги — Сергей Нелюбов, эксперт по оружию Росохранкультуры. Есть еще и несколько генералов, но

они себя не афишируют в силу принадлежности (даже бывшей) к службе внешней разведки.

Общаемся... Госпожа Остелецкая сказала, что Александр Владимирович Плотто еще жив. Bravo! Мы обязательно почтим память его деда на кладбище в Пирее. И Плотто, и Ширинская — дети командиров эсминцев. Отец Плотто командовал «Гневным», отец Ширинской — «Жарким»...

Вечером в салоне «Амбасадор» прошел концерт академического ансамбля «Боян». Играли Рахманинова (случайно или неслучайно), но именно Рахманинова — беженца из России и покровителя русских эмигрантов.

Ирина Крутова, донская казачка и великолепная вокалистка... Ах, рояль в открытом море! Рахманинские пассажи в Адриатическом море... Легкая дрожь судовых машин вплеталась в ритм великоклассической музыки... Нам бы так на боевой службе в Средиземном море!

А Крутова брала круто — вот вам Стенька Разин:

Из-за острова на стрежень,
На простор крутой волны...

И опять на злобу дня: из-за острова на Мальту... Нет, сначала на Бизерту. Но все же на простор морской волны...

Музыкальный вечер изначально должен был быть посвящен творчеству Рахманинова и Плевичкой. Но эмигрантская часть нашего отряда воспротивилась: Плевичка замешана в деле похищения генерала Миллера. Возможно. Ни одна из песен Плевичкой на вечере не прозвучала.

Однако и на генерале Миллере тяжкая вина перед своим северным белым воинством. Он, отправив в последний бой свои поредевшие полки, ушел на ледоколе в Белое море, навсегда покинув Архангельск и свою обреченную армию. При этом не удосужился убедиться, что списки офицеров были уничтожены.

Потом по этим спискам чекисты и швыряли людей в лагерь смерти. Среди них и геройский моряк капитан 2-го ранга Иван Иванович Ризнич, совершивший в российском флоте первое океанское плавание на подводной лодке «Святой Георгий»... А впрочем, это отдельный разговор.

Но кто бы видел, как слушал русские романсы в исполнении Крутовой владыка Михаил!

Идем в Бизерту, в «русский Карфаген»... Ночь. Мутный закат. Справа по борту — огни Таранто. Вдруг подключились сотовые телефоны. Попытался позвонить маме — но сбой по связи. Вот так же обидно было в Бизерте, когда наши торговые моряки, стоявшие с нами в одном порту, разрешили воспользоваться судовым радиотелефоном. Длинные гудки — мамы дома не было.

Любовались с Латыниным закатом. Сидели за столиком променад-палубы вместе с гостем-эмигрантом из Франции, Фредериком Лысенко. Изъяснялись на польском. Кто он — поляк или француз, — он и сам не знает. Однако все же считает себя казаком, поскольку предки были из Полтавы.

16 июля. Ионическое море

Приближаемся к Сицилии. По правому борту — залив Теулада, бывшая позиция нашей подводной лодки! Именно здесь поджидали мы американскую армаду во главе с атомным авианосцем «Нимиц» в июле 1976 года!

Утром в конференц-зале — интереснейший доклад Михаила Якушева о том, как была открыта на Спасской башне Кремля надвратная икона Николы Можайского. Смотрели документальный фильма Елены Чавчавадзе о Праге и наших эмигрантах в ней — «Русский блеск Златой Праги». Название — не в бровь, а в глаз «Легиабанку», в чьих сейфах осела добрая часть золотого запаса России, вывезенного адмиралом Колчаком из Самары.

Обогнули Италию, вошли в Мальтийский пролив. Появились дельфины. Это как сигнал от Нептуна: «Счастливого плавания»!

Перед обедом удалось окунуться в бассейне. Прохладные струи пеленают тело. Нет, истина все же не в вине, истина в воде...

Давно уже не было у меня столь блаженных дней.

В 17 часов — всенощное бдение в память расстрелянной царской семьи.

Главный предмет дискуссий о «екатеринбургском деле» сегодня — не столько идентификация царских останков, сколько историко-политическое осмысление того, что произошло в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года. Что это было? Обыкновенная революционная уголовщина или событие providенческого характера — ритуальное убийство? Гибель «слабого царя» или начало восхождения России на свою Голгофу?

Для верующего человека ответ однозначен: произошло убийство Божиего Помазанника, безропотно разделившего участь того, от имени которого принял Помазание.

Для обывателя тоже все ясно — с исторической арены убрали «слабого царя», который не смог должным образом управлять государством, привел его к революционной катастрофе, за что и поплатился жизнями своей и своих близких.

У меня в книге «Море любви» поведана история великой княжны Ольги и мичмана Воронова. Рассказать на творческой встрече? Ее назначили на завтра. Время неудобное — 21 час. Все устанут после Бизерты, придут немногие... Но история этой высокой и чистой любви, право, стоит не только рассказа, но и художественного фильма.

Море чуть-чуть зашевелилось, и сразу же появились укачавшиеся.

На верхнюю палубу хоть не выходи — духота при полном безветрии. А в районе бассейна, прикрытого со всех сторон, — и вовсе парилка. Запах мокрого дерева, как в сауне.

Перевели стрелки на час назад — входим в часовой пояс Туниса.

Вечером — концерт русского романса: солисты Оксана Петренко и Ирина Крутова. И конечно же, любимый всеми романс — «Отцвели уж давно хризантемы в саду»...

Сегодня на вечерней службе была исповедь. Завтра — причастие.

17 июля. Мальтийский пролив

Утренний молебен. Как всегда, в походном храме одни и те же лица: Якушев, Латынин, князь Трубецкой и почти все потомки русских эмигрантов... Среди них и Павел Лукин — внук того самого Лукина, великолепного рассказчика историй из жизни русского флота в парижских русских изданиях.

Прогноз погоды в Бизерте — сорокаградусное пекло! А у нас столько людей преклонного возраста. Выдержат ли они?

Всё сбилось — на нашем пути за борт яхты выпал человек. Теперь его ищут. Район поиска объявлен запретным для прохода судов. По всем прикидкам, мы придем в Бизерту с опозданием на 6 часов. Таким образом, на всё про всё у нас останется всего три часа. Маловато будет.

Мой творческий вечер отменили, и слава Богу.

На завтраке Виктор Васильевич Петраков познакомил с Галой Монастыревой, родственницей Ширинской и Нестора Монастырева. Она взяла с собой небольшую походную выставку, посвященную русским морякам в Бизерте и своему двоюродному деду — старшему лейтенанту Монастыреву, командиру подводной лодки «Утка». Удивительная, грустная, но все же красивая судьба у этого человека. Выпускник Московского университета добровольцем — юнкером флота — ушел на Черноморский флот, сдал экзамен на офицера, стал подводником — служил на первом в мире подводном минном заградителе «Краб». Ходил на минные постановки к берегам Босфора.

Орден за боевые заслуги ему вручал сам адмирал Колчак. А после октябрьского переворота остался в Севастополе, служил на Белом флоте, участвовал в боевых делах. В дни Русского исхода вывел свою подводную лодку «Утка» в Константинополь, а потом к берегам Туниса — в Бизерту. Там он основал первый в русском зарубежье журнал «Морской сборник».

Из записок Монастырева

«...На четвертый день нашего плавания, 26 декабря в 18 часов 45 минут (1920 года. — Н.Ч.) я вошел в аванпорт Бизерты и отдал якорь. Ранним утром, на следующий день прибывший лоцман повел меня Бизертским каналом к озеру, где против бухты Понти стояли все наши пришедшие ранее суда. Плавание мое было кончено. За это время от Севастополя до Бизерты «Утка» сделала 1380 миль, без поломок и ремонта, все время следуя под своими машинами. Это я должен приписать труду моих офицеров и команды, которые безропотно переносили тяжесть похода, непрестанно думая о скором возвращении к родным берегам. Но судьбе было угодно другое. Почти четыре года простояли мы в этих водах, с тем, чтобы быть, в конце концов, принужденными покинуть наши корабли.

Через три дня по прибытии эскадры в Париж был вызван командующий эскадрой вице-адмирал Кедров. В командование эскадрой вступил контр-адмирал Беренс. Согласно распоряжению французских властей, эскадра стояла в карантине и поэтому никакого сообщения с берегом не имела. Личный состав эскадры, включая женщин и детей, достигал цифры в 5600 человек.

Решался вопрос относительно помещения людей на берегу, с тем, что на эскадре останется сравнительно небольшое число моряков для обслуживания. В начале января этот вопрос решился в том смысле, что все семейные по группам свозились в дезинфекционный пункт, в госпитале Сиди-Абдалла, откуда направлялись для жительства в лагеря устроенные для этой

цели. Лагерей было несколько: Айн-Драгам, Табарка, Монастир, Надор, Рара, Сен-Жан и Эль-Эйчь, разбросанные в разных местах Туниса. Вслед за отъездом семейных были списаны на берег инвалиды и случайный элемент, который находился на эскадре в большом количестве. И кроме того было объявлено, что все желающие могут вернуться в Константинополь, или ехать в Сербию, для чего давался пароход “Константин” Таковых нашлось 1000 человек. Они были уже посажены на пароход, но почему-то отправка не состоялась и поэтому все были размещены в лагерях Надор и Бен-Негро, близ Бизерты. В середине января посланные от эскадры ледоколы привели на буксире оставленные в Константинополе миноносцы “Цериго” и “Гневный”, и, кроме того, пришел бывший линейный корабль “Георгий Победоносец”, остававшийся в Галлиполи, для обслуживания нашей армии. Этот корабль предназначался для помещения семейств офицеров, остающихся на судах эскадры, для ее обслуживания. Для этой цели предполагалось приспособить его, привести в порядок каюты и палубы.

Морской корпус, пришедший на линейном корабле “Генерал Алексеев”, был размещен в форту Джебель-Кебир и лагере Сфаят, предназначенном для семей.

С первых чисел февраля и до 10 марта все суда поочередно прошли через дезинфекцию сернистым газом. Большие корабли вернулись снова на рейд, а миноносцы и вспомогательные суда были поставлены на бочки в бухте Каруба. Подводные лодки встали на базе французских подводных лодок в бухте Понти. Когда мы пришли туда, начальник французского подводного дивизиона капитан 1-го ранга Фабр очень любезно и тепло встретил нас. Командиры пригласили нас бывать в кают-компаниях. Мы были очень тронуты этим теплым отношением к нам и глубоко ценили его.

По соглашению с французскими властями командующий эскадрой разрешил желающим списываться на берег для посту-

пления на частные работы, или имеющие средства для проживания на свой счет. Первое время команда уходила на частные работы в весьма ограниченном количестве, но с началом полевых работ списывание на берег приобрело массовый характер, несмотря на низкую заработную плату, и вскоре число экипажей эскадры стало ниже той нормы, которая была установлена французскими властями, по соглашению с командующим эскадрой.

Оставшиеся на эскадре люди приступили к приведению в порядок судовых механизмов и подготовке кораблей к долговременному хранению.

В это время произошло несколько случаев продажи вещей, принадлежащих кораблям, которая производилась теми элементами, никогда не связанными с флотом и набранными случайно за время эвакуации. Строгими мерами это было прекращено, и эскадра совершенно избавилась от людей, ей чуждых и нежелательных.

В лагерях делалось побуждение со стороны властей, особенно по отношению к людям холостым, в смысле приискания работы. Да многие и сами искали работу, так как жизнь в лагерях была не очень сладкой. Вскоре несколько лагерей были совершенно расформированы и остались те, где жили семьи и инвалиды. С окончанием полевых работ сотни безработных русских снова устремились в Бизерту, для поступления на эскадру, или в Тунис, для приискания работы. Хороший элемент охотно принимался на корабли, в количестве, не превышающем установленной нормы. Для тех же, кто не мог быть принят, французские власти по просьбе командующего зачисляли в лагерь Надор, временно для приискания работы. Для организации помощи и вообще попечения о русских, рассеивающихся по Северной Африке, была образована при эскадре "Комиссия по делам русских граждан в Северной Африке". Но отсутствие денег или, вернее, крайне ограниченные средства едва позволяли делать крайне необходимое»...

Спустя 57 лет — осенью 1976 года — подводная лодка Б-409, на которой я служил, входила с деловым визитом в военную гавань Бизерты. Она ошвартовалась там, где когда-то стояла монастыревская «Утка». Я оглядывался по сторонам — не увижу ли где призатопленный корпус русского эсминца, не мелькнет ли где ржавая мачта корабля-земляка? Но гладь Бизертского озера была пустынна, если не считать трех буев, ограждавших «район подводных препятствий», как значилось на карте. Что это за препятствия, ни лоция, ни карта не уточняли, так что оставалось предполагать, что именно там, неподалеку от свалки грунта, и покоятся в донном иле соленого озера железные останки русских кораблей.

Нашу плавбазу «Федор Видяев» и подводную лодку тунисцы поставили в военной гавани Сиди-Абдаллах, там, где полвека назад стояли наши предшественники.

По утрам по палубной трансляции плавбазы крутили бодрые советские песни. Были среди них и старинные русские вальсы. Вот на их-то рулады, словно птицы на манок, собирались на причале русские старики, те самые, с белой эскадры. Несмотря на то, что «особисты» не рекомендовали общаться с белоэмигрантами, тем не менее судовой радист, откликаясь на просьбы стариков, повторял по несколько раз и «Дунайские волны» и «На сопках Маньчжурии». Знать бы тогда, что совсем рядом жил в припортовом районе такой человек — Анастасия Александровна Ширинская.

А потом нас выпустили в город... Я увидел Бизерту, наверное, такой, какой ее видели наши соотечественники в начале 20-х годов. Мы пришли в старую туземную часть — в медину...

И вот снова, спустя 34 года после нашего визита в Бизерту, я вижу входные створы этой гавани.

В Бизертский порт наш «Одиссей» впустили с большим опозданием: вместо плановых 15 часов мы ошвартовались в 21 час, уже в полной темноте. Время пребывания в городе сократилось

до двух часов. Обидно, но что поделаешь. Мы не туристы. А для проведения панихиды по нашим землякам вполне должно было хватить и этого скудного времени.

Нас поставили у моста через пролив, именно там, где 90 лет назад стояли русские линкоры «Георгий Победоносец» и «Генерал Корнилов». Несмотря на поздний час, на мосту оживленное движение — спала жара.

Едва сошли с трапа на стенку, как в нос ударила чудовищная вонь. Говорят, что это гниют водоросли, но уж явно шибало спущенными в море фекалиями. То же амбре стоит и в городском Въе-Пор (ковше Старого порта). Нашим пожилым дамам стало дурно.

Тремя автобусами мы двинулись через ночной город на старое кладбище.

Главная аллея его была освещена. Среди темно-зеленых кипарисов белели стены мавзолеев, гробниц, склепов, каменные кресты... Где-то в пальмовых кронах затерялся тонкий полумесяц.

Кричал муэдзин с недалекого минарета, по-деревенски брехали собаки. Однако шумновато здесь для вечного упокоения... Но во всю ночную мощь благоухали цветы и деревья, что после портовой вонь наводило на мысль, что наши соотечественники упокоены все же в райском уголке.

Наши священники установили походный аналой, раздули кадило, зажгли свечи и начали литию. Несмотря на поздний час, к нам на кладбище прибыл мэр Бизерты, весьма моложавый и энергичный тунисец.

Бизерта. Ночь. В мерцании свечей
Мы выглядим, почти как привиденья,
Но лития и горький смысл речей
Исполнены особого значенья.

Мы молимся о русских моряках,
О рыцарях Андреевского флага,
Что потеряли Родину в боях,
Но выполнили данную присягу.

Эти только что сложившиеся строки шептал про себя Валерий Латынин...

В самом деле все, что мы сейчас делали, походило на мистику... И привидениями были не мы, а тени погребенных здесь русских моряков, которые почти зримо стояли между нами, в гурбе молящихся соотечественников.

Игорь Горбачев стоял у развернутого Андреевского флага, который мы когда-то освящали вместе с председателем Севастопольского морского собрания Владимиром Стефановским в главном храме Севастополя — Владимирском соборе, усыпальнице адмиралов. Теперь он склонялся над могилами моряков-черноморцев, нашедших вечный приют в африканской земле.

Я сменил Горбачева у флага. Эти минуты почетного караула были для меня совершенно особенными. Никогда еще столько чувств не переполняло душу.

Мы отыскиали черноморцев след,
Чтоб залечить душевные стигматы.
Тунис. Бизерта. Девяносто лет
Трагедии, начавшейся в двадцатом.

Наверное, каждого из нас не покидало ощущение, что ты причастен к живой, не книжной, не академичной, а именно к живой истории, сиюминутно творящейся и притянувшей нас своей мощной волной, которая всколыхнулась здесь 90 лет тому назад... И вот мы все в одном потоке с ними, с теми, кого пришли чтить и поминать...

Настало время возлагать венки. Мы с Горбачевым положим корзину цветов от имени Военно-Морского Флота. Передал древко Андреевского флага князю Трубецкому, подхватили с коллегой невесомую плетенку и поставили ее на постамент памятника. Взяли под козырек и развернулись через левое плечо, сделать четко в тесноте толпы это не удалось, но все же воинский ритуал исполнили.

Помним вас, черноморцы смутных годов! Знаем вас поименно! Мы пришли к вам в ваше изгнание, чтобы забрать вас на родину хотя бы в поминовении...

В толпе раздавали свечи, и вот уже затеплились десятки огоньков. Началась лития. Молитвы пели в темноте, слегка развеянной горящими свечами. Эта ночная панихида впечатляла намного больше, чем если бы она творилась при жгучем дневном свете.

Снова заголосили муэдзины, и, как нарочно, откликнулись на их громкие крики из радиорепродукторов умолкнувшие было собаки. Наша общая молитва с трудом пробивалась сквозь эту какофонию. Но таковы реалии здешней жизни...

Радуют глаз ровные дорожки и ухоженные могилы русских моряков. Но я-то помню иное зрелище: расколотый мрамор, разбитые плиты, зияющие дыры в земле, обломки крестов и почти нечитаемые эпитафии. Кладбище русских моряков долгие годы было заброшено. У Анастасии Александровны Ширинской не хватало сил, чтобы одной обиходить десятки могил, уследить за ворами и вандалами. У советского же посольства для увековечивания памяти «белоземigrants» денег, разумеется, не находилось. Но, слава Богу, Россия еще не оскудела совестливыми людьми.

Первым, кто по-настоящему привлек внимание российской общественности к проблеме бизертского кладбища, был севастополец Владимир Стефановский, в прошлом офицер-подводник Северного флота. В год 300-летия Российского флота

он организовал поход памяти на яхте «Петр Великий», которая в осеннюю непогоду прошла по маршруту Русской эскадры от Севастополя через Стамбул и Наварин до Бизерты.

Затем кинорежиссер Сергей Зайцев снял замечательный фильм о судьбе русской колонии в Бизерте — «Лики Отечества». С немым укором для всех нас проплывали на экране под грустный старинный вальс изуродованные, разбитые могилы наших моряков... Из этой ленты мы узнали, что дело восстановления русского кладбища упирается в нежелание местных властей давать работу иностранным рабочим, то есть реставраторам из России. «Заплатите нам, и мы сделаем все в лучшем виде». Платить предлагалось немало. Стало ясно, что методом «всенародного субботника» проблему не решить.

И в Москве, и в Санкт-Петербурге начали возникать всевозможные общественные фонды по спасению русского погоста. В Бизерту зачастили делегации и отдельные энтузиасты, но, как говорится, воз и ныне там, воз с грузом последнего долга и тяжести вины за беспамятство и небрежение к отеческим гробам.

И вот однажды за дело взялся руководитель миссии «Память Бизерты» московский писатель Сергей Власов. Начал он с того, что подготовил к печати и сумел найти средства на издание уникальной книги, составленной из воспоминаний тех, кто пережил исход и «последнюю стоянку» Русской эскадры. Презентация однотомника «Узники Бизерты» состоялась в Морской библиотеке Севастополя. Книга вызвала заметный резонанс не только в столице Черноморского флота, но и в Москве, Санкт-Петербурге и даже Париже, где еще жили выходцы из «русского Карфагена». Адмирал Игорь Касатонов, председатель фонда «Москва — Севастополь», заявил, что берет под свою эгиду «бизертский проект». Однако Власов не довольствовался адмиральским заверением и деятельно продолжил свой подвижнический труд. С небольшой группой единомышленников

он летит в далекую Бизерту, обследует запущенное кладбище, составляет план русских захоронений, уточняет у Анастасии Ширинской стертые временем имена. Он встречается с вице-мэром Бизерты и получает от него полную поддержку.

— Если эти заброшенные и полуразрушенные могилы позор для России, — сказал вице-мэр, бывший ученик Анастасии Александровны Ширинской (она всю жизнь преподавала математику в местном лицее), — то для Туниса это позор вдвойне... И если сюда придут ваши моряки, чтобы восстановить надгробья своих соотечественников, так, как это сделали французы, англичане, американцы, сербы, то мы поможем преодолеть все формальности.

И в лице посла России в Тунисе Вениамина Попова Сергей Власов также нашел влиятельного союзника. Вернувшись в Москву, писатель стал искать специалистов-реставраторов, которые смогли бы уже сейчас приступить к проектным работам, и нашел их... в морском порту Новороссийска. Начальник порта — Виктор Попов — взялся выполнить почетный заказ — изготовить и переправить в Бизерту три десятка достойных надгробных памятников.

Президент Туниса Бен Али выразил желание встретиться с Сергеем Власовым, чтобы поставить последние точки над «i» — русские кресты под пальмами и кипарисами Бизерты. Траву забвения лучше всего полоть вместе.

Могилы русских моряков, погребенных на чужбине, рассеяны за триста лет наших войн и дальних походов по всему миру. Прах одних покоится в прибранных некрополях, как в японских городах Хакодате и Мацуяма, где упокоены защитники Порт-Артура, умершие от ран в плену. Другие, как экипажи крейсеров «Жемчуг» и «Пересвет», погибшие в годы Первой мировой войны, лежат под мраморными обелисками в Маниле и Порт-Саиде... Худо-бедно, но почти все зарубежные военные захоронения находились под присмотром Министерства обо-

роны СССР. Все, кроме Бизерты, объявленной советской пропагандой «черной страницей» Черноморского флота. О русском некрополе в Бизерте не желали знать ни Министерство обороны СССР, ни МИД, ни советское посольство в Тунисе. Для них это были «белогвардейцы», врангелевцы, а значит, заклятые враги.

Волна всенародной памяти, поднятая историческими романами Валентина Пикуля, публицистикой других писателей, заставила вспомнить и Бизерту. И вот итог, подведенный скрупулезными газетными строчками:

«Президент Туниса принял решение о восстановлении русского кладбища в Бизерте. За этим благородным шагом — многолетняя работа общественного комитета “Миссии памяти в Бизерте”, созданного московским писателем Сергеем Власовым и летчиком-космонавтом Алексеем Леоновым».

К сожалению, Сергея Власова, совершивший свой подвижнический труд, больше нет среди нас. В феврале 2012 года в расцвете сил и новых замыслов он скоростно скончался. Я взял горсть бизертской земли и для его могилы на московском кладбище.

* * *

Среди немногих книг, взятых мною в поход, — томик Анастасии Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка». Для меня он сейчас как путеводитель по времени. То и дело листаю страницы, делаю закладки...

В те «...сумбурные времена все казалось проще, и никто ни на что уже не жаловался, — вспоминала Анастасия Александровна. — Надо было жить день за днем. Тяжелее было сиротам, которые ничего не знали о своих родителях. Корпусные власти ими занялись. Некоторые, как Коля Полетаев, получают хорошее образование.

Наше убежище — “Георгий Победоносец” — все еще считался военным кораблем. Правда, его командир адмирал

Подушкин был очень мягким со своим экипажем. Помню, что он часто беседовал с мамой на скамеечке в тени тента, который летом натягивали на спардеке.

Андреевский стяг все еще развевался на корме. Детьми мы часто присутствовали при спуске флага и очень дорожили нашим морским воспитанием. Грести в канале, сидеть за рулем, безусловно причалить — все это было для нас очень важно. В разговорной речи мы правильно употребляли морские термины и чувствовали легкое презрение к тем, кто их не понимал.

Конечно, наши друзья кадеты очень поощряли нашу преданность всему морскому. По субботам они часто спускались со своей горы. Летом, когда темнело, мы усаживались на палубе под звездным африканским небом, и часами длились наши разговоры. Не удивительно, что мы знали все, что происходит в Сфаяте или в казематах Джебель-Кебира.

Этот форт в начале 1921 года был предоставлен Морскому корпусу французскими властями. Первым в нем обосновался капитан I ранга М.А. Кителин со своей знаменитой Первой Владивостокской ротой. Они пережили агонию Морского корпуса в Петрограде и исход из Дальнего Востока. Они пересекли в исключительно тяжелых условиях океаны и моря, чтобы добраться до Севастополя в часы эвакуации Крыма. В Бизерте с помощью французских военных они подготовили форт для младших братьев, оставшихся на “Алексеев”

Стены Джебель-Кебира, который посетил в 1900 году адмирал Бирилев, станут последним убежищем Севастопольского Морского корпуса. Все кадеты, маленькие и большие, говорили о Кителине с большим уважением. Михаил Александрович всецело посвятил себя воспитанию учеников и организации их жизни в Кебуре.

У подножия горы лагерь Сфаят приютил семьи.

Наши сверстники, младшие кадеты, очень часто рассказывали о том знаменательном дне, когда, покинув “Алексеев” на

французском буксире, они высадились в Зарзуне, чтобы идти... в Кебир. Каждый мог что-нибудь рассказать об этом походе с мешком за спиной и в тяжелых военных сапогах. Взвод сенегальцев под командованием французского лейтенанта проводил их до бани в военный лагерь. Больше часа под жарким солнцем, но хороший душ, чистое, прошедшее дезинфекцию белье — и усталости как не бывало! Увы, надо было двигаться в обратный путь — вдвое длиннее и мучительнее первого, ибо шел он в гору до самого Джебель-Кебира.

В первый раз сажались кадеты на паром, чтобы переплыть канал, в первый раз, к удивлению прохожих, шагали они по улицам Бизерты и, пройдя весь город, вышли на шоссе. Оставалось пройти еще километров пять, на этот раз под проливным дождем. “Гора Джебель-Кебир, — объяснял французский офицер, — по высоте равна Эйфелевой башне”

Бедный, такой вежливый лейтенант!.. Он шел рядом с капитаном (2-го ранга. — Н.Ч.) Бергом, в то время как большой черный солдат вел его вороного коня под желтым седлом. Никто из кадет не мог подозревать, как неловко чувствовал себя молодой офицер. Он знал, что находится здесь, чтобы следить за возможными носителями “вируса большевизма”

В архивах, теперь открытых для публики, имеется письмо командующего французским оккупационным корпусом в Тунисе генерала Робийо (Robillot) к генеральному резиденту в городе Тунис господину Кастильон Сен Виктору (de Castillon Saint Victor) от 16 декабря 1920 года с докладом, “...что морской префект имеет в своем распоряжении только военные патрули для поддержания порядка у людей, зараженных большевизмом” Тем же числом французские власти Туниса просили Париж прислать “...специального агента для наблюдения за русскими революционными кругами. Для усиления мер безопасности в Бизерте в ожидании прибытия эскадры сформирована бригада из четырех полицейских под командой Гилли (Guilli)”

И в то время как французское командование задавало себе столько тревожных вопросов, молодой лейтенант видел только измученных мальчиков, борющихся с потоками рыжей грязи...»

Книга книгой, но многое сохранилось в памяти из живых рассказов Ширинской за чашкой чая:

— В арабской части города был Русский дом, где собирались моряки со своими женами. Офицеры приходили в безукоризненно белых отутюженных кителях, даром что с заплатами, аккуратно поставленными женскими руками.

* * *

Анастасия Александровна Ширинская скончалась 21 декабря 2009 года, в день рождения Сталина. Ее погребли рядом с могилой отца. Памятник еще не поставлен, и земля на могиле свежа. Она приняла в себя множество свечей, горевших на панихиде, и теперь она просто пылает — огненная земля! Вокруг невысокого холмика — цветы в горшочках и российские флажки.

Взял горсть с ее могилы для Марины в Севастополе — ведь их немало связывало и при жизни.

Говорят, в доме на улице Пьера Кюри теперь временный музей, туда водят экскурсии. Хорошо бы, если бы он стал постоянным музеем, обрел бы защиту и покровительство в лице российских дипломатов или Русской православной церкви.

* * *

Возвращаемся в порт. Ночь милосердно спасла нас от дневного пекла. Все промыслительно: чья-то рука отвела от нас все второстепенное, всю суету с протокольными визитами, экскурсиями, покупкой сувениров, осталось самое главное, ради чего мы и пришли, — паломничество к русским камням, к нашим святыням, единение душ. Впрочем, штаб нашего похода все же

успел нанести протокольный визит к мэру Бизерты и вместе с ним успел приехать на кладбище к началу литии.

На ночной панихиде я стоял рядом с Ростиславом Доном и, поглядывая на него, пытался понять, что у него сейчас на душе. Ведь здесь, в Бизерте, прошла часть его детства...

Мой коллега Алексей Ломтев подробно расспросил Ростислава Всеволодовича о его судьбе и жизни:

— Я родился в тысяча девятьсот девятнадцатом году в Севастополе, — голос Дона, глуховатый и совсем тихий, заставлял вслушиваться, вникать. Словно старую первую звуковую кинохронику смотришь или вслушиваешься в граммофонную речь... — Мой отец был морским офицером, капитаном 2-го ранга, который воевал во время Первой мировой войны против немцев. После революции поступил в Добровольческую Белую армию, сражался с большевиками.

Ну, как всем известно, Белая армия после трехлетней борьбы должна была покинуть страну, и эта эвакуация произошла в ноябре 1920 года из Севастополя и из Керчи. Таким образом, началась новая судьба моей семьи. Мне тогда был всего один год, но мой отец взял семью, погрузил на свой корабль 3 500 воинов и в составе Русской эскадры отправился в Константинополь. Потом его перевели на другой корабль... Тогда был подписан договор между Врангелем и французским правительством, по которому весь русский флот, который пришел из Севастополя в Константинополь, переведен в Бизерту — французский порт в Тунисе. Так для многих-многих русских началась совершенно новая жизнь за границей, в очень тяжелых условиях.

Флот в Бизерте оставался пять лет, потому что по соглашению французское правительство его содержало — была у всех надежда, что большевистская власть не продержится долго и будет возможность вернуться в Россию. Но эта надежда постепенно исчезала, и когда в 1925 году французское правительство признало советскую власть, флот был распущен, но не был отдан

советскому правительству, как сначала предполагалось, а был распродан.

Для моей семьи эмиграция и жизнь в эмиграции началась сразу после прибытия в Бизерту, где наша семья оставались всего несколько месяцев, так как корабль отца был продан одним из первых. И отец был переведен в Марсель, в Ниццу, потом — Париж. Чем только ни приходилось заниматься эмигрантам того времени. На полях Верденской битвы (или, как ее тогда называли, «верденской мясорубки») отец разряжал газовые снаряды, которые остались во многих местах вокруг Вердена, где произошло это продолжительное сражение. Потом работал электриком недалеко от Парижа. В Париже много было русских, которые эмигрировали после революции, очутились во Франции. И можно сказать, что Париж стал до известной степени маленьким русским центром для многих изгнанников.

Тогда были созданы разные объединения, Морской клуб, который позднее стал Морским собранием и много других разных организаций. В эмигрантской среде появилось множество интереснейших людей; среди них можно назвать Бунина, который стал нобелевским лауреатом, Мережковского, Тэффи, историка Алданова. Был здесь «Русский балет» Дягилева, который имел мировую репутацию, балетмейстер Лифарь, замечательные артисты оперы, и, конечно, все помнят Шаляпина...

Собеседник мой совсем ушел в себя и говорил уже не со мной, а со своим прошлым. С историей. Впрочем, для меня это была история «вообще», а для него — история семьи, история собственного рода.

— До 1929 года еще можно было переписываться с Россией. Мои родители писали и получали письма, в которых можно было, конечно, кратко и очень осторожно, давать сведения. Но это прекратилось в 1929 году, и тогда всякая связь с Россией оборвалась.

В 1934 году мы узнали, что по приказу Сталина арестовали почти все близкие нам семьи, которые еще оставались в Петербурге. Там жила моя родная бабушка (Ольга Дон) по отцу и его сестра. Они смогли пережить революцию, потому что моя тетя работала в Техническом институте, имела известную репутацию, и ее оставили в покое. А вот дедушка Павел Дон умер в Петропавловской крепости. Его арестовали в 1917 году, потому что он был генерал-майором. Бабушке посчастливилось умереть своей смертью дома, а вот тетя Таня (Татьяна Дон) исчезла в ГУЛАГе, ее следов мы так и не нашли.

Мы с сестрой росли, жили по русским традициям и французским законам; и в конце концов эмигрантские семьи должны были принять решение — взять или нет французское подданство.

Это было трудное решение. Мои родители, как и многие эмигранты, были очень преданы России, были православными, соблюдали все традиции, связанные с православной религией. Моему отцу — военному и дворянину... ему было тяжело расстаться с присягой, которую он когда-то дал Государю. Но, в конце концов, как и многие эмигранты, он смирился и принял французское подданство ради нас — детей. Чтобы мы смогли бы устроить свою жизнь в лучших условиях. Например, без французского подданства я не смог бы поступить на государственную службу. А я тогда как раз очень интересовался дипломатией. Так что, оставаясь в душе русскими, мы в 1938 году получили французское подданство...

— Дон рассказывает печальную сагу об эмигрантской доле своей семьи, — резюмирует Алексей Ломтев, — шелестит бумагами, старыми фотографиями, пожелтевшими документами, он очень надеется, что это все не пропадет, не исчезнет, не истлеет, как никому не нужный хлам. Он очень надеется, что русские, оторванные когда-то от Родины, нужны ей — России. Может быть, он не все понимает в нынешней, такой быстрой, непред-

сказуемой, порой жестокой действительности. Может быть, он не по-современному романтичен и наивен в своих представлениях о новой России. Но он надеется. И это то, что было воспитанно в нем его отцом, и жило в нем все эти девяносто с лишним лет... Мы еще не раз присядем с ним на диванчике в одном из холлов лайнера, пока он бороздит моря — Бизерта, Лемнос, Галлиполи, Константинополь... — и он дорасскажет мне свою семейную сагу. И меня все время будет мучить все тот же вопрос. Столько бедствий, смертей, обид, изгнаний, рухнувших надежд и поломанных судеб — ради чего?!

Мне еще предстояло услышать интереснейшие доклады князей Голицына, Шаховского и Чавчавадзе, побеседовать с интеллигентнейшим, интереснейшим человеком графом Капнистом, посмотреть замечательные фильмы Елены Чавчавадзе, тепло «озвученные» Никитой Михалковым, поучаствовать в молебнах над русскими могилами, на долгие «советские годы» забытыми в чужих землях, пересмотреть вороха документов — немых и таких говорящих свидетелей Исхода двадцатого года, когда от большой России откололся и ушел на чужбину айсберг русской эмиграции... А ночами я сидел в каюте и под плеск средиземноморской волны за иллюминатором читал строчки Дона: «Последнее прощание с родиной происходило в трагической жуткой обстановке. Мы погрузились на транспорт “Поти”... К нам водворилось три с половиной тысячи человек. Перегруженный корабль шел с креном... Воды было очень мало, ее выдавали крохотными порциями, люди страдали от жажды... Многие на корабле заболели тифом. Дети плакали, кашляли безостановочно...»

Я представил себе все это: бурное море, ненадежный перегруженный транспорт «Поти», голод и холод, и неизвестность впереди. И среди этого вавилонского столпотворения — маленький мальчик, которому суждено было ждать рейса в обратный путь ровно девяносто лет... И он дождался, вопреки всем превратностям судьбы!

* * *

Бизерта — ровесница Карфагена. Побывав в Бизерте в 20-е годы, Сент-Экзюпери назвал ее «русским Карфагеном». Но она стала невольным побратимом Севастополя. Потом в ее гавани укрывался еще и испанский флот в годы Гражданской войны в Испании. Воистину Бизерта — пристанище беглых флотов...

Из поэтической тетради Валерия Латынина:

Дай, Господи, не ведать никогда
Братоубийства православным людям!
Пусть давняя кровавая вражда
Потомкам нашим в назиданье будет!

Так же, как на их беженских пароходах и кораблях, на нашем лайнере собраны люди самых разных профессий и сословий: тут и историки, и военные, и духовенство, и казаки, и деловые люди, и артисты, и художники, и профессура, и врачи, и чиновники разных ведомств, и просто мастеровые...

Ушел из Крыма Черноморский флот
С молитвой о спасении России.
Жаль, что никто до дня не доживет,
Когда о них молитву возгласили.

Из записок Нестора Монастырева:

«Тем не менее положение эскадры было много лучше, чем положение армии, которой пришлось очень тяжело. Главнокомандующий хлопочет о переводе ее в Балканские страны, что ему и удалось. Впоследствии она была переведена в Сербию и Болгарию.

События в Кронштадте (Кронштадтский мятеж. — Н.Ч.), имевшие место в марте и апреле, сильно волновали всех. Надеялись, что Балтийский флот стряхнет с себя красное

иго. Мы с волнением следили по газетам за развивающимися событиями, но, увы, восстание было подавлено раньше, чем можно было этого ожидать. С течением времени жизнь на эскадре постепенно наладилась. Работы на кораблях, несмотря на недостаток людей, шли интенсивно. Делалось все, что было возможно при скудных средствах и недостаточном снабжении. Семьи чинов эскадры поселились на “Георгии Победоносце”, который был поставлен в канале в самом центре Бизерты. Пищевой паек, выдаваемый французскими властями на эскадру и в Морской корпус, был достаточен. Выдавалось кое-что из белья и обмундирования. Это дало возможность хоть немного приодеться. У многих ничего не было, а деньги отсутствовали совершенно. Начиная с июня месяца чинам эскадры из ее ограниченных средств стали выдавать жалованье. Правда, оно было более чем скромно: 21 франк командиру корабля и 10 франков матросу. Этого едва хватало на табак и кило сахара.

В июле месяце на транспорте “Кронштадт” были случаи заболевания бубонной чумой. Транспорт был уведен в Сиди-Абдалла, изолирован и продезинфицирован. Из его состава умерло 8 человек, на других судах случаев заболеваний не было, и эпидемия далее не распространилась. После этого транспорт был уведен в Тулон и был взят, как плавучая мастерская, во французский флот. “Кронштадт” был прекрасно оборудован как мастерская и имел богатое снабжение всякими материалами. С его уходом эскадра лишилась мастерской, что было очень чувствительно для нее. Приходилось ремонт делать судовыми средствами и только в исключительных случаях обращаться к помощи адмиралтейства.

Что касается личного состава, то для продолжения образования молодых офицеров были организованы подводный и артиллерийский классы. Для поддержания интереса к морскому делу и знакомства с морской литературой после войны

был основан литографический журнал “Морской сборник”, который выходил ежемесячно в течение почти трех лет.

Попытки сделать что-либо в отношении поддержания уровня знаний и заинтересовать личный состав исходили от отдельных офицеров, но, к сожалению, не встречали со стороны командования особого сочувствия. Для этого нужны были энергия и способный к организации начальник, но этого, увы, не было. Нередко попытки предпринять что-то полезное в нашем положении встречали противодействие, что плохо влияло на состав. В этом отношении эскадра была в прямой противоположности к армии, где делалось много хорошего и полезного. Но там была энергия и воля, но на эскадре этого не было.

С Дальнего Востока стали поступать сведения о том, что Приморье очищено от красных. Владивосток занят белыми. Каждый из нас с жадностью ждет новостей и уже мечтает о переходе во Владивосток, мерещится, что-то несбыточное... Но это так понятно в нашем положении. Нужно надеяться, нужно ждать...

В октябре морской префект Бизерты получил приказание сократить личный состав Русской эскадры до 200 человек. Это было равносильно ликвидации. Начались переговоры, длившиеся несколько дней, которые закончились тем, что было разрешено оставить 348 человек. Командующему пришлось согласиться, хотя он не терял надежды увеличить это число путем ходатайства через Париж. 7 ноября было назначено списание, причем морской префект настаивал на скорейшем проведении этой меры. Это приказание было большим ударом для эскадры»...

Но еще большим ударом был приказ французских властей, отданный в угоду большевистскому правительству в Москве, о спуске Андреевского флага. Андреевский флаг спустили с кораблей Русской эскадры торжественно и печально 29 октября 1924 года...

* * *

Привожу два документа.

«Приказ

Вр. и. д. командующего Русской эскадры

Порт Бизерта. Крейсер «Ген. Корнилов»

№ 690

Вследствие сокращения бюджета Французского морского министерства, на иждивении которого находится наша эскадра, морским префектом получено распоряжение из Парижа о сокращении до пределов штатов нашей эскадры.

Неблагоприятно сложившиеся для нас обстоятельства вынуждают меня списать большую часть личного состава, честно и бескорыстно не только заботившегося о сохранении национального достоинства, но и своим трудом доведшего материальную часть его до полной исправности.

Отлично сознавая, что только чувство исполненного долга может служить некоторой наградой за произведенную работу, все же прошу списываемых на берег принять мою глубокую благодарность.

Контр-адмирал Беренс».

«№ 694

Расставаясь с теми, которым выпала доля уйти на берег, я хочу подтвердить им, что эскадра не прощается с ними, что она всегда будет считать их своими. Всем чем может, эскадра всегда поддержит и поможет им.

Затем на основании бывших случаев, дам следующие советы:

1. По приходе в лагерь сразу завести свои строгие порядки, помня, что как бы ни был строг свой, он все же легче, чем более льготный, но введенный из-под чужой палки.

2. При уходе на работы, придется встретиться с недоброжелательством евреев и итальянцев, старающихся бойкотиро-

вать русских и ведущих против них агитацию. Боритесь с ними их же оружием, т.е. сплоченностью и солидарностью. Поддерживайте друг друга. Нашедший хорошее место, старайся пристроить своих. Держитесь друг друга, так как в единении сила.

3. Не верьте всяким слухам о возможности массовой отправки в славянские и другие страны. Когда такая возможность представится, все будут оповещены официально мною или штабом. Пока для поездки туда требуется личная виза.

Контр-адмирал Беренс».

* * *

Ночной ужин на борту. Мидии! Привет от Марины — это ее любимая морская еда.

Три вещи удивили ее в Бизерте: светловолосые мальчишки, сыновья араба-смотрителя кладбища. «Да это праправнуки магрибских пиратов, которые брали в жены светловолосых пленниц».

Второе. Мы стояли на мосту, ветер развеивал золотистые Мариныны волосы. Мимо проезжал автобус, и все черноголовые пассажиры уставились на Марину. Автобус едва не накренился: блондинка в здешних местах равнозначна чуду.

И третье, о чем она всегда рассказывала после Бизерты: мы искали дом Ширинской и спрашивали у прохожих. «О, мадам Ширински!» И нас вели, передавая из рук в руки...

И еще романсы, которая она исполняла по просьбе хозяйки дома для ее подруги-француженки... «Калитку» и «Хризантемы»... Надо было видеть, с какой гордостью поглядывала Анастасия Александровна на свою гостью: вроде, знай наших, вот какие у нас замечательные романсы... Водила нас Ширинская и в местный католический женский монастырь, где у нее было немало подруг. А потом мы поехали на русское кладбище — составлять план для реставрации разбитых и обветшалых

могил. Марина водила ее под руку, а «мисс Русская эскадра» по великолепной памяти называла, кто и под каким камнем лежит. Я чертил план, отпечатал его на компьютере для реставраторов.

БИЗЕРТСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ: КРЕСТЫ И СУДЬБЫ

Вот всего лишь несколько судеб тех, кто прошел Бизерту...

Червинский Всеволод Григорьевич (14.04.1894 — после 1938), лейтенант (в чине по приказу главнокомандующего ВСЮР генерала П.Н. Врангеля, с 28.03.1920, со старшинством с 07.06.1919). Сын члена Государственной думы от Подольской губернии. Окончил Е.И.В.Н.Ц. Морской корпус с производством в мичманы (Высочайший приказ по МВ за № 1453 от 30.07.1915). Во время Первой мировой войны служил на ЧМ. Офицер флагманского корабля «Евстафий», затем дредноута «Императрица Марія» (1915—07.10.1916). Участник противобольшевистской борьбы на Юге России. До эвакуации из Крыма воевал на канонерках белого ЧФ. На 25 марта 1921 года находился в составе интернированной в Бизерте Русской эскадры на транспорте «Кронштадт». В эмиграции проживал в Тунисе. Работал управляющим на свинцовых рудниках около Табарки. Из-за нежелания брать французское гражданство имел осложнения с администрацией. Подписчик издававшегося в Праге «Морского журнала» (1933—1938), член Военно-морского исторического кружка в Париже. Умер в Тунисе и похоронен на кладбище Боржель.

* * *

Афанасьев 3-й Михаил Митрофанович. Родился 1884 году. Поступил в Морской корпус в 1902 году и закончил его в 1905-м. Выпустился мичманом в Черноморский экипаж. Служил в Севастополе. В 1908 году был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст.

1909 году — лейтенант. Православный, женат, 1 сын.

В годы Гражданской войны командовал вспомогательным крейсером «Орел», совершив беспрецедентную одиссею с гардемаринами на борту из Владивостока в Порт-Саид.

Его младший брат Григорий Митрофанович Афанасьев не успел окончить Морской корпус. В ноябре 1920 года он ушел вместе с тысячами беженцев из Севастополя сначала в Константинополь, затем в Бизерту. Там, в русской колонии, был создан Морской кадетский корпус, в котором обучались морскому делу сыновья русских беженцев и офицеров Бизертской эскадры. Сын потомственного моряка Митрофана Афанасьева (у него было десять детей) был выпущен корабельным гардемаринком в 1922 году (второй выпуск) и вскоре, как и некоторые другие однокашники, поступил во французскую военно-морскую школу. Получил чин мичмана французского флота. По всей вероятности, он не стал служить в военном флоте Франции, и был призван в ВМС с началом войны.

Мичман французского флота Григорий Митрофанович Афанасьев погиб 24 мая 1940 года в проливе Ла-Манш. В этот день началась эвакуация британского экспедиционного корпуса из-под Дюнкерка. Сотни судов и кораблей переправляли с материка в Англию солдат и офицеров, которым угрожал рейд немецких танков. Среди прочих кораблей был перегруженный донельзя французский эскадренный миноносец «Chacal» («Шакал»). Над проливом почти непрерывно кружили немецкие бомбардировщики. Они заходили волнами на десантную армаду, пикировали, невзирая на огонь корабельных зениток. Всего за время эвакуации было потоплено 243 корабля и плавающих средства.

Одна из бомб угодила в «Шакал». Эсминец стал тонуть. К нему подошла баржа. На нее стали переводить перепуганных, ищущих спасения солдат. Эсминец тонул. Надо было продержаться хотя бы с четверть часа, чтобы все пассажиры

перебрались на баржу. Среди тех, кто боролся за живучесть корабля, был немолодой мичман Григорий Афанасьев. Он так и держался до последнего, уйдя на дно Ла-Манша вместе со своим кораблем.

Французское правительство наградило его посмертно орденом Почетного легиона.

Имеются точные координаты места гибели отважного офицера.

СПИСОК РУССКИХ МОРЯКОВ, ПОГРЕБЕННЫХ В БИЗЕРТЕ И ТУНИСЕ

Капитан 1-го ранга Гаршин Михаил Юрьевич (1882—1942 (1943). Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Участник Русско-японской войны — обороны Порт-Артура.

Кавалер орденов: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4-й ст. с мечами и с бантом, Св. Станислава 3-й ст. с мечами. Серебряная медаль Италии за оказание помощи пострадавшим на о-вах Сицилии и Калабрии от землетрясения в 1908 году.

Капитан 1-го ранга Гильдебрандт Георгий Федорович (1882—1943-?). Офицер Черноморского флотского экипажа. Старший офицер линкора «Ростислав», командир посыльного судна ЧФ «Колхида». Окончил Морской кадетский корпус в 1901 году участник Русско-японской войны.

Кавалер ордера Св. Анны 3-й ст. с мечами и с бантом, серебряная медаль Италии за оказание помощи пострадавшим на о-вах Сицилии и Калабрии от землетрясения в 1908 году.

Капитан 1-го ранга Лебедев Виктор Иванович (1881—25.02.1944). Командир эсминцев ЧФ «Гневный», «Живой», старший офицер линкора «Ростислав», начальник 5-го дивизиона эсминцев ЧФ. Окончил Морской кадетский корпус. Участник Русско-японской войны.

Кавалер золотого Георгиевского оружия (1915), орденов: Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст., Св. Владимира 4-й ст. с мечами и с бантом.

Капитан 1-го ранга Потапьев Владимир Алексеевич (1882—7.12.1961). Исполнял должность старшего флагманского офицера штаба начальника Учебного отряда ЧФ.

Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст., Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость».

Капитан 1-го ранга Мордвинов Константин Владимирович (1875—1948). Начальник 6-го дивизиона миноносцев ЧФ. Окончил Морской кадетский корпус в 1895 г. Был старшим офицером линкора «Георгий Победоносец».

Кавалер ордена Св. Владимира 4-й ст. с мечами и с бантом.

Капитан 2-го ранга Афанасьев Юлий Леонидович (1887—19.12.1929).

Офицер Черноморского флотского экипажа .Кавалер ордена Св. Станислава 3 ст.

Капитан 2-го ранга Бирилев Вадим Андреевич (1886—15.10.1961).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус.

Кавалер ордена Св. Анны 3-й ст. с мечами и с бантом, серебряная медаль Италии за оказание помощи пострадавшим на о-вах Сицилии и Калабрии от землетрясения в 1908 году.

Капитан 2-го ранга Гутан Николай Рудольфович (1886-?). Старший офицер крейсера ЧФ «Прут». Окончил Морской кадетский корпус в 1907 году. Кавалер орденов: Св. Анны 3-й ст. с мечами и с бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами.

Капитан 2-го ранга Кублицкий Александр Иванович (1884—18.10.1946). Офицер Гвардейского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус.

Кавалер орденов: Св. Анны 3-й ст., Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й ст. с мечами.

Капитан 2-го ранга Ланге Александр Карлович (1887—1949). Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус. Кавалер орденов: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и с бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и с бантом, серебряная медаль Италии за оказание помощи пострадавшим на о-вах Сицилии и Калабрии от землетрясения в 1908 году.

Капитан 2-го ранга Романовский Владимир Николаевич (1885—13.10.1921). Флагманский офицер Штаба командующего отдельным практическим отрядом Черного моря. Окончил Морской кадетский корпус в 1905 году. Кавалер орденов: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и с бантом, Св. Владимира 4 ст. с мечами и с бантом.

Капитан 2-го ранга Юрьев Вячеслав Георгиевич (1883—23.09.1958). Начальник партии траления минных заградителей ЧФ. Окончил Морской кадетский корпус в 1903 г. Кавалер орденов: Св. Анны 3-й ст., Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и с бантом.

Старший лейтенант Гаттенбергер Николай Федорович (1891—23.04.1967). Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1912 г. Кавалер орденов: Св. Анны 3-й ст. с мечами и с бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

Старший лейтенант Давыдов Евгений Евгеньевич (1891—?) Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1913 г. Кавалер ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и с бантом.

Старший лейтенант Митрофановский Аркадий Сергеевич (1884—11.10.1956). Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1916 г.

Старший лейтенант Манштейн Александр Сергеевич (1888—02.02.1964). Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Прапорщик флота с 1909 г. — окончил Морской

кадетский корпус. В 1910 г. переаттестован в мичмана. Кавалер ордена Св. Анны 3-й ст. с мечами и с бантом.

Старший лейтенант Медведев Сергей Иванович (1886—?). Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1907 г. Кавалер ордена Св. Анны 3-й ст., серебряная медаль Италии за оказание помощи пострадавшим на о-вах Сицилии и Калабрии от землетрясения в 1908 году.

Старший лейтенант барон фон дер Ропп Александр Эдуардович. Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1908 г. Кавалер орденов: Св. Анны 3-й ст. с мечами и с бантом, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и с бантом, серебряная медаль Италии за оказание помощи пострадавшим на о-вах Сицилии и Калабрии от землетрясения в 1908 году.

Старший лейтенант Ропп Федор Логарович. Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1910 г. Кавалер ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

Лейтенант Керсенов Анатолий Владимирович (1891—20.12.1950). Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1914 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Морской корпус просуществовал в Бизерте до 1925 г. При эвакуации он имел 235 гардемарин, 110 кадет, 17 офицеров-экстернов, 60 офицеров и преподавателей. За время его существования через корпус прошло 394 человека, 300 из которых получили аттестаты. Последний выпуск был сделан в июне 1925 г. Его директором был адм. Герасимов.

Крымский кадетский корпус провел через свои ряды более 1000 кадет (до 75 % его кадет в Крыму участвовали в боях, из них 46 георгиевских кавалеров) и 150 чинов персонала. При

эвакуации он насчитывал 650 кадет (в т.ч. 108 воспитанников Феодосийского интерната) и 37 чинов персонала, к моменту закрытия — 250 и 44 соответственно. 103 кадета перешло в Донской корпус, остальные — в Русский. Умерло 5 чинов персонала и 27 кадет. Полный курс окончили 604 (616) кадета. Из них 85 (по неполным данным 122, а всего из учившихся 158) затем окончили университеты, 3 — Белградскую академию художеств, 1 — балетную школу, 64 — Югославскую военную академию (1 — французское и 2 — румынское военные училища), 56 — курсы при артиллерийском заводе в Крагуеваце, 43 — геодезические курсы (4 — геодезическую школу), 66 выпускников поступили в Николаевское кавалерийское училище, 4 — в Сергиевское артиллерийское (1241). Его директорами были генерал-лейтенант В.В. Римский-Корсаков и генерал-лейтенант М.Н. Промтов, инспекторами классов — полковник Г.К. Маслов и действительный статский советник А.И. Абрамцев.

МАЛЬТА

18 июля. Тунисский пролив

Утро встретили в море. За шторой буйствовало летнее средиземноморское солнце, распахнул ее и залил каюту ослепительным светом.

До Мальты от Бизерты всего ничего. Может быть, в Ла-Валетту придем во время — наверстывай, капитан, упущенное время!

Наш «Одиссей» — теплоход румынской постройки. Год рождения — 1974-й. По корабельным меркам — старичок, конечно, несмотря на внешний лоск, — 36 лет. Но держится браво.

Часы перевели на час вперед. Идем хорошим ходом!

В 9.30 мое выступление о роли Мальты в русском исходе, о героическом походе тральщика «Китобой».

С темой нашего похода Мальта связана двумя эпизодами: заходом на ремонт эсминца «Жаркий» и тральщика «Китобой».

Андреевский флаг... Белое полотнище с синим крестом, подчеркнутым из угла в угол, как гласит предание, рукой Петра. Во всяком случае, утвержденное создателем регулярного русского флота в качестве главного стяга — корабельного знамени. За двести с лишним лет этот флаг осенил все главные победы нашего флота — Гангут, Чесма, Наварин, Синоп... Лишь однажды легла на него тень — после сдачи нескольких кораблей эскадры адмирала Небогатова на милость японцам. На военно-морском суде Кронштадского порта в 1906 году прозвучали суровые, но полные державного смысла слова: «Воин должен уметь умирать, спасая честь Андреевского флага».

Эта заповедь, идущая от Петра, много раз подтверждалась в ходе Великой или второй Отечественной войны, как называли в России Первую мировую.

Новая героическая страница из истории нашего флота и флага открылась нежданно-негаданно лишь тогда, когда в конце 1990-х годов из американского города Лейквуд прибыл в Москву морской контейнер с уникальными архивными материалами общества русских эмигрантов «Родина». В заключительном номере журнала бывших офицеров российского императорского флота «Морские записки», номере, совершенно неизвестным нашим историкам, и была обнаружена эта хроника удивительной одиссеи сторожевого корабля «Китобой» (более известного как тральщик, хотя тралением мин он никогда не занимался вследствие большой осадки).

Потом «всплыл» и фотоальбом с редчайшими снимками «Китобоя» и членов его команды. Фотографии были сделаны, видимо, сотрудником русского посольства в Дании при стоянке «Китобоя» в Копенгагене. Любовно оформленный альбом автор передал в дар командиру корабля, имя которого уже прогремело в столице датского королевства.

Большому кораблю — большое плавание. А малому? Вопреки присловью и Морскому регистру маленький «Китобой» проделал большой и опасный одиночный поход, оставив за кормой воды Балтики, Северного моря, Атлантического океана, Средиземноморья, наконец, Черного моря...

Свою необычную одиссею «Китобой» начал 13 июня 1919 года, когда под брейд-вымпелом начальника дивизиона, бывшего лейтенанта Николая Моисеева, нес дозорную службу на подходах к Кронштадту между маяками Толбухиным и Шепелевым. Командовал «Китобоем» бывший мичман Российского флота, а тогда военмор Владимир Сперанский.

Воодушевленные успешным наступлением русской Северо-Западной армии на Петроград, бывшие офицеры без особого труда убедили команду перейти на сторону белых. И «Китобой» рванул самым полным навстречу трем английским кораблям, входившим в бухту. Вопреки ожиданиям Моисеева, англичане встретили «Китобой» отнюдь не самым лучшим образом.

Историк белого флота Николай Кадесников свидетельствовал: «Англичане буквально ограбили сдавшийся им корабль, причем не были оставлены даже личные вещи офицеров и команды, и через несколько дней передали тральщик, как судно, не имеющее боевого значения, — в распоряжение Морского управления Северо-Западной армии...»

Морское управление, во главе которого стоял контр-адмирал Владимир Пилкин, находилось в Нарве. Помимо танкового батальона, дивизиона бронепоездов и полка Андреевского флага оно располагало крошечной флотилией из четырех быстроходных моторных катеров, приведенных капитаном 1-го ранга Вилькемом из Финляндии. «Китобой» стал ее флагманом. На нем поднял свой брейд-вымпел командующий речной флотилией, участник Цусимского сражения капитан 1-го ранга Дмитрий Тыртов.

Весь экипаж тральщика, за исключением механика и нескольких специалистов, перевели в полк Андреевского

флага, куда списывали всех неблагонадежных, в том числе и тех, кто служил когда-то у красных. Туда же попал и лейтенант Моисеев. Мичмана Сперанского отправили в Ревель в так называемый 5-й отдел Морского управления, который занимался разгрузкой пароходов, доставлявших Северо-Западной армии оружие, боеприпасы и обмундирование из Англии.

Судьба же лейтенанта Моисеева печальна. Часть полка Андреевского флага перебежала к красным, захватив с собой офицеров. Моисеев вместе с лейтенантом Вильгельмом Боком был выдан в ЧК. «Труп Моисеева, — пишет Н. Кадесников, — был вскоре найден белыми. Погоны на его плечах были прибиты гвоздями — по числу звездочек». В момент гибели ему не исполнилось и 33 лет.

Судьба мичмана Владимира Ивановича Сперанского тоже печальна. В 1945 году он был насильно репатриирован из Чехословакии в СССР, арестован и спустя пять лет умер в Казанской тюрьме.

Самый интересный период жизни «Китобоя» связан с его новым командиром — лейтенантом Оскаром Ферсманом, выпускником Морского корпуса 1910 года. Но об этом, собственно, и рассказывает небольшая брошюра, выпущенная в свет благодаря стараниям ныне покойного военного историка Владимира Лобыцына. До ее выхода в свет о подвиге «Китобоя» нам было известно разве что из поэмы эмигрантского поэта Арсения Несмелова, написавшего и опубликовавшего поэму о «Китобое» в двадцатые годы во Франции.

27 февраля 1920 года маленький корабль вышел на внешний рейд Копенгагена. О том, что произошло дальше, лучше всех рассказал поэт русского зарубежья Арсений Несмелов:

...И с волною невысокой споря,
С черной лентой дыма за трубой, —
Из-за мола каменного, с моря

Входит в гавань тральщик «Китобой».
И сигнал приказывает строго:
«Русский флаг спустить». Якорь отдан.
Но, простой и строгий,
Синий крест сияет с полотна;
Суматоха боевой тревоги
У орудий тральщика видна.
И уже над зыбью голубую
Мчит ответ на дерзость, на сигнал:
«Флаг не будет спущен.
Точка. К бою! Приготовьтесь!» —
Вздрыгнул адмирал.

На рейде Копенгагена в то время стояла 2-я бригада крейсеров английского флота под флагом контр-адмирала сэра Кована: три легких крейсера и пять эскадренных миноносцев. Хорошо известно, что именно сказал адмирал Кован лейтенанту Ферсману:

«Я надеюсь, что каждый английский морской офицер в подобном положении поступил бы столь же доблестно, как это сделали вы!»

Конечно же, в реальной жизни все было не так просто и эффектно, как в поэме стихотворца. А как оно все было на самом деле, рассказывают страницы походного или, точнее, послепоходного дневника мичмана Николая Боголюбова. На фоне грандиозных событий Гражданской войны поход «Китобоя» почти неразличим глазу историка. Тем не менее это было замечательное событие. Горстка молодых отважных офицеров вышла в море, чтобы обрести свое отечество — сначала на Севере, потом в Крыму. Страна уходила у них из-под ног, как палуба тонущего корабля. Они шли к ее берегам вокруг Европы. И все старинные морские песни, казалось, были написаны именно о них. И «Раскинулось море широко», и «Наверх вы,

товарищи, все по местам...». И даже «Белеет парус одинокий» — тоже про них. Белел разве что Андреевский флаг, на гафеле, из одинокой же трубы валил дым...

Ни на одном пароходе мира не было такой кочегарной команды: швыряли уголь в топку и князь с мичманскими погонами Юрий Шаховский, и кадет Морского корпуса барон Николай Вреден...

Они сделали этот невероятный поход. По грустной прихоти судьбы, лишь несколько суток удалось провести им в России — в Севастополе. А потом снова к чужим берегам — навсегда. Сначала в Стамбул, потом в Бизерту, потом еще дальше — в Аргентину, Америку, Бельгийское Конго...

Их поход имел лишь некоторое военное значение: сохранили боевой корабль, успели в самый раз — к началу большой эвакуационно-транспортной операции, спасли от расправы несколько десятков русских людей. Во сто крат больше значило их морское деяние в нравственном смысле: эти молодые люди показали всем — и союзникам, и недругам, и своим же соратникам, — как надо хранить честь Андреевского флага.

Жизнь сама «закольцевала» эту историю.

Тогда, в 1920 году, посыльное судно «Китобой» было последним русским кораблем, над которым развевался Андреевский флаг в европейских водах Атлантики. Спустя 76 лет синекрестное белое полотнище вернулось туда на гафеле российского атомного авианосца «Адмирал Флота Советского Союза Н. Кузнецов».

Вот об этом я не без волнения рассказывал на подходе к Мальте, давшей «Китобую» небольшую передышку во время похода в Севастополь. После выступления ко мне подошла седовласая женщина и представилась:

— Я дочь офицера с «Китобоя» Наталья Кирилловна Кисилевская. Прочитала в походном путеводителе вашу статью о «Китобое» и готова рассказать о судьбе папы — прапорщика

лейб-гвардии конной артиллерии Владимира Васильевича Киселевского... — Почти архивная история обрела в глазах слушателей свою живую плоть. Наталья Кирилловна теперь едва ли не последний живой свидетель той легендарной истории... Вот так она и продолжается, «судеб морских таинственная вязь»...

* * *

Вторым русским военным кораблем, пришедшим на Мальту во время Русского исхода, был эсминец «Жаркий», которым командовал лейтенант Александр Манштейн, отец легендарной Анастасии Ширинской.

Из Константинополя русским военным кораблям было предписано перейти в Бизерту. Никто из союзного командования не хотел брать во внимание, что многие корабли, пришедшие из Севастополя, были сильно изношены, и отправлять их в дальний переход — почти через все Средиземное море — было чрезвычайно опасно. Более того, всем им было предписано следовать строго по назначенному маршруту и ни в коем случае не заходить на Мальту, ибо англичане так и не признали правительство генерала Врангеля. Миноносец «Жаркий» нарушил этот запрет и зашел в Ла-Валетту в самый канун Рождества. О том, что вынудило его это сделать, подробно рассказала Анастасия Ширинская в своей книге «Бизерта. Последняя стоянка»:

«Вопрос нехватки топлива снова возник, когда “Жаркий” не встретился с “Кронштадтом” у берегов Сицилии, где он должен был загрузиться углем. Оставалось только одно: идти на Мальту, несмотря на запрет проникать в английские воды.

Избегая лоцмана, которому нечем было заплатить, “Жаркий” вошел в Ла-Валетту и стал на якорь посреди порта. Реакция портовых властей не заставила себя долго ждать. Английский офицер в полной форме появился через пять минут. Он был любезен, но тверд: английский адмирал, будучи очень занятым,

освобождал командира от протокольного визита и просил не спускать никого на берег.

— Замечательный народ эти англичане! Умеют говорить самые большие грубости с безупречной вежливостью! — охарактеризовал командир этот инцидент.

Но как быть с углем?

Вопрос разрешился на следующее утро. Помощник начальника английского штаба, офицер, прослуживший все время войны на русском фронте, награжденный орденами Владимира и Станислава, дружески представился своим бывшим соратникам. Он предложил лично от себя обратиться к французскому консулу, который очень любезно и с полного согласия Парижа снабдил миноносцев углем.

«Жаркий» покинул Ла-Валетту в праздничный день нового, 1921 года, и вслед ему долетали на плохом русском языке пожелания новогоднего счастья, и даже несколько букетиков фиалок, брошенных с мальтийских гондол, крутились за его кормой. Еще несколько часов... и он будет в Бизерте.

Таким образом, Мальта памятна для нас по двум славным именам — тральщик «Китобой» и эсmineц «Жаркий».

* * *

Наш лайнер все больше и больше становится плавучим историко-политологическим университетом. Всякий раз после выступлений, докладов, лекций начинается живое общение с потомками тех, о которых только читал или видел их на фотографиях. Не наговориться! Со всех сторон слышны обрывки интереснейших рассказов, не знаешь, к кому прислушиваться:

— ...После того, как папа пристрелил своего коня, он уже никогда больше в седло не садился.

— ...Младший брат отца уехал в Боливию и там вступил в армию, которой командовал русский генерал...

— ...Жаль, не зайдем в Александрию. В Египте ведь тоже были наши лагерь. В частности, в Измаилии на берегу Суэцкого канала стояли кадеты Донского корпуса, эвакуированного из Новороссийска... У них был свой гимн:

Дух русский царит среди нас неизменно,
И вечером часто в безмолвной тиши
Хор громкий, раздолбный в созвучии смелом
Звучит отголоском казачьей души...

* * *

Море наконец поглубело и стало таким же ярко-синим, каким я его всегда знал, ярко-синим не где-то вдали, а прямо под бортом ходуню ходит синеватая, как спирт-сырец, морская вода... Волны около трех баллов. Вода в бассейне отзывается им своей рябью, своим плеском.

Увы, похоже, и на Мальту мы придем с опозданием, и довольно значительным — около пяти часов. Все мероприятия будут сокращены. Все-таки морское судно, это не поезд. Нельзя рассчитывать свои дела по часам. Море всегда внесет свои поправки.

Наше главное дело на Мальте — провести панихиду на христианском кладбище Та Браксия в городе Пьятта. И, судя по всему, все будет так же, как в Бизерте, без лишних телодвижений в сторону города. А жаль, хотелось хоть бы часок побродить по Ла-Валетте. Уникальный город! Город-крепость, город-музей...

Много говорили об императоре Павле, о загадках его мальтийской политики.

Мальта — голубая мечта Российского флота... Кстати говоря, именно на Мальте родилась российская морская гвардия. В марте 1828 года на рейде Ла-Валетты был торжественно поднят Георгиевский флаг, присланный из Санкт-Петербурга,

и поднят он был на 74-пушечном линкоре «Азов» за блестящую морскую победу при Наварине. Этому самому первому в Российском флоте гвардейскому флагу салютовали здесь английские и российские корабли.

Эх, Мальта, хороший остров, но бросает на него тень та горько-историческая встреча Горбачева с Бушем на Мальте — это, по сути дела, был второй Брестский мир, такой же позорный, как и первый. После него последовало Беловежское расчленение страны. Вот как отозвался о той встрече тогдашний председатель КГБ В.А. Крючков:

«В конце 1989 года состоялась встреча М.С. Горбачева с новым президентом США Джорджем Бушем на острове Мальта. Там М.С. Горбачев “заложил” Германскую Демократическую Республику, изошрялся в любезностях по отношению к Дж. Бушу и сделал одно примечательное заявление о том, что СССР готов не рассматривать США как своего главного противника. Он даже не посчитался с тем, что сегодня ситуация одна, а завтра может стать другой. Если перевести это заявление М.С. Горбачева на более понятный язык, то он продал американцам военно-политические позиции, ничего не получив взамен».

Вспоминаются рассказы моряков о том походе на Мальту в 1989 году. На рейде Ла-Валетты встали американские авианосец «Форрестол» и крейсер «Белкнап» и три наших корабля: ракетный крейсер «Москва», сторожевой корабль «Пытливый» и пассажирский лайнер «Максим Горький». Буш прямо из аэропорта перелетел на вертолете и сел на палубу крейсера, где и обосновался, как бывший морской летчик-фронтовик.

Горбачев же с Раисой Максимовной устроились на комфортабельном лайнере. Далее вспоминает начальник походного штаба капитан 1-го ранга В. Крикунов: «Каюту командира крейсера определили резиденцией Горбачева, поместив на дверях табличку “Председатель Верховного Совета СССР

М.С. Горбачев” На стоянке крейсер проверила группа охраны во главе с зам. начальника 9-го управления КГБ. Они высказали замечание, что внутри корабля стоит специфический запах, а Михаил Сергеевич этого не переносит. Чтобы “облагородить” воздух, сотрудники охраны начали вдувать в систему корабельной вентиляции баллончики с французским дезодорантом, а в кают-компанию загрузили ящики со “спецпродуктами” — для завтрака, который должен был дать М.С. Горбачев в честь американского президента. Ящики были опечатаны и охранялись. Однако Раисе Максимовне больше понравилось осматривать магазины и достопримечательности острова, и ни она, ни сам Михаил Сергеевич на “Славе” так и не появились».

Буш приветствовал американских моряков. А Горбачев даже не удосужился побывать на своих кораблях. А ведь моряки пришли его охранять, представлять морскую мощь СССР. Каждый день за борт спускались боевые пловцы, чтобы нести свои подводные дозоры. Не появился, не удостоил, обидел флот... Да что флот, всю страну обидел... Он единственный из всех правителей России за последние сто лет, который не отважился спуститься в подводную лодку. Император Николай II соизволил, генсек Иосиф Сталин и тот, как ни осторожничал по жизни, все же побывал на подводной лодке Д-2... Все остальные — тоже отметились. Мальта, Мальта...

* * *

Мальту россияне открыли для себя лет десять назад и за эту десятилетку освоили остров так, что каждый четвертый турист сегодня на Мальте — наш соотечественник, и не обязательно из нуворишей, хотя именно они и обзавелись здесь виллами в апельсиновых куцах.

Занесло и меня однажды в это крохотное островное государство.

Мала Мальта да славна. Мальта меньше, чем Андорра, но в десятки раз больше, чем княжество Монако. Остров меньше, чем Москва, но зато больше Ватикана раз в двести. Так что все относительно. И не в размерах счастье.

Если «остров невезения в океане есть», то по закону парности должен быть и остров благоденствия. Вот Мальта как раз и есть такой остров!

Мальта — это чашечка хорошего кофе посреди Средиземного моря. Остров-кафе. Сверху из-под крыла самолета Ла-Валлетта похожа на огромный песочный торт, нарезанный ровными кусками. Но это только самое первое — «кондитерское» ощущение. Потом, когда начинаешь что-то понимать в этом загадочном острове, на ум приходят совсем иные сравнения: ровные параллели главных улиц напоминают те таинственные колеи, что окаменели на здешних плато с доисторических времен. Никто не знает, кто, зачем и куда их проложил, но хорошо известно — Ла-Валлетту выстроили в ровную клетку ради того, чтобы морские ветры приносили в раскаленные зноем кварталы прохладу.

Так в Европе впервые возник город — и это в Средние-то века! — чья планировка была идеально продумана не только в оборонительном, но и в санитарно-гигиеническом смысле. Да, здешние рыцари думали и о Гробе Господнем, и о канализации стоков... Они покинули остров под натиском Бонапарта двести лет назад, но дух рыцарства морские ветры не выветрили из кварталов Ла-Валлетты. Может быть, поэтому на Мальте нет ни пьяных, ни нищих, ни бомжей, ни цыган-попрошайек, ни рэкетиров, ни уличных мошенников, ни проституток... Не гремят здесь взрывы в подземных переходах, не взрываются атомные электростанции и артиллерийские склады... Здесь не захватывают самолетов с заложниками. Оазис покоя и благоденствия посреди сумасшедшего мира. Здесь оставляют ключи в дверных замках. Здесь вместо оглушающей водки пьют легкое игристое кроветворное вино.

Образ Мальты... Если учесть, что остров тесен, как этот абзац, то словесная модель Мальты будет выглядеть так: бастионы, сторожевые башни, храмы, колокольни, руины, кафе, дольмены, гроты, дворцы, виллы, отели, ветряные мельницы, яхты, рыбные рынки, гавани, бухты, акведуки, подземелья, тоннели, пляжи, гранатовые сады, лавки ювелиров...

Так выглядит Мальта, втиснутая в один абзац. Но она действительно мала. Если с западной части острова хорошо разогнать автомобиль, а потом затормозить, то тормозной путь как раз и оборвется на краю восточных утесов. И всей-то той Мальты — 27 на 14 километров... Но каких километров! Да и не в километрах дело.

Мы гордимся своими просторами, а мальтийцы гордятся глубиной времени, из которой всплывают три их островка. У Мальты иное измерение. Она измеряется не верстами, а веками. Мальта — это колодез времени, дно которого — пол пещерного капища, а крышка — тарелка спутниковой антенны на суперсовременном отеле.

Мальта для англичан — что для нас Крым. Королева до сих пор предпочитает отдыхать летом на Мальте.

До 1974 года Мальта, по выражению Черчилля, была «непогрязшим авианосцем» Британии. Когда английских моряков попросили покинуть остров, многие скептики предрекали независимой Мальте скорую экономическую гибель, ведь большая часть населения была занята обслуживанием военно-морской базы. И тогда наследники мальтийских рыцарей и финикийских мореходов без особых душевных терзаний превратили свой гигантский «авианосец» в огромный «отель». В брошенных ангарах разместили мастерские художественных промыслов, в бывших казармах, батареях и казематах открыли кафе, бары, пабы и рестораны. Министерство по делам туризма для Мальты более значимо, чем для нас Министерство обороны. А впрочем, после сердюковских «реформ» и для нас оно стало почти фикцией.

Раз в году — 9 сентября — на Мальту возвращаются рыцари, вынужденные оставить свой остров после вторжения Наполеона. Они прилетают сюда, чтобы поклониться праху и почтить память самого славного своего предводителя — Великого магистра Ла-Валетту, чьи останки вот уже пятый век покоятся в склепе главного орденского собора Святого Иоанна. «Здесь спит Ла-Валетта, муж вечной славы. Гроза Африки и Азии. Божия кара варваров, он первый похоронен здесь — в городе, который любил, в городе, который построил»...

На карте Мальта имеет форму огромного сердца, может быть, сердца Средиземного моря. Ее сопредельный остров Гозо кем-то назван: пуп океана. Но если у океана есть пуп, то тем более должна быть и душа. Вот только где она, в каком море, на какой глубине? Некоторые мыслители полагают, что наша планета — это живое существо. И если это так, тогда Океан должен быть мозгом Земли...

Мое самое яркое впечатление от Ла-Валетты — погружение в гавани Марсамшетт. Там в одном кабельтове от форта Сент-Эльмо лежит на выходе из гавани на глубине 15—20 метров английский корвет «Маори». Его потопили немецкие бомбардировщики в 1942 году.

Это было мое первое погружение на затонувший корабль, да еще с проникновением внутрь... И подарил мне его питерский дайвер-инструктор Павел Юдин. Мы вошли с ним в воду с берега — со скал плоских и длинных, похожие на осклизлые крокодилы морды. Проверили снаряжение и тут же погрузились. Жаркий мир Мальты тут же исчез, и возник новый — наполненный голубоватым светом, слегка призрачный, неверный, преувеличенный жидкой линзой моря. Все в нем колебалось, покачивалось, плыло...

Сначала пошла каменная осыпь из красноватых квадров. Мы проплыли над ней, и дальше пошло песчаное, слегка взморщенное поле. Мини-Сахара.

Павел плыл под водой, скрестив на груди руки, работая одними ластами. Я «переутяжелился» и все время тонул, порой даже приходилось шагать по дну ластами. Павел хорошо знал подводную дорогу к затонувшему кораблю, и вскоре мы его увидели. Я сначала не понял, что это и есть цель нашего погружения: кусок скособоченной скалы, поросший морской травой. Но таким он казался издали. Вблизи стали проглядывать очертания корабля. «Маори» был весь в водорослях, будто затянут маскировочной сетью. Гребной вал, сорванный с кронштейнов, криво уходил вверх. Винт давно сняли.

Заглядываю в пустые глазницы иллюминаторов — черно. Это минувшая война смотрит на меня из их глубины. Кажется, что корвет, разорванный авиабомбой пополам, все еще корчится от боли. Острое изъязвленное железо красит пальцы в оранжевый цвет. Мы подвсплыли и двинулись над палубой.

Она сильно искорежена, так что не сразу поймешь, в какой части корабля находишься. По волнорезу догадался, что мы на баке. Здесь же и барбет носового орудия. Под барбетом дремала мурена. Она недовольно покинула любимое лежбище и в три сильных рывка-извива исчезла с глаз. Кроме мурен корабль населяли камбалы и морские ежи.

Кто здесь служил? Кто остался навсегда в подпалубных шхерах?

Какая странная инопланетная гробница.

Люк в трюм зиял в палубе. Мы заглянули туда, но заплывать не стали.

Павел первым заплыл в подпалубный коридор, жестом предлагая следовать за ним. Как ни странно, но здесь было вполне светло. Коридор был довольно узок, кругом торчало рваное железо, зацепиться было очень легко. Напрягла мысль: случись что, отсюда сразу не всплывешь. Да и выбираться не так просто. Но Павел уверенно двигался вперед, не думая поворачивать. Подо мной — толстый мохнатый извив какого-то мор-

ского гада. Присмотрелся с ужасом — да нет, это всего-навсего обросший кусок кабеля.

Коридор сужался еще больше, так что развернуться в нем, показалось мне, невозможно. Зато можно было заглядывать в распахнутые двери кают. А вот это — радиорубка. Что-то похожее на трансформатор. Эбонитовые верньеры не обросли. Я попытался их повертеть. Закисли. Намертво застыли на своей последней волне. Военной волне.

А где мой ведущий, где Павел? Он исчез! Повернуть обратно? Уже не развернуться... Впереди — темень. Но слабый зеленоватый свет брезжит в конце этого жутковатого тоннеля. Ба, да это — дыра! Огромная пробоина в борту, через которую выплываешь с огромным душевным облегчением. А вон и Павел. Слегка разыграл новичка!

Обратно выбирались по каменным ступеням, мягко застланными водорослями. Павел подобрал на дне пару рапанов. Такие же, как у нас в Севастополе!

* * *

Едем в Пьятту на автобусах. Едем быстро. Пытаюсь хоть как-то разглядеть в затемненное окно мальтийские виды. Город бастионного типа. Стены табачно-кофейного цвета с зелеными жалюзи и зелеными балкончиками. Зелени в мальтийских городах явно не хватает. Крыши-дворики, а на них собаки. В Ла-Валетте почему-то не видно чаек, только голуби.

Балкончики на фигурных фасадах домов — будто карманы старинных камзолов. Однако в них не хранят никакой рухляди, разве что ставят кондиционеры.

Говорят, на Мальте 28 городов, и стоят они впритык — тесноват, однако, остров. Дома — из кораллового известняка, а земля, как в Севастополе, — беловато-кремовая и каменистая.

Ну, вот и кладбище... Все здешние некрополи похожи на Севастопольское Братское кладбище: светлы, просторны,

в кипарисах и туях, в белых мраморах, и никаких железных оградок... На плитах надписи по-русски: «Константин Адамович Военский де Брезе. 1860—1928». Дальше по-английски: «солдат, дипломат, историк». Совершенно неведомое нам имя. Как мало мы знаем о своих солдатах, дипломатах, историках... Заглядываю в Википедию: «Константин Адамович Военский де Брезе, русский генерал и историк, один из составителей издания “Отечественная война и русское общество”. Родился в 1860 году.

Окончил курс в Александровском лицее. Служил в гвардейской конной артиллерии, после этого — в Русской миссии в Токио.

В 1905—1915 годах состоял директором архива Министерства народного просвещения и членом ученого комитета того же министерства. Занимался археологией и историей войны 1812 года. Участвовал в создании многотомного издания “Отечественная война и русское общество” По поручению Великого Князя Михаила Александровича издал “Акты 1812 года”, напечатанные в “Сборнике Императорского Русского Исторического Общества” Был редактором этого сборника в 1909 и 1911 годах.

Во время Первой мировой войны был членом Высшего совета по делам печати. Дослужился до чина камергера.

В 1919 году эмигрировал на Мальту. Преподавал в местном университете. Скончался в 1928 году.

Быстро темнеет. Без промедлений начинаем панихиду. Поминаем тех русских людей, кому выпало лечь в эту землю. Впервые за столетие и более пришли из России соотичи и назвали их имена в молитвенном слоге. Что-то произойдет сегодня там, в тонких мирах... Такие деяния не проходят бесследно... Разворачиваем Андреевский стяг и становимся с Игорем Горбачевым под знамя. Шелковое полотнище из Севастополя осеняет замшелые плиты с русскими именами.

Кто они? Что они? Как и почему приняли они свой смертный час на Мальте — Бог весть...

Возлагаем цветы и зажигаем свечи уже почти в крошечной мгле.

А в Ла-Валетте отмечают день святого Иосифа, повсюду пальба и салюты. Ну прямо, как у нас, — огненная потеха по любому поводу.

И все-таки удалось на четверть часа пройти по набережной под сенью крепостных стен. Ла-Валетта великолепна в своей крепостной тесноте, в нагромождении фортов, бастионов, башен...

Смешной памятник: посреди уличного бассейна стоял большой бумажный кораблик. А чуть поодаль подпирал начальную стенку английский фрегат F-83. Вахтенный у трапа, заведя нас с Горбачевым в белых тужурках, отдал честь. И тебе привет, воин коварного Альбиона! В стороне — еще несколько британских фрегатов и огромный натуральный макет немецкой подводной лодки — натура для киногрупп.

Нас поставили прямо против крутой скалы, под которой находился в войну бункер Эйзенхауэра, сейчас там музей. Мне удалось побывать в бункере в свое первое посещение Мальты.

Генерал Дуайт Эйзенхауэр пребывал на Мальте, как Верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе. Он же возглавлял здесь операцию «Хаске» (высадка союзных войск на Сицилию) в 1943 году.

Генерал Роммель умолял Гитлера покончить с Мальтой. Она мешала его действиям в Северной Африке, торчала посреди Средиземного моря как кость в горле, мешая подвозу подкреплений и боеприпасов. Немцы пытались разбомбить «бункер Эйзенхауэра» с невероятной яростью. Порой по пять раз на дню заходили бомбардировщики на Ла-Валетту. Две трети города были обращены в руины. День 15 августа 1943 года помнят здесь как день Спасения. Именно тогда завершилась опера-

ция «Пьедестал» — когда из Англии на осажденную Мальту, умиравшую от голода, пробились пять кораблей с продовольствием, бензином, боеприпасами. Остальные были потоплены фашистскими самолетами и подводными лодками. Король Англии наградил остров-герой крестом Святого Георгия за мужество и стойкость.

Однако бомбы не могли причинить вреда глубокому под-
скальному убежищу. Чаще всего они попадали почему-то в оперный театр. Его разбитые стены и обломки колонн и поныне торчат в центре столицы, как живая память о той войне. Как дом Павлова в Сталинграде.

Трудно заподозрить в зеленом скверике на береговой круче, откуда открывается великолепный вид на столичные бухты и старинные форты, крышу секретного бункера. Об этом говорят разве что всезнающий гид да бронзовый бюст Черчилля, совсем неспроста установленный на этом месте. Именно британский премьер назвал Мальту «непотопляемым авианосцем». Правда, остров больше всего походил тогда на огромную наковальню, по которой изо дня в день молотили футасные авиабомбы. Тем не менее с мальтийских аэродромов во Вторую мировую войну регулярно взлетали британские самолеты, а докеры принимали, разгружали, ремонтировали боевые корабли, а в подземелье острова шла кропотливая штабная работа. Очень похоже на то, как это было в Севастополе.

Если отойти в сторону от цветущих клумб, к чугунной решетке, ограждающий головокружительной глубины обрыв, то можно еще отыскать в скальной стене следы крепления наружного лифта, который спускал на дно каньона высокое начальство по воздушным тревогам. Там, внизу, в тесном дворике-колодце находился один из входов в штабное убежище. Лифта давно нет. Но почему-то эта посадочная площадочка весьма притягивает тех, кто решает покончить счеты с жизнью. Зато укрытие под природным массивом, толщина которого

не снилась Гитлеру в его «волчьем логове», надежно сберегало жизни тех, кто спускался сюда полвека назад...

Чтобы спуститься в бункер, надо обойти скалу стороной по крутым улочкам Ла-Валетты, пройти сквозь аркады средневековых бастаионов по бессчетным лестничным маршам, на самое дно обустроенного ущелья, и вот он, невысокий сумрачный вход. Шагаю вниз по длинной пологой потерне, уходящей в глубину прибрежного утеса, на котором расположены террасные сады Барракки и смотровые площадки. Трудно поверить, что где-то наверху сияет ослепительное мальтийское солнце над ошеломительной голубизной моря. Здесь сыро и мрачно. К холодным стенкам тесаного камня примкнуты откидные койки, на которых ночевали когда-то солдаты подземного караула. Скупые огоньки уводят все глубже и глубже — через низкосводчатые коридоры, переходные площадки, тамбур-шлюзы. Наконец последняя броневая гермодверь, и ты попадаешь во вполне уютный ярко освещенный холл. В годы войны здесь строжайшим образом проверялись документы входящего, теперь — входные билеты. С 1986 года отремонтированный бункер работает как музей.

Высокие своды — порой до четырех метров, широкие коридоры, стальные трапы. В одном из отсеков — подземный гараж с заправленным «виллисом» наготове. Из бункера есть прямой выезд на поверхность. Те, кто строил в Куйбышеве-Самаре «подземный небоскреб» для Сталина, явно уступали в размахе здешним проходчикам. К своду главного коридора подвешена итальянская морская контактная мина типа «J». Рядом подсвеченная диорама: налет итальянских взрывающихся катеров на железнодорожный мост через бухту...

Центральный — оперативный — зал бункера напоминает патио итальянского дома: во «дворик» выходят окна-балкончики кабинетов Верховного главнокомандующего экспедиционными войсками, а также командующих видами войск — генерала

Александера, адмирала Каннигхама и маршала авиации Теддера. Кабинет Эйзенхауэра по-спартански прост: черный стол, за ним стул, в углу — американский флаг и вид на огромную карту Сицилии. Из всех келий эта карта превосходно видна. К ней приставлена лесенка-стремянка. На ней оператор-манекен готовится передвинуть условный значок корабля... Внизу — огромный стол-планшет надводной и воздушной обстановки. Девушки в наушниках передвигают деревянными лопаточками — точь-в-точь как у крупье казино — макетики кораблей и самолетов. Они делают это поминутно, получая информацию из центрального узла связи.

Восковые фигуры в настоящих униформах за шифрованными столами, штабными картами, телефонными пультами безмолвно разыгрывают историческую драму — война вокруг Мальты. Впрочем, безмолвие относительное: из динамиков — рев немецких самолетов и разрывы бомб... Керосиновые лампы с электрическими язычками «пламени» помигивают в такт взрывам весьма натурально.

Если не считать эти застывшие фигуры, в бункере почти безлюдно. Редкий турист отвлечется от солнечных бухт на это мрачное подземелье, где затаился по темным углам тревожный дух самой яростной войны на планете.

Впереди меня идет господин весьма преклонных лет. В оперативном зале он надолго замирает и буквально впивается глазами в огромную карту. Он не отводит от нее взгляда и пять, и десять минут... Я уже возвращаюсь, а он все промеряет глазами трассы былых сражений.

Знакомимся: Иоахим Бауэр, бывший летчик люфтваффе, а ныне пенсионер из Кёльна.

— Я летал бомбить Мальту с аэродромов на Сицилии. Лёту сюда было всего полчаса. Мои бомбы не попали в этот бункер. Вместо них сюда попал я, — шутит старик. — Мог ли я подумать тогда, что однажды войду в подземный кабинет самого

Эйзенхауэра и увижу эту наисекретнейшую карту? Это просто невероятно! Я потрясен...

Я тоже. Среди многочисленных манекенов в американских и британских мундирах вдруг ожил реальный участник тех страшных дней, а вместе с ним ожило и это музейное подземелье, эта карта... Иоахим Бауэр наводит на нее свой «кодак»: вспышка, вспышка, вспышка! Я тоже вскидываю свою фотокамеру...

На минуту мне становится не по себе. В этом подскальном мире сместились все времена и понятия. И вот мы с германским военным летчиком фотографируем в американском бункере наисекретнейшую карту с планом высадки союзного десанта на итальянское побережье...

Невольно сравниваю бункеры вождей Второй мировой войны. У Сталина в Самаре, пожалуй, самое прочное и заглубленное — оно уходит в земные недра на 37 метров, даром, что вождь ни разу там не побывал. У Черчилля в Лондоне, пожалуй, самое легкомысленное укрытие — в подвале обычного жилого дома, подкрепленное подручными средствами. Зато в личной спальне полный комфорт, под кроватью даже фаянсовый ночной горшок — как вызов германским ракетам и авиабомбам. У Гитлера в «Вольфшанце» («Волчьем логове») самое толстостенное боевое перекрытие — из десятиметрового армированного бетона. Он боялся ударов только с воздуха, хотя его полевая Ставка за всю войну ни разу и не была обнаружена авиаразведкой.

У Эйзенхауэра на Мальте, пожалуй, просторнее и комфортабельнее, чем где бы то ни было. Впрочем, все относительно. Главное, что ни одна из бомб не проверила на прочность эти бетонные черепа мозговых центров войны. И во всех них, как своеобразные вечные огни, круглосуточно горят на столах вождей настольные лампы. Кроме бункера Гитлера. Он пребывает в руинах, в которые обратили его саперы вермахта, перед тем как навсегда покинуть «Волчье логово» фюрера.

На выходе из бункера Эйзенхауэра посетителей провожает плакат с вещими словами: «Уходя отсюда, помните: за ваше завтра мы отдали свое сегодня».

* * *

На Мальте в одной из бухт Одиссей встретил нимфу Калипсо. Она его так очаровала, что он смог оторваться от нее только через семь лет. Наверное, поэтому наш «Одиссей» приписан именно к Мальте, то бишь к порту Ла-Валетты.

В Ла-Валетте приняли пресную воду. Все-таки в порту приписки — вода подешевле выйдет.

А странно все же: румын под мальтийским флагом, с греческим именем на борту, с филиппинской командой следует в украинский Крым, чтобы доставить русских пассажиров в Севастополь. Чудны дела твои, Господи!

* * *

На судне у нас само собой возникло офицерское собрание, куда вошли два капитана 1-го ранга, то есть мы с Игорем Горбачевым, представителем газеты Черноморского флота «Флаг Родины», полковник-казак Валерий Латынин, замечательный поэт, и подполковник Сергей Нелюбов, эксперт по оружию Росохранкультуры из Калуги. Есть еще и несколько генералов, но они себя не афишируют в силу принадлежности (даже былой) к службе внешней разведки.

* * *

За полночь «Одиссей» отдает швартовы. Грустно уходить из уютного города, полыхающего огнями в темное и, похоже, уже штормовое море. Но сколько раз уже так было...

Вышли за мол, и сразу же закачало. Спать! Хорошо, не на вахту. А кому-то в эту ночь стоять и стоять... Тунисский пролив — самая оживленная морская трасса Средиземноморья.

Не было в моей жизни такого удивительного морского похода и, наверное, уже не будет. На Средиземном море, в его глубинах и на его просторах, я провел около двух лет. Для меня оно всегда было военным морем, нарезанным на позиции подводных лодок, с районами военно-морских баз, ареной противостояния 6-го флота США и 5-й эскадры СССР. И вдруг совсем иной взгляд на все, что проплывает по бортам комфортабельного лайнера, «белого парохода», как называли мы такие суда, глядя на них не без зависти сквозь перископы. И дело даже не в роскошествах жизни, а в том, что с мостика «Одиссея» открылась иная глубина этого моря — глубина времени. И очень трудно согласовать бинокулярность зрения, когда в одном окуляре — кильватерный строй русских кораблей, уходящих в Бизерту, а в другом — подобный же строй советских кораблей во главе с крейсером «Жданов», спешащих в очередную «горячую точку» Средиземного моря. Когда одновременно видишь то, что видел однажды своими глазами, и видишь то, что знаешь лишь по книгам, рассказам да фотографиям, как раз и возникает то, что называется ретроспективой. В моем архиве одно время хранились стеклянные негативы, сделанные белыми моряками по пути в Бизерту, да и в самой Бизерте (негативы передал в Центральный военно-морской музей). Они отсканированы, и сейчас на экране моего ноутбука проходят один за другим уникальные кадры: русские линкоры и эсминцы, перемогающие штормовые волны... Мы разошлись с ними во времени, но наши пути пересеклись в одном морском пространстве. И это порождает сейчас особое тревожно-выжидательное состояние души. Как-будто вот-вот постучит в каюту рассыльный и положит на стол семафорный ли, радиотелеграфный бланк с сообщением из того времени, из того похода: «Выражаем удовлетворение вашими действиями. Счастливого плавания! Вице-адмирал Кедров. Контр-адмирал Беренс».

Валерий Латынин стоял возле шлюп-балки и записывал новые строки:

В пустыне моря тает пенный след.
Луны прожектор за кормою светит.
Она, как пастырь, миллионы лет
Следит за жизнью голубой планеты.

Что ей века, тысячелетья что,
Людских судеб трагичные изломы?
За жизнь ее их столько здесь прошло,
Точнее — промелькнуло, как фантомы!

А мы вот ищем русские следы,
Идя маршрутом сгинувшего флота,
Поскольку оттолоски той беды
Еще не отболели для кого-то.

И нас ведет к далеким берегам
Неистовая вера пилигримов,
Что сам Господь указывает нам,
Что Русский Мир собрать необходимо!

* * *

19 июля. Эгейское море

Только море да море вокруг, хотя поодаль, за горизонтом, полно островов. В обед прошли ионическую абиссаль — глубину в 4 километра.

Наш следующий порт — Пирей, главная гавань Афин. Афины... Слово, знакомое с 4-го класса, когда стали изучать «Историю Древнего мира» по замечательному учебнику Коровкина.

Листаю походные записки Нестора Монастырева о морском исходе:

«...Наконец наша армада добралась до Коринфского залива, где было тихо и все корабли постепенно собрались вместе. Издали при свете солнечного дня мы полюбовались видом Афин, развалинами ее древних холмов и полным ходом прошли в бухту Каламаки. Там нас встретил крейсер “Эдгар Кинз” и передал распоряжение и порядок перехода Коринфским каналом. При переходе Патрасским заливом, ночью, погода опять засвежела и нас всех снова разметало по Ионическому морю. То там, то сям были видны силуэты судов, то вынырывающих из волн всем своим корпусом, то совсем исчезающих в воде. К полудню 15 декабря я подошел к острову Занте и, обойдя его, встретил крепкий ветер от SO в 9 баллов. Пришлось идти бортом к волне, и нас выворачивало, что называется, наизнанку. При виде островов Занте и Кефалония перед моими глазами невольно прошла вся история славного прошлого. Много лет тому назад в течение нескольких лет эти воды бороздили корабли адмиралов Ушакова и Сенявина, неся свободу и независимость угнетенным народам Греции и Италии. В течение пяти лет адмирал Сенявин победоносно сражался с войсками Наполеона. Андреевский флаг реял над островами Адриатики и Средиземного моря, и имя России с благоговением на устах произносилось освобожденными народами. Память о Сенявине и до сих пор живет на островах Адриатического моря и далматинских берегах. Не должна бы была забыть и Англия того, как в 1797 году, когда с одной стороны Франция, а с другой революционное брожение в британском флоте заставили лорда Гренвиля сказать следующее: “Одна Россия осталась союзницей несчастной Англии, а теперь и та ее оставляет”. Но русский император ее не оставил и послал эскадру адмирала Макарова помочь Англии в ее критический момент. Король Георг искренне благодарил императора Павла и по-царски наградил русского адмирала.

Но все проходит и все забывается. И вот мы, потомки тех, кто победоносно рассекал эти воды 110 лет тому назад, шли изму-

ченные неравной борьбой против врага всего мира — красного интернационала, искать приюта в далекой, неведомой стране. Одна лишь Франция бескорыстно протянула нам руку помощи в этот страшный и тяжкий для нас момент. К несчастью для нас, наша борьба совпала с тем моментом, когда утомленная от долгой войны Европа не отдавала себе отчета от красной опасности. И долго еще нужно ждать, пока те, кто в эти дни безразлично отнесся к белой армии, поймет ту роль, которую она играла для всего человечества. Красный туман еще долго будет висеть над миром, и чтобы рассеять его, нужна упорная и жестокая борьба. Мы были лишь те, на чью долю выпал первый и яростный удар интернационализма. Мы его не выдержали, но не согнулись, предпочтя отступить, но не сдаться. Исполненный долг перед родиной и человечеством был нам облегчением в нашем бедственном и безнадежном положении. Оставалось терпеть и ждать.

В бухте Аргостоли постепенно собрались все суда второй группы. Погода продолжала быть свежей, почему мы не могли выйти в море, да кроме того нужно было произвести необходимый ремонт для дальнейшего перехода. В полночь 23 декабря наш отряд снялся и вышел в море. Ветер стих, и переход обещал быть хорошим».

И у нас безветренно, и наш переход в Пирей тоже обещает быть хорошим.

Утром выступление Первишина, он родился 25 декабря в 1920 году в Галлиполи. Видел в детстве Врангеля и Кутепова. Он читал нам галлиполийские воспоминания своего отца, юнкера Сергиевского артиллерийского училища. «Нас мало интересовало, какой режим будет в России. Любой будет лучше большевистского».

Жили в большом бараке, окна которого были затянуты американскими одеялами... От сушеных овощей и старых консервов у всех разболелись животы, по ночам шастали до ветру почти всей ротой.

О Кутепове: дипломат, сохранивший армию и оружие. Французы пытались убедить его расформировать корпус: «Вы беженцы, а не солдаты»... Но он стоял до последнего.

Одного коня в Галлиполи все же вывели!

Сенегальцы стали своим лагерем так, чтобы перекрыть 1-му армейскому корпусу дорогу на Константинополь. Мало ли что взбредет в голову этим русским — опасалось командование союзников.

В самом Галлиполи размещались штаб, комендатура, госпитали, училища и семьи. Остальные — в лагерях — в 12 километрах от города, в Долине Роз и Смерти.

Смотрели документальный фильм Фонда культуры о наших эмигрантах в Греции. Сердце шемит, когда смотришь эти скорбные кадры...

Делала доклад Ирина Жалнина-Василькоти, председатель Союза русских эмигрантов в Греции им. кн. С.И. Демидовой. Она коренная москвичка, искусствовед, вышла замуж за греческого художника и осталась в Греции. О проблеме увековечения памяти о русских деятелях в своей стране она говорила с горечью, которая передавалась всем слушателям:

— Путешествуя за границей, испытываешь гордость, если встречаешь мемориалы, поставленные в память о подвигах твоих соотечественников. Чувствуешь причастность к народу, оставившему след в мировой истории. По количеству памятников иностранцам Греция занимает, пожалуй, одно из первых мест в мире. Здесь помнят тех, кто поддержал ее в трудной борьбе за независимость (если, конечно, об этом помнят сами поддержавшие).

Где в этой стране памятники английским и французским военным, вы найдете сразу: они на центральных площадях, в дорожных районах — будь то материк или острова. Здесь сохранились огромные, по несколько тысяч захоронений, кладбища немецких оккупантов, погибших во время Критской битвы во

Второй мировой войне, а также турецкое военное кладбище (собственность турецкого государства, охраняемая международным законом о военных мемориалах!). Зная, что русские сыграли главенствующую роль в возрождении Эллады, мне было интересно найти, что же здесь осталось от подвигов моего народа. Скажу честно, искала я долго и находила чаще всего в печальном состоянии.

Далее Ирина Васильевна поведала о драматической истории того кладбища, на котором мы должны были провести панихиду в Пирее, о битве за его сохранность, тянувшейся с разным успехом в течение многих десятилетий.

В конце XIX века при второй греческой королеве, русской великой княгине Ольге Константиновне, все русские монументы были взяты под ее особое покровительство, в том числе и русский некрополь в Пирее, возникший там на заре XIX века.

— В ноябре 1920 года, по просьбе правительства генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, — рассказывала Ирина Жалнина, — Ольга Константиновна дала согласие принять 1742 русских эмигранта. Из них 1000 человек были отправлены на поселение в Салоники в барачный поселок Харилау. Остальные разместились в Афинах. Так как в Греции находились два прекрасных русских госпиталя (в Пирее и в Салониках), то преимущество для въезда в страну получили больные и раненые, а также лично приглашенные королевой и греческим правительством морские офицеры, в прошлом служившие в Средиземноморской флотилии.

Первое время больных и раненых, согласно договору, содержало французское правительство, затем, через несколько месяцев, — греческое.

В мае 1921-го вернувшийся из изгнания король Константин стал номинальным главнокомандующим греческой армии в Малой Азии. Он принял роковое для страны решение продолжать войну с Турцией.

Наступление на Константинополь привело к полному разгрому греческой армии и последовавшему за ним геноциду греческого населения, столетиями проживавшего на территории Малой Азии. Согласно состоявшейся несколько позднее переписи населения (в 1928 г.), 151 892 беженца прибыли в Грецию до катастрофы в Малой Азии и 1 069 958 человек после нее. В свете этих событий с 1 мая 1921 года поступило распоряжение о необходимости русским освободить госпитали для прибывающих из Малой Азии греков. Русские были лишены и пайка. Беженцы были повсюду. Государство оказалось в тяжелейших условиях. Практически все общественные здания — школы, театры, склады, казармы, церкви и даже старый королевский дворец — были предоставлены беженцам. Они жили в товарных вагонах, разбивали палатки на археологических заповедниках, спали на сцене и за кулисами театров. Белые эмигранты, оказавшиеся в чужой стране без работы, без материальной поддержки, без знания языка, стали наименее социально защищенной частью населения. Смерть косила изгнанников. Пирейское кладбище воспринималось ими как символ старой, царской России, ее истории и героического прошлого, как «русский уголок», где уже после смерти все бы все равно были вместе. По воспоминаниям детей эмигрантов, похороны русских приходили, несмотря на бедность, торжественно. Панихиду устраивали в одной из русских церквей, гроб покрывали знаменами царской России, специально хранившимися в церквях для этой цели. Почти всегда в могилу бросали горсть родной земли, взятой с собой при эвакуации. Вот как рассказал о последней воле усопшего священника о. Ильи (Апостолова), бывшего офицера русской армии, его духовный сын, ныне профессор Афинского университета Спирос Кондоянис: «Когда отца Илью хоронили, я исполнил его последнюю просьбу. У него был деревянный крест, который он привез с собой из России. Он велел его положить с собой, а также русское знамя и горсть русской земли».

Созданный в Афинах в 1927 году Союз русских эмигрантов в Греции, призванный помочь выходцам из России, одним из первых вопросов, наряду с вопросом о судьбе русских церквей Св. Троицы и Св. Ольги, решал и вопрос о судьбе исторического русского кладбища в Пирее.

В 1928 году решением № 2450 Пирейского суда русский участок кладбища при разрошшемся к тому времени греческом кладбище «Воскресенье» был отдан в полное распоряжение советов русских Свято-Троицкой и Свято-Ольгинской церквей и Союза русских эмигрантов. В статье 5 Устава Союза русских эмигрантов было записано:

«В действительные члены Союза записываются все прибывшие в Грецию белые эмигранты в независимости от пола и от национальности и их несовершеннолетние дети младше 18 лет с согласия их родителей, но не имеющие советского гражданства и не работающие на Советы». Таким образом, на кладбище в Пирее хоронили с 1920-х годов только «белых» русских эмигрантов и греков, выходцев из России, считавших Россию своей родиной. При Союзе русских эмигрантов был создан кладбищенский совет, который следил за порядком и за распределением участков при захоронении.

С 1920 по 1929 год по сохранившимся кладбищенским записям числились 193 захоронения, то есть в два с лишним раза больше, чем за весь период с 1844 по 1917 год. Среди скончавшихся в эти годы в Афинах: офицеров и солдат Русской армии — 81; сестер милосердия — 9, детей военных — 23, родственников — 19. Среди усопших: пять генералов, 14 полковников, один подполковник, 15 капитанов. Средний возраст умерших — 30 лет!

В 1930-е годы на кладбище 83 новых захоронения: два генерала, восемь полковников и т.д.

Страшные годы Второй мировой войны унесли жизни 131 эмигранта, умерли контр-адмирал А.В. Плотто, генерал-майор И.В. Ильин, четыре полковника.

В 1950-е годы русская колония занялась преобразованиями на кладбище и приведением его в порядок. В годы Второй мировой и последовавшей за ней гражданской войн мраморные захоронения и надгробия конца XIX — начала XX века, выполненные на высоком профессиональном уровне с прекрасным русским шрифтом, сменились дешевыми деревянными и железными крестами. Многие из них со временем пришли в негодность, особенно если семья усопшего уехала в другую страну или если не осталось наследников.

К этому периоду (начиная с 1949 года и позднее) относятся и сохранившиеся до наших дней в архиве Русского старческого дома кладбищенские книги со строгим учетом захоронений, записью имеющихся могил, списком захороненных с указанием биографических подробностей, которые к тому времени еще можно было записать по памяти или прочитать на могильных плитах.

К концу 1950-х годов на кладбище числились: 642 участка, из них свободных — 152, 38 бетонных крестов и три неизвестных захоронения.

На кладбище постоянно проводили работы по благоустройству: прокладывали водопроводные трубы, сажали деревья и цветы, красили металлические ограды, ремонтировали кладбищенский домик, следили за могилами тех, у кого не было родственников. Русская эмиграция верила, что настанут времена, и в России снова начнут уважать свою историю.

В 1967 году в Греции произошел военный антидемократический переворот, последствия которого стали жесточайшей драмой для всех оставшихся к тому времени в живых эмигрантов из России. Пришедшие к власти «черные полковники» начали национализацию всей иностранной собственности. Попытались они ликвидировать и иностранные некрополи. Все государства, имевшие в то время свои мемориалы в Элладе, тут же стали на защиту своей истории и своей собственности. Они опирались как на внутренний греческий закон о частной собственности

на захоронения вне зависимости от вероисповедания, так и на международные правила о защите военных мемориалов на территориях других стран. Не проявили никакого интереса к этому вопросу только в Советском Союзе.

С августа 1971 года односторонним противозаконным решением мэрия Пирея отменила право, данное ранее Союзу русских эмигрантов в Греции, распоряжаться русским участком кладбища «Анастасеос». Его тогдашний директор Дмитрий Калюдин получил предписание в течение пяти дней передать все книги, записи, квитанции, документы на собственность семейных захоронений. «В случае, если не будут выполнены все решения, — писали в послании, — то мэрия потребует материального возмещения нанесенного ей убытка».

Русские эмигранты начали писать многочисленные письма, обращаясь как к мэру Пирея Скилитцису, так и в Министерство внутренних дел Греции.

«Сегодня наша проблема — наши могилы, в которых русские, погибшие за Элладу, как в Наваринской битве, так и в других войнах. И мы не хотим тревожить столетний сон умерших, и мы, живущие сегодня в Элладе, мечтаем быть похороненными рядом с ними, с нашими предками, ожидая Воскресения», — писала мэру Пирея Скилитцису председатель Союза русских эмигрантов в Греции Ирина Порфирьевна Ралли.

Окончательное решение по вопросу о судьбе русского некрополя мэрия Пирея приняла в 1977 году, разрешив русской колонии сохранить только 20 исторических надгробий — значительных лиц, адмиралов, генералов, моряков по выбору русской колонии. Участок вокруг этих захоронений было приказано освободить. Остальные участки разрешались только на три года (с документами о том, что умерший — русский эмигрант). Далее «разрешались» семейные могилы в случае, если мэрии будет уплачена половина современной стоимости. Под захоронение останков выделялась территория размером

6 × 4,5 м. И в эти метры надо было уместить всю русско-греческую 150-летнюю историю и все жертвы, принесенные русскими за свободу братского греческого народа. Русская колония встала перед тяжелой дилеммой выбора «исторических надгробий». Почти все захоронения к тому времени были «историческими». Средний возраст русских эмигрантов, «сражавшихся» за исторический некрополь, к тому времени приближался к 80 годам, и это уже была маленькая горсточка больных, старых и не очень богатых людей.

На русском кладбище было порядка 500 захоронений. Чтобы спасти исторические надгробия, старики стали собирать деньги и на разрешенном участке в 27 квадратных метров соорудили часовню, которую они обложили надгробными плитами, предназначенными на выброс. Они спасли 74 плиты и фрагменты еще 13 надгробий, на которых прочитываются отдельные слова, такие как «матрос», «капитан», «Гвардейский экипаж»...

Многочисленные обращения с призывом не дать погибнуть историческому мемориалу наконец-то услышаны.

На объявленный 2 мая 2009 года Советом соотечественников субботник пришли как представители посольства России, так и многочисленные соотечественники, живущие в Элладе. История объединила русских, понтийцев, греков, эстонцев. Взрослых и детей. Некрополь наконец-то очистили от многолетнего мусора. А представители посольства России пообещали проработать вопрос о юридическом статусе кладбища, а также отреставрировать в текущем году пять могил, находящихся в особо плачевном состоянии. Однако работы предстоит еще очень много, и любая помощь будет принята с огромной благодарностью.

Обогнув мыс Акра Таикаро с маяком, прошли через пролив Лаконикос, оставив по правому борту остров Китира, а по левому Антикитира, и наш «Одиссей» вошел к полудню в Эгей-

ское море. Смотрю в бинокль на очертания Китиры. Это там, на Китире, служил маячником русский генерал-майор флота Николай Николаевич Философов. Удивительная судьба у этого человека. О нем тоже поведала Ирина Жалнина.

Родом Николай Николаевич Философов из Симбирской губернии, из села Березовка, а вот упокоился в греческой глубинке — на острове Китира. Как он попал туда, воспитанник Пажеского, а затем Морского корпуса? Вопрос почти риторический — куда только не заносили вихри враждебные русских людей после 1917 года. Да и флотская судьба у Философова была непростой: служил он и старшим офицером на императорской яхте «Полярная звезда», командиром роты в Морском корпусе, и начальником дивизиона подводных лодок на Черном море... В годы Гражданской войны остался служить на белом Черноморском флоте. Почти два года был начальником маячно-лоцмейстерского отдела дирекции маяков и лоций. За отличие по службе был произведен в генерал-майоры флота. Но генеральские погоны носил недолго — в ноябре 1920 года вместе с полками армии Врангеля отбыл из Севастополя в Константинополь. А оттуда перебрался в Грецию, в город Салоники, где была большая русская колония. Принял греческое гражданство в 1924 году и сразу же получил работу по специальности: смотрителем маяка на острове Элафониси. А с зимы 1925-го — смотритель маяка на острове Антикитира. Его фамилия как нельзя лучше соответствовала духу профессии: едва ли не все смотрители маяков — прирожденные философы.

Острова Китира и Антикитира — это южные врата Эгейского моря, мне не раз доводилось проходить через них на военных кораблях, видеть вспышки обоих маяков — западного и восточного, и, конечно, ни сном ни духом не ведал о том, какая судьба кроется за этим путеводным светом. Русский генерал пребывал на своем острове, подобно Бонапарту на острове Св. Елены. Провел он там без малого четверть века, пережил

и Вторую мировую войну, и немецкую оккупацию Греции. Возможно, именно он давал свет нашему ледоколу «Микоян», который чудом прорвался в 1941 году из Одессы в Средиземное море и ушел потом на Дальний Восток. Об этом подвиге написаны книги, снят фильм. Жизнь Философова тоже, безусловно, заслуживает книги. Скончался он на острове Китира (Цериги) в 1946 году. Могила, увы, не сохранилась. А вот жена его, Мария Ивановна, похоронена на кладбище в Пирее, на котором мы завтра побываем.

Опять идем с опозданием, но уже всего на четыре часа. Всего... А сколько за четыре часа можно было бы посмотреть и в Пирее, и в Афинах. Обидно. Утешает то, что я уже здесь бывал, и довольно неплохо побродил по греческой столице.

Вечером — спектакль артистов Театра на Таганке Черняева и Чирковой о Владимире Высоцком. Вспоминали, как он сыграл белого офицера в фильме. Так странно было слышать его песни, почти позабытые, — посреди Средиземного моря.

Александр Кибовский сбросил мне на флешку великолепные фото великой княжны Ольги и мичмана Воронова! Вот еще один отзвук великой любви, и каким-то чудом прилетел он на наш лайнер.

20 июля. Эгейское море

До Севастополя еще пять суток и полторы тысячи миль. В общем-то, уже держим курс домой. Жаль, что эти прекрасные дни пролетят, конечно же, мгновенно...

Сразу же после завтрака — мой черед выступать. Рассказывал о судьбах героев романа «Судеб морских таинственная вязь», а судьбы там такие, что никакому романисту не закрутить, не распутать...

Показывал фото на экране. Удивительный эффект — здесь, в море, любое возникшее на экране лицо казалось душой, вызванной с того света. Жутковатое ощущение медиума, осна-

ценного современными информационными технологиями. Но именно море, как некое сгущенное время, и создает эту фантазмагорию...

Было много вопросов.

В 14 часов вошли в порт Пирей. Десятки океанских судов — лайнеров, ролкеров, балкеров, сухогрузов, контейнеровозов — стоят кормой к городу, носом к морю. Наше место в порту называется Карвунярико, терминал «Альфа». Надо запомнить этот адрес в огромном пирейском порту. А пока рассказываемся по автобусам — это дело у нас четко организовано, почти по-военному, благодаря усилиям административной группы во главе с Еленой Альбертовной Парфеновой. По машинам! И покатали...

На этот раз едем на русское кладбище Анастасеос. Там нас встретили колокольным благовестом. По обе стороны главной аллеи — роскошные беломраморные усыпальницы, дворцеподобные склепы, мавзолеи... На этом великолепном фоне ютятся более чем скромные памятники русским морякам, чудом уцелевшие от сноса. Их спасли русские эмигранты и члены русской общины, живущие в Греции.

А вот и наша часовня... Таких часовен я еще никогда не видел. Она была сложена из надгробных плит русских моряков, скончавшихся в разные времена на кораблях, заходивших в главный порт Греции. Воздвигли столь странное сооружение не от хорошей жизни. Ни у советского, ни у нынешнего российского посольства не нашлось лишних драхм или евро на содержание матросских могил в Пирее. Русский участок теснили со всех сторон склепы тех греков, чьи родственники покупали здесь землю. И тогда, как рассказывала Ирина Жалнина, было принято соломоново решение: сложить из мраморных надгробий часовню, которую уже никто не сдвинет с места. Вот и смотрят на вас со всех сторон света, на все румбы имена усопших моряков... Нигде в мире подобного нет! Еще одно — печальное — чудо света.

В литии приняли участие и офицеры военного атташата, приехавшие из российского посольства. Снова стоим с Игорем Горбачевым в почетном карауле у Андреевского флага. Нас сменяют полковник Латынин и подполковник Нелюбов. Теперь можно походить по рядам крестов и надгробий. Без труда нахожу могилу контр-адмирала Александра Владимировича Плотто... Один раз я уже был у него здесь лет десять назад.

Русско-японская война стала первой в истории, в которой приняли участие подводные лодки — корабли небывалого типа, только-только входившие в состав флотов мировых морских держав.

В апреле 1904 года у Порт-Артура на минах подорвались броненосцы «Ясима» и «Хацусе», японцы же посчитали, что их атаковали русские подводные лодки, и вся эскадра долго и яростно стреляла в воду. Это был первый салют нашим подводникам! Командующий 1-й Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал В.К. Виттефт приказал дать хитроумную радиogramму о подрыве японских броненосцев и о том, что адмирал благодарит подводные лодки за удачное дело. Конечно, японцы перехватили это сообщение и «приняли его к сведению».

К концу 1905 года во Владивостоке находилось 13 подводных лодок. Все они вошли в Отдельный отряд миноносцев, который подчинялся начальнику Владивостокского отряда крейсеров контр-адмиралу К.Я. Иессену. А руководство действиями Отдельного отряда возложили на командира подводной лодки «Касатка» лейтенанта А.В. Плотто, а его заместителем был назначен лейтенант И.И. Ризнич, командовавший подводной лодкой «Щука». Таким образом, Плотто был первый командир первого Отдельного отряда подводных лодок. Его называли «дивизион самоубийц». Капитан 2-го ранга Александр Плотто и его субмарины — «Дельфин», «Сом», «Касатка» — это точка отсчета к той великой подводной армаде, которая была создана в нашей стране во второй половине XX века. Все наши подво-

дные флотоводцы, вплоть до нынешних адмиралов, стоят по ранжиру истории ему в затылок. Первым-то был он — Плотто. И самые первые в мире отчеты о боевом применении подводных лодок написал он, Александр Владимирович.

Шальные ветры Гражданской войны занесли семью контр-адмирала Плотто сначала в Севастополь, а оттуда в Стамбул. Король Греции пригласил первого флагмана русских подводников в Афины в качестве инструктора для нарождавшихся подводных сил греческого флота. Так Александр Владимирович навсегда осел в Пирее. Скончался он на 79-м году жизни, в 1948 году. Наш современник по минувшему веку.

Я стоял перед могилой Плотто с чувством невольной вины. Ни в одном из российских военно-морских музеев не встретишь не то что портрета этого замечательного моряка, даже имя его не упомянуто. Забыли сказать о великой заслуге Плотто в фундаментальном «Морском биографическом словаре». А все потому, что у советских историков он проходил по разряду «белоэмигрантов». И двадцати послеКПССных лет оказалось мало, чтобы исправить вопиющую несправедливость. Помнят о нем разве что здесь, в Пирее, да в Париже, где живет его внук — полный тезка деда. Именно от него я многое узнал, побывав в парижском доме Александра Владимировича, осмотрев его домашний музей, посвященный Русской эскадре в Бизерте.

Александр Плотто-младший появился на свет в Севастополе в недоброе время — в 1920 году, в самый разгар белой эвакуации. Младенцем покинул Россию на борту отцовского корабля. Его отец, лейтенант Владимир Александрович Плотто, командовал миноносцем «Гневный» и именно на нем, как и его сотоварищ по флоту лейтенант Манштейн на «Жарком», вывез свою семью в Константинополь.

«Шли годы. Саша Плотто вырос, стал Александром Владимировичем, получил хорошее техническое образование, — сообщает биографический очерк. — Появилась семья, родились

три сына, которым он дал любимые русские имена Михаил, Владимир, Петр, потом внуки. К сожалению, они уже не говорят по-русски. Выйдя на пенсию, А.В. Плотто занялся настоящим делом, как он считает, главным в его жизни — возвращает из небытия имена, даты, лица, принадлежащие тому периоду русской истории, который долгие десятилетия предавался забвению или анафеме.

Каждый день, вот уже на протяжении десяти лет, он неизменно, с кожаным портфелем в руке, к которому добавился в последнее время ноутбук, отправляется в старинный замок Винсент, где сейчас размещается исторический отдел армии и военно-морского флота Франции. Здесь в специальных металлических ящиках размером с большую посылку хранится настоящее сокровище — документы, личные бумаги офицеров и матросов Русской эскадры, вывезенные из Севастополя. За все эти годы А.В. Плотто смог ознакомиться с содержанием менее чем половины из них: архив занял 60 несгораемых ящиков.

Может так стать, что в скором времени эти архивы будут возвращены на родину, ведь Россия уже начала кое-что передавать Франции из ее документального наследия. А.В. Плотто доверено тщательно ознакомиться с русским военно-морским архивом. В памяти плоттовского компьютера сегодня тысячи фамилий. К слову, в этом же архиве он обнаружил послужной список своего деда, отца, многочисленных родственников, кровно связанных с историей российского флота. В 1998 году Александр Владимирович издал объемистый фолиант “На службе Андреевского флага в императорском флоте России”, где представлены биографии высшего офицерского состава флота. Сегодня к нему обращаются многие россияне, которые пытаются разыскать следы своих родственников, ставших эмигрантами. А.В. Плотто старается ответить всем. Это удивительно отзывчивый и потрясающе скрупулезный в “бумажных” делах человек.

Не так давно он передал в Россию, на родину, некоторые архивные документы, которые достались ему от потомков русских морских офицеров. Среди них — дневник, куда почти сто лет назад записывал свои воспоминания молодой морской офицер с броненосца “Пересвет” в Порт-Артуре. Его страницы обгорели, дневник лежал у мичмана на столе, когда в каюте разорвался японский снаряд. Вот его последние строки: “Нагорный и Авдеев спасали мои вещи...”

А еще Александр Владимирович подарил Российскому фонду культуры картину, которая хранилась и почиталась в семье как одна из самых ценных реликвий, — акварель “Зимний Петербург” кисти Александра Бенуа. Когда-то она принадлежала их родственнику Павлу Гавриловичу Криволаю, гардемарину морского корпуса в Севастополе. В свое время картина была подарена французскому послу в России — Морису Палеологу (известно, что первой российской царицей была София Палеолог, от герба ее рода происходит двуглавый орел, эмблема Российского государства). За это потомок славной морской российской фамилии Плотно был пожалован благодарственным посланием от президента России.

— Меня почему-то интересует все, что связано с Владивостоком, хотя я ни разу там не был, — признается Александр Владимирович. — Наверное, это досталось в наследство от деда, моряка-тихоокеанца. Есть у меня большая мечта — дожить до того времени, когда будет создан Музей русской эмиграции. Мы, уходящее поколение этой эмиграции, наши дети, живущие в разных странах, и нынешние россияне должны иметь что-то общее, чтобы научиться лучше понимать друг друга и наконец-то примириться. Что, как не общий дом, объединит всех нас. Музей эмиграции как раз должен стать таким домом, открытым для всех, кто захочет туда войти, чтобы узнать правдивую, без купюр, историю своей многострадальной родины. Здесь можно будет пред-

ставить богатейшую коллекцию произведений искусства, книг, фотографий, документов, просто предметов, которые хранят чье-то прикосновение.

Ведь именно из Владивостока, осенью 1922 года, хлынул второй поток русского исхода. Из города уходили вот уж поистине последние русские беженцы, не принявшие новую советскую власть. Их путь сначала лежал в Китай. Разномастная флотилия, насчитывающая 30 транспортов, под командованием контр-адмирала Старка, перегруженная сверх всякой меры военными грузами, служивыми людьми, беженцами, скарбом, взяла на борт около 10 тысяч человек. Увы, этих скитальцев небеса не пощадили, налетел жесточайший шторм, два транспорта затонули, спастись удалось немногим. Таким был финал того великого и трагического исхода.

Идея создания Музея русской эмиграции во Владивостоке родилась больше десяти лет назад. Увы, местные власти ею не зажглись. Может быть, все же стоит вернуться к этой теме. Пока не поздно».

...Но вернемся в Пирей. Мы уходим с кладбища вместе с Ириной Жалниной. Для нее сегодняшняя панихида была огромной радостью, но, похоже, растревожила и немало горьких чувств.

— Любого моряка, скончавшегося вдали от Родины, — рассказывает она, — провожали здесь в последний путь со всеми подобающими воинскими почестями. Смотрите, как описывали греческие газеты похороны скончавшегося 28 сентября 1895 года простого унтер-офицера Ивана Мазина. — Ирина Васильевна достала из сумочки блокнот: — «В больнице Занион умер вчера русский унтер-офицер Иоаннис Мазин из команды корабля “Джигит”, приписанного к Кронштадту. Панихида состоялась в 4 часа дня. Из Афин прибыл русский Архимандрит. Был также командир корабля “Черноморец” господин В.Я. Балъ и другие русские и греческие офицеры в мундирах и без голов-

ных уборов. Впереди траурной процессии шел военный оркестр. Присутствовала большая группа русских моряков и местных жителей, которые сопровождали покойного до нового кладбища, где хоронят русских».

На похоронах моряка Николая Шитова присутствовал контр-адмирал С.О. Макаров. На все панихиды королева Ольга присылала венки.

В 1894 году, согласно воле покойного, на русском пирейском кладбище был похоронен князь Михаил Алексеевич Кантакузин, военный атташе Русской Императорской миссии в Греции, потомок императорского византийского рода. Он имел русское подданство, окончил Михайловскую военную академию, был многолетним командующим Финляндского военного округа. Участник Русско-турецкой войны, после ее окончания был назначен военным министром Болгарии (пробыл на этом посту полтора года). На похоронах генерал-лейтенанта М.А. Кантакузина присутствовали: российский императорский посланник господин М.К. Ону с супругой, архимандрит, главный священник русской Средиземноморской эскадры и адмирал Макаров со свитой, состоявшей из 250 военных. Позднее тут хоронили и других представителей высшего общества.

На кладбище посадили пальмы и установили монумент, привезенный из России. На огромном гранитном валуне, перевитом корабельной цепью с якорем, написано: «Русским морякам от соотечественников». Мы фотографировались возле него. Венчает глыбу чугунный крест.

Казаки перенесли останки с казачьих могил в братское захоронение Афинской казачьей станицы.

И вот что обидно: мы оказались единственной страной-союзницей из участников Наваринского сражения, потерявшей свой исторический некрополь!

Соседнее английское кладбище осталось неприкосновенным.

Прошло уже почти 30 лет с тех пор, как в Греции нет хунты. Все законы, принятые в этот период, признаны в Греции недействительными. А мы до сих пор не попросили вернуть нам нашу историю и нашу славу обратно.

Сегодня русское кладбище, столько лет остающееся без должного ухода, сами видите, в плачевном состоянии. Сохранилось только около сотни русских могил. Из десяти могил генералов русской армии, участников Великой и Русско-японской войн, шесть могил не сохранилось. Из 38 могил полковников 25 нет, не сохранилось 19 из 26 могил капитанов. Тут погребены «первопоходники», морские офицеры, казаки, священники, сестры милосердия, военные врачи, государственные деятели, литераторы, художники. Тут похоронено 12 кавалеров ордена Св. Георгия (четыре могилы не сохранились). Из четырех известных могил «первопоходников» сохранилось три. Много разбитых и ушедших в землю плит, потеряны кресты. Но благодаря заботе русской старой колонии сохранились все имена.

Иногда мне верится, что настанут времена, и снова на этом месте будет ухоженный рай с пальмами, с могилами в идеальном состоянии и со всеми написанными именами! И на торжества будут приходить, как когда-то, сотни русских и греков, и этим мемориалом снова можно будет гордиться. А иногда руки опускаются, когда вспоминаю разговоры с некоторыми нашими чиновниками: «Вам ЭТО надо, — говорят они, — вы этим и занимайтесь». И в эти грустные моменты я думаю: «А может быть, те старики, которые, умирая, хотели сохранить в неприкосновенности русскую славу и честь на этой древней земле, были последним поколением русских, у которых была совесть?»

Подумалось: а ведь на таких женщинах, как Ирина Жалнина или Анастасия Ширинская, и держится наша историческая память, такая же хрупкая, как и их плечи. Вот и Ирина Васильевна не по долгу службы, а по долгу совести и велению

сердца бьется на греческой земле за каждый след русской истории. Поставила себе целью увековечить в мемориальных досках все победы русских моряков в Греческом архипелаге. Весной 2011 года был открыт мемориальный знак на острове Тинос.

* * *

В Пирее на борт «Одиссея» взошли председатель попечительского совета Фонда Владимир Якунин и президент Фонда Сергей Щерблыгин.

Удивительный человек Владимир Иванович Якунин. Чиновник высокого ранга, казалось бы, должен радовать в первую очередь о своих доходах, об укреплении своего служебного кресла, выискивать места для новых дач — как это делает большинство его собратьев по клану, а он каждый год паломничает в иерусалимский храм Гроба Господня за благодатным огнем, привозит его вместе с соратниками по Фонду Всехвального Апостола Андрея Первозванного в Москву, создает рабочие группы по восстановлению утраченных памятников (в том же Галлиполи, например), проводит в жизнь все новые и новые патриотические проекты, благотворительные акции. Вот и это морское паломничество удалось провести во многом благодаря его душевной энергии, его государственному авторитету и связям.

Дмитрий Белюкин написал портрет Якунина, идущего с благодатным огнем. Это едва ли не самый лучший портрет деятелей современного российского истеблишмента. На полотне — человек, одухотворенный не только благодатным огнем, но и мощным юношеским порывом к добру, борению, восхождению. Путеводный свет и благодатную энергию излучает этот портрет. Первая ассоциация при взгляде на еще недописанную картину была такая: да это же суть генерала Философова с его маяком на острове Китира!

Впервые за весь поход нашлось немного времени для поездки по городу. Едем в Афины.

Какой-то шутник сказал, что греки живут на иждивении у Зевса. И не только у него одного — у владыки морей Посейдона, у богини любви Афродиты, а также Гермеса, Гефеста и прочих богов с местного Олимпа. Все это так — и не так. Так — потому, что народ в Грецию валит со всего света, чтобы поглазеть на руины древнего гречества, и доходы от туризма, поставленного здесь с государственным размахом и частным сервисом, сопоставимы разве что с прибылью от продажи водки в бывшей Стране Советов. Туристы — такая же неотъемлемая часть греческого пейзажа, как и античные мраморы. Но это и не так, потому что кроме бизнеса на Зевсе, кроме великолепно развернутого курортно-экскурсионного дела греки располагают третьим в мире по величине торговым флотом. Солидные доходы приносит экспорт оливкового масла и маслин. Тут Греция опять в первой тройке мировых производителей. Тяжелой же промышленности в Элладе нет, как нет и собственного авиа- и автостроения, химических гигантов и атомной энергетики. Расщепленные ядра в орбитах электронов можно увидеть только на былых 20-драхмовых монетах вместе с профилем Демокрита — основателем атомистической теории мира и автора слова «атом» (неделимый). Имперский девиз «пушки вместо масла» в Греции переиначен — «масло (оливковое) вместо пушек», а также и вместо атомных бомб. Это кредо греческой экономики. И именно поэтому греческие пляжи считаются самыми чистыми в Европе, равно как и воздух (только не в Афинах), и вода (в горных источниках), куда не пал радиоактивный пепел нашего Чернобыля. (На снега Швейцарских Альп — пал, а на Олимпе и Парнасе, слава Богу, не выпал. Наверное, античные боги отвели заразу.) Правда,

даже небесные силы не могут пока вывести страну богов из жесточайшего экономического кризиса.

Национальное достоинство греков не очень ущемлено тем, что сыновья Эллады не летают в космос и не попирают башмаком астроскафандра поверхность Луны. С них достаточно подвигов Одиссея и Геракла, а также того, что каждый третий сухогруз в океанских просторах ходит под белокрестным синеполосым флагом. Кстати, белый крест на полотнище означает приверженность Греции к православию, а девять полос флага — это девять букв в слове «элефтерия» — свобода. Свободу греки ценят и умеют за нее сражаться. Знали это и персы, и османы, и римляне. В 1940 году (нашей эры) потомки древних воителей с берегов Тибра, сбитые в ряды отборных дивизий Муссолини, вторглись на Пелопоннесский полуостров. Плохо вооруженные, но горевшие духом свободы греческие войска разгромили интервентов. Пришлось Гитлеру помогать незадачливому союзнику... Но даже когда над Акрополем взвился флаг со свастикой, нашелся смельчак, который сорвал его оттуда. И мы, и греки помним его имя — Манолис Глезос.

Сегодня в Акрополе вавилонское столпотворение. Японцы, немцы, англичане, русские, итальянцы, шведы, дети всех племен и народов карабкаются по истертым мраморным ступеням, чтобы заполучить титул паломника, побывавшего в Акрополе, повидать одно из несочтенных чудес света, припасть, если не душой, то ладонями к камням умопомрачительной древности и красоты.

Стоит посреди Афин высокая плоская скала, а на ней самые главные храмы Античности. Это Акрополь. Я ожидал, что мое сердце замрет от восторга, но... Потом я понял, почему этого не случилось. Прежде чем увидеть оригинал — величественную колоннаду с классическим портиком, я повидал тысячи плохих и хороших копий, разбросанных по городам и весям России, и не только ее. Где только не подпирали фальшивогреческие пор-

тики псевдодорические, ложноионические, квазикоринфские колонны, украшавшие фасады партийных обкомов и городских театров, сельских дворцов культуры и провинциальных музеев, старопомещичьих усадеб и купеческих особняков... «Но ведь отсюда же все пошло! Здесь — подлинник, первоисточник, все остальное — проекция, тираж, мираж... — убеждал я себя. — Облака цепляются за углы Парфенона. Он парит над городом. Это царская корона Афин!» Увы, храм Зевса и Афины — всамделишнейший! — виделся полуразрушенным дворцом культуры. Ничто не могло вернуть новизны открытия.

Мраморные фигуры парфенонского фриза хранятся в Лувре, в Британском музее, в Берлине... Осколки Парфенона разлетелись по всему свету. Точнее сказать — их растащили отсюда могущественные и вороватые вояжеры. Все гиды Акрополя поминают недобрым словом лондонского деятеля лорда Эльгина, который вывез со Священного холма бесценные скульптуры. Это случилось полтора столетия назад, но переговоры с британским правительством о похищенных архитектурных сокровищах — к вопросу о реституции — ведутся и по сию пору. А вот другому лорду с берегов Туманного Альбиона воздвигнут в Афинах памятник. Лорду Джорджу Гордону Байрону, поэту, влюбленному в Грецию, как в прекрасную деву, поэту, чьи стихи обратили внимание Европы на турецкую провинцию с античными руинами — не более того, какой была она в представлении многих. Трудно сегодня представить, что во времена Байрона и Пушкина Греции как государства не существовало. Это Байрону обязаны греческие повстанцы моральной и материальной поддержкой христианских монархов в их отчаянной и победной борьбе против четырехсотлетнего османского владычества. Его пламенные строки зажгли тогда многие души:

О, Греция! Прекрасен вид
Твоих мечей, твоих знамен!

Спартанец, поднятый на щит,
Не покорен.
Восстань!..

Дева — аллегория Греции — склонилась над умирающим юношей. Таков памятник, который греки поставили Байрону неподалеку от Акрополя. И каждый день поминают на Акрополе недобрый словом лорда Эльгина. Два лорда, два англичанина, два имени в контрастах памяти.

* * *

«Запомнил я лишь ряд колонн да небо». Так писал Иван Бунин, побывав в Греции...

Греция: Аристотель, Александр Македонский, Платон, Демокрит, Сократ, Софокл, Эсхил, Анаксагор, Акрополь, Парфенон, «Метакса», Онассис, бузуки, сиртаки, маслины, апельсины, дельфины, черные полковники и Демис Руссос... Еще шубы дешевые. И еще: в Греции есть все. Кроме сала. Не едят они этого. А что едят? Самое вкусное местное блюдо, на мой взгляд, — клефтико, тушеное мясо ягненка. А как греки жарят рыбу! В любой таверне на любом из двухсот с лишним обитаемых островов Греческого архипелага рыбу готовят так, как во времена Сократа и Перикла, — на углях, с лавровым листом, красным перцем, чесноком и на сливках.

Если современные египтяне не имеют ничего общего с теми, кто возводил пирамиды и бальзамировал фараонов, — они арабы, то греки — это все же греки, прямые потомки тех эллинов, которые воздвигли Парфенон, заложили основы многих наук, философии и демократии. Нынешнему каирцу или александрийцу неведома пиктографика фараонов, современный же грек пользуется теми же буквами, которые выводили в своих трактатах Платон и Демокрит. Разумеется, нынешние афиняне не приносят жертвы Зевсу и Посейдону, они возжигают свечи

в православных храмах Спасителю, Богородице, Николаю-чудотворцу, но и египтяне XX века не славят бога Ра и Озириса. Правда, за четыреста лет османского вторжения в генетические структуры эллинов греки почти утратили в своих лицах античные черты (редко, но все же можно встретить еще чисто эллинские носы, брови, губы). Потеряв свой антропологический тип, они сохранили главное — язык праотцов и историческую память.

Поражают греки тем, что они в наш суматошный век сохранили уклад жизни своих древних пращуров. Как выращивали они три тысячи лет назад маслины, бобы, персики, виноград, так и ныне выращивают. Как ловили во времена Перикла кефаль и ставриду, осьминогов и креветки, так и сегодня вылавливают с незатейливых фелюг-баркасов. Как обжигали амфоры и пифосы из местной красной глины, так и теперь обжигают, даром что на потребу туристам. Но керамических мастерских и гончарен в Аттике — пруд пруди. Как чеканили на монетах из собственного серебра профили царей, мудрецов и богов, так и до недавней поры чеканили гордый лик Александра Македонского на стодрахмовых монетах (пока их не сменили космополитические евро). Как ходили в дальние и ближние моря аргонавты, так и сейчас бороздят океаны их потомки. А в том, что Одиссеи и Пенелопы не вывелись и в наши дни, легко убедиться, открыв телефонную книгу Афин. Я насчитал в ней с дюжину Одиссеев и семь Пенелоп.

«Курортно-пляжная держава», «оливковая республика», — подшучивают над страной греков туристы из городов-гигантов. Но они сразу проглатывают язык, когда в тавернах перед ними ставят на стол блюда с нежной брынзой-фетой, огромными иссиня-черными маслинами, рыбным филе «саламис», «рулетиками из фигового листа», фасолью в горшочке и жареными ребрышками — «поедаки», козлятиной, запеченной в лучших кулинарных традициях царя Эгея, да еще кувшинчик рецины —

виноградного вина с терпким привкусом сосновой хвои. Тут такое «поедаки» начинается, что успевай только тарелки менять.

У подножия Акропольской стены на старом Римском рынке стоит восьмигранная Башня Ветров. На каждой грани-румбе изваян барельеф, посвященный каждому ветру, налетающему на страну-полуостров со всех сторон света. Греки знали толк в парусах и ветрах... По островам Эгейского моря, как по перекладам лестницы, эллинские мореходы добирались до Дарданелл и Босфора, а оттуда по открытым и беспокойным просторам Понта Эвксинского на край света — к берегам Тавриды и Диоскурии. Вот и возвели своего рода храм — Башню Ветров.

Но ведь и у нас в Севастополе высится точно такая же! Совершеннейшая копия. И Петропавловский собор в Севастополе, что стоит над обрывом скалы, не что иное, как уменьшенное подобие Парфенона. И портик Графской пристани — это же портик храма Посейдона на Сунионе. И бывшее здание севастопольской Морской библиотеки — зеркальное отражение знаменитой афинской библиотеки Андриана.

И тут открылось: адмиралы Ушаков и Лазарев строили Севастополь как русские Афины! Они, немало поплававшие в Греческом архипелаге и блистательно повоевавшие в нем с османами, увидели в античной Элладе не просто руины золотого века, но образец, достойный подражания. Даже имя новой русской твердыни на юге дали греческое — Севастополис, град, достойный поклонения. А разве Афины не достойны поклонения?

Они, адмиралы русского парусного флота, наверняка знали легенду о бескрылой богине Победы — Афине. Горожане обрубили ей крылья, чтобы она никогда не покидала Акрополь и была берегиней славного полиса. Вот и в Севастополе, который возводился в противовес Стамбулу как новые славянские

Афины, адмиралы надеялись навсегда поселить победу русского оружия...

С высоты Акрополя в хорошую погоду видно куда как далеко. Кажется, если хорошо взглядеться, то сквозь непроглядную морскую дымку увидишь белую колоннаду севастопольского Херсонеса — точно такую же, как и у подножия Холма Храмов; и византийский купол Владимирского собора на господствующей высоте, и золоченый крест на нем...

О, Севастополь!..

А крейсер «Аверов», современник Русского исхода, как стоял, так и стоит в Пирее, переплыв из XX века в XXI. Его тут так и зовут — крейсер «Аврора». Старинный трехтрубный крейсер 1910 года постройки застыл на вечной стоянке у входа в порт Пирей, подобно питерскому «кораблю революции». Развевается над ним огромный крестно-полосатый флаг, а brave матросы в белоснежной униформе несут службу у трапа и на батарейной палубе точь-в-точь, как делалось до недавнего времени на «Авроре» или как это до сих пор делается на английском крейсере «Белфаст», что стоит на Темзе посреди Лондона как плавающий музей морской доблести британского флота. Во всей Европе только и остались эти три реликтовых крейсера довоенной постройки: «Аврора», «Белфаст» да «Авероф»...

Флагман греческого флота не знаменит громкими победами в морских сражениях. В годы последней войны он, чтобы не попасть в руки немцев, ушел к англичанам в Порт-Саид, а затем перебазировался в Триполи. После освобождения Греции вернулся на родину и на долгое время бросил якорь в бухте острова Порос, где находится Морская академия. Лишь в 2003 году учебный корабль обрел статус плавучего мемориала. Буксиры перетаскивали его на рейд Пирея и поставили у музейного пирса, где поблескивает медным тараном древнегреческая галера. Крейсер «Авероф» — это самый масштабный в мире памятник... благотворительности. Дело в том, что его подарил Греции турецкоподдан-

ный грек-предприниматель Георгий Авероф. В 1912 году страна стояла на пороге новой войны с Турцией. Авероф купил в Италии только что построенный крейсер и перегнал в Пирей. Говорят, это сразу же охладило воинственный пыл турок. Во всяком случае, более крупного корабля у Греции за весь XX век не было.

Брожу по палубам клепаного гиганта и думаю: найдется ли такой «новый русский», который подарит российскому флоту хотя бы тральщик? Нашелся, однако. Подводную лодку подарил московский предприниматель Андрей Артюшин. Оплатил подъем затонувшей в Кронштадтской гавани списанной субмарины С-189, нашел средства для ее ремонта и реставрации и поставил на Неве в качестве плавучего музея. Спас для истории и многих поколений моряков уникальный корабль. Низкий поклон ему за это!

* * *

Летом 1974 года турецкий флот начал высадку десанта на остров Кипр, что привело Грецию в состояние войны со своим старинным недругом. Две греческие подводные лодки вышли на перехват десантного отряда. Было послано оповещение всем судам об опасности захода в оперативную зону. Тем не менее туда пошел наш тральщик «Контр-адмирал Першин», чтобы вести слежение за ходом военных действий. Мне довелось находиться на его борту в качестве военного корреспондента, и я впервые в жизни испытал премерзкое ощущение угрозы из глубины. Торпеда не разберет, чей тральщик — турецкий или советский? А много ли тральцу надо?

Акрополь без Марины — пуст... Как она возмущалась англичанами, которые столько вывезли из Греции в свои музеи. Даже одну из шести кариатид. При турках в Парфеноне был гарем — кариатиды весьма символично его украшали, радуя глаз султана... Турки же разместили там и пороховой склад. Венецианский полководец, осаждавший Акрополь, узнав про

склад, приказал бить по Парфенону из всех орудий. Склад взлетел на воздух вместе с кариатидами. Потом их с израненными лицами снова вернули на свои постаменты, но балки Парфенона были навечно перебиты, а колонны разбросаны. В его руинах свирепствуют ныне цикады да завывают ветры в непогоду...

И все это стояло здесь, подпирая небо, за пять веков до рождения Христа!

Кто владеет Акрополем, тот владеет Афинами, кто владеет Афинами, тот владеет Элладой, кто владеет Элладой, тот чем только не владеет, поскольку в Греции все есть, кроме тертого хрена. Его привозят из России.

Стоянка мотобайкеров под Акрополем — байкерстан.

Отшлифованные до блеска, до опасной скользкости ступени и каменные тропы Акрополя вели вверх — к вершинам духа и спускались в низину города. С высоты Акрополя Афины представляли гигантским плоским муравейником. Все этажи — нараспашку, балконы в тентах, окна в жалюзиах и зеркальных пленках... Здесь умели защищаться от солнца, быть может, как нигде. В Москве, судя по эсэмэскам, тоже стоит лютая жара, да еще с дымом горящих торфяников. Как там мама?

Афины задыхались от июльского пекла. Машины гонят впереди себя волны зыбкого зноя. После раскаленного города настуженная кондиционером каюта родного «Одиссея» показала уголок рая. Холодный душ и бокал холодного вина на ужин. О, отрада жизни!

Ужинал в «офицерском собрании» вместе с Латыниным и Горбачевым, помянули Марину чаркой, помянули, как живую...

* * *

Из Пирея уходили под музыку Шопена (по трансляции) и под живую русскую балалайку. Вместе с нашим странствующим оркестром на балалайке играл и князь Трубецкой,

ошеломив всех своей близостью к народу. А затем к нему присоединился и вице-президент Фонда Михаил Якушев, и грянул небывалый концерт.

Светит месяц, светит ясный...

Светит полная луна...

Над Грецией и в самом деле сиял месяц, сияли россыпи созвездий, нареченных в честь античных богов и героев мифов. Берега и горы были облиты огнями и огоньками от края до края...

Одолжил телефон у Латынина — у него почему-то ловит сеть, — позвонил маме. Все хорошо, но пекло в Москве невыносимое. Однако у нее за спиной военный Сталинград, умеет спастись и от стужи и от зноя. То еще поколение...

* * *

Работа нашего походного штаба на первый взгляд не заметна, но весьма ощутима. Безупречно налажены быт, информация и досуг на судне. Более того, благодаря усилиям Михаила Смирнова, земляка Ильи Муромца, четко отлажен график выступлений и научных докладов в конференц-зале. Именно они превратили круизное судно в некий плавучий исторический научно-исследовательский центр. Здесь не только слушают и конспектируют, но и тут же в пути историки собирают уникальный материал, расспрашивая потомков эмигрантов, копируя их документы, воспоминания, фотографии. Время от времени вспыхивали диспуты — живые, интерактивные, никого не оставлявшие равнодушными. Именно в таких спорах и рождаются истины.

Благодаря походному клиру наших священников на судне налажена полноценная литургическая жизнь; как положено, в срок, верующие исповедуются и причащаются, служатся обеды и вечера.

С толком подобранные артисты — особенно из академического ансамбля русских народных инструментов «Боян» — наполняли походные вечера музыкой и песнями, что называется, в тему. Особенно душевно звучали старинные русские романсы в исполнении Ирины Крутовой.

Кстати, именно в нашем паломническом походе открылась и драматическая история знаменитого романса «Хризантемы» с греческими корнями.

Написал его Николай Харито, бывший студент мехмата, а потом юридического факультета Киевского императорского университета. Впервые романс был исполнен осенью 1910 года. Легенда о создании шедевра гласит: «Появился этот изумительный шедевр после такого случая. Капельдинер передал в ложу № 5 Киевского оперного театра, где сидел Николай Харито, открытку от незнакомки с надписью: “Какой вы интересный! Вы выделяетесь среди всей этой толпы!” Вероятно, экзальтированная барышня узнала молодого музыканта, ведь и все предыдущие его романсы имели невероятный успех.

При этом автор подрабатывал аккомпаниатором в кино-театре, располагавшемся на Фундуклеевской улице в здании театра Бергонье (сейчас это здание Русской драмы имени Леси Украинки). Именно в этих стенах впервые были исполнены “Хризантемы”. Позже, в 1913 году, по сюжету романса сняли фильм “Отвели уж давно хризантемы в сад”, который прошел по экранам с большим успехом — отчасти из-за популярности самого романса, отчасти благодаря участию в ленте тогдашних звезд немого кино — актеров Ивана Мозжухина и Карабановой.

Но грянула мировая война, и Николай был призван в армию, стал юнкером Николаевского пехотного военного училища. 22 марта 1917 года был выпущен прапорщиком. С началом русской смуты ушел в Добровольческую армию. Был откомандирован на службу в Тихорецк. Со слов его

сестры Надежды Ивановны известно: “Осенью 1918 года Николай Харито, достаточно смелый и рискованный молодой человек, отправился по приглашению друзей на свадьбу в Тихорецк. Среди множества гостей он выделялся и привлекательностью, и мужественностью. К тому же над ним витал ореол талантливого композитора. И, конечно же, к нему было проявлено повышенное внимание со стороны женской половины гостей и родственников невесты. Выходила замуж Софья Гонсерова, а ее сестра-близнец Вера пришла на торжество с блестящим офицером, бароном Бонгарденом, прибывшим из Петрограда. Женился приятель композитора, его университетский товарищ А. Козачинский. Николай Харито, как всегда, сидел за роялем, играл и пел. Вера, как и все рядом находившиеся дамы, буквально смотрела ему в рот, он же был популярный человек — молодой, красивый! Барон Бонгарден раз увел Веру от рояля, второй... Наконец, изревновавшись, пригласил Харито выйти поговорить. Вышли во двор. И, как потом рассказывали очевидцы, Бонгарден застрелил его в упор. Смерть Николая была мгновенной. Это случилось 9 ноября 1918 года — Николаю Харито не исполнилось и тридцати двух лет”. И было ему чуть больше, чем Лермонтову, чуть меньше, чем Пушкину. Но смерть он принял почти дуэльную.

Вот так вот и отцвели легендарные хризантемы на станции Тихорецкая... В прошлом году мне удалось побывать на старинном Лукьяновском кладбище в Киеве, где и погребен музыкант. Его могилу нашли и привели в порядок киевские энтузиасты. Сделать это было непросто — ведь в советское время имя Николая Харито было предано забвению, как офицера-белогвардейца, автора «мещанских романсов». И лишь благодаря энтузиазму украинской певицы Анжелы Черкасовой, школьного учителя Виталия Петровича Донцова, других поклонников композитора была найдена и приведена в порядок могила Харито. Сегодня

на мраморной плите выбиты первые строки романса, возвысившего его и погубившего...

В том саду, где мы с вами встретились,
Ваш любимый куст хризантем расцвел
И в моей груди расцвело тогда
Чувство яркое нежной любви.
Отцвели уж давно хризантемы в саду,
Но любовь все живет в моем сердце больном.

21 июля. Эгейское море

По курсу остров Лемнос. На Лемносе после похищения золотого руна останавливался Одиссей со товарищи. История повторяется в героях и кораблях. Современный «Одиссей» в белых палубах, как в белых тогах, бросит якорь на рейде острова... На берег нас доставят катерами лайнера. Заодно проверят их готовность к спасательным работам.

А пока слушаем великолепный доклад об острове и лемносском стоянии казаков Леонида Решетникова, автора замечательной книги-альбома «Лемнос».

Трагедия русского, казачьего Лемноса осталась в тени весьма известных ныне очагов эмигрантского рассеяния — таких как Бизерта или Галлиполи. И если жизнь в этих городах и городках можно назвать драмой, то на Лемносе разыгралась самая настоящая трагедия с таким зловещим следом ее на этой земле, как кладбище русских детей.

Первая волна беженцев выплеснулась здесь после катастрофы белой армии Деникина под Новороссийском в марте 1920 года. После поспешной и плохо организованной эвакуации с новороссийских берегов на Лемносе оказалось свыше пяти тысяч женщин, детей, стариков и калек. Это были члены семей офицеров-казаков, которые все еще продолжали борьбу либо сложили свои головы. Беженцев высадили на пустынный мыс

вдали от города (столица Лемноса — Мудрос). Жили во французских армейских палатках. Под утлый кров, рассчитанный на шестерых, набивалось по десять—двенадцать человек. Англичане жестокосердствовали: за полтора месяца в лагере умерли от зноя и болезней шестьдесят два ребенка. Детей хоронили английские солдаты, не допуская к могилам матерей. Закапывали быстро и без церемоний.

Карантин длился месяцами. В город не выпускали, не пускали к русским и местных греков, которые могли бы поддерживать их хлебом, брынзой, оливками, всем, чем испокон веку богат был Лемнос.

Первой отошла в лучший мир фрейлина императорского двора, носительница гордой фамилии Голенищева-Кутузова — Аглая. Еще через два месяца на кладбище стояло уже 132 креста, 132 могилы... Так Лемнос стал островом смерти для казаков.

После протестов международной общественности, и прежде всего русского военного командования англичане несколько смягчили режим и прислали два госпиталя. А потом их и вовсе сменили французы. Охрану несли сенегальцы. Однако жизнь в лагере не намного изменилась. Французский паек, и без того весьма ограниченный, выдавался не полностью, и казаки голодали. Не хватало дров на кипячение воды и приготовление пищи. Приходилось постоянно заботиться о добыче топлива. На безлесном острове со скудной растительностью достать горючий материал было делом нелегким. Бытовые лишения усугублялись полной информационной изоляцией: газеты на остров, конечно же, не поступали. На каменистом клочке земли, окруженном со всех сторон водой, казаки чувствовали себя как в тюрьме. Это ощущение усиливалось присутствием многочисленных французских часовых. Свободно передвигаться по Лемносу казакам по-прежнему не разрешалось.

Вторая волна русских беженцев прихлынула на остров осенью 1920 года после исхода белой армии из Крыма. Всего

прибыло более 18 тысяч кубанских казаков. Многие были с семьями. Вместе с ними на Лемносе ютились почти четыре тысячи донских казаков и незначительная часть терско-астраханских казачьих соединений и казаки-калмыки вместе со своими ламами. Огромный палаточный лагерь был разбит под осенними дождями прямо в грязи. Тем не менее кубанский лагерь жил походной жизнью — командиры пытались спасти воинский порядок, крепить дисциплину. Вставали в 5 утра. Затем начиналась строевая подготовка. Завтрак состоял из ложки консервов и четверти фунта хлеба. Антисанитария, холод, скудное питание, нехватка белья и медикаментов сделали свое дело. В лагере вспыхнули эпидемии сыпного и брюшного тифа, оспы и гриппа. Болезни косили казаков на Лемносе; умерших хоронили неподалеку от лагеря... Казаки поставили 15 палаточных церквей. В них отпевали, в них просили Господа о милости. Среди покинувших родину священников был епископ. Он и возглавил духовное окормление островитян. В невообразимой нищете открыли гимназию, детский садик. Выздорабливающие офицеры отбывали в Крым на войну с красными, оставляя свои семьи в ужасающих условиях.

Французы, не представляя, что делать с таким количеством людей, объявили среди них запись в Иностранный легион, и желающие служить в легионе находились. В основном это были молодые казаки, которые шли туда от безысходности... Подобный отток казаков весьма встревожил главнокомандующего Русской армией барона Врангеля, поскольку его борьба с большевиками еще не закончилась, и он вынужден был просить французов о временном приостановлении записи.

Петр Врангель прибыл на Лемнос 17 декабря 1920 года и сразу же произвел смотр воинских частей. Затем он обратился к казакам с речью, в которой всячески пытался подбодрить их в трудную минуту. Главком испросил право «ходатайствовать за них перед французами». Такое право казаки ему дали. Они

вообще восторженно приветствовали своего главкома, выражая полную готовность идти туда, куда он прикажет.

Приезжал на Лемнос и знаменитый казачий хор Жарова. Хор собрался в Турции, но впервые выступил на Лемносе. Наверное, это было его лучшее выступление, и более благодарных — до слез! — слушателей он больше нигде не собрал, хотя артисты-казаки исколесили потом весь мир.

«Лемносское сидение» продолжалось более года. И ждали казаки решения своей судьбы, пошучивая горько — «от Ростова до Рождества Христова»...

Наконец, в ноябре 1921 года большую часть казаков перебросили в Югославию и Болгарию, другие разъехались по многим странам мира — даже в Бразилию. Наезжали эмиссары и из Советской России, вербовали восстанавливать разрушенные бакинские нефтепромыслы. За это обещалась амнистия; эмиссарам верили и не верили. Выбор был невелик: направо пойдешь — коня потеряешь, налево подашься — голову снимут. Впрочем, кони уже давно были потеряны. А вот буйны головы еще никак не склонялись под ветрами с восточной стороны. Зимние же ветры валили здесь телеграфные столбы... Лемносскую зиму пережили не все: на острове покоятся останки около 500 человек, в том числе женщин и детей (82 могилы). Говорят, французские офицеры приходили на детское кладбище и не сдерживали слез...

И, как эпиграф к нашему визиту, строчки Арсения Несмелова:

Флаг Российский. Коновязи.
Говор казаков.
Нет с былым и робкой связи, —
Русский рок таков!

Однако связь с былым все же есть, и она теперь уже отнюдь не «робкая».

* * *

Доклад Решетникова меньше всего походил на информацию, это был живой рассказ равнодушного человека, всей душой принявшего боль той давней и почти позабытой казачьей трагедии. Его выступление было прервано грохотом якорь-цепи. Пришли! Лемнос! Рейд Мудроса.

«Одиссейские» катера доставляют нас на причал, где с одной стороны попыхивает дымком греческий эсминец, охраняющий здешние воды, а с другой нас уже поджидают автобусы...

Всякий раз, когда «Одиссей» входил в какой-либо порт, началась страда у административной группы работников Фонда во главе с Еленой Альбертовной Парфеновой. Это более чем не просто — организовать выход на причал, посадку в автобусы, поездку и возвращение сотен людей, среди которых немало лиц преклонного возраста, забывчивых, болезненных и рассеянных в силу возраста; обставить все так, чтобы всем хватило мест, чтобы отправиться вовремя, чтобы никого нигде не забыть. Да еще ночью, да еще в африканское пекло, когда плавятся мозги в муравейнике мегаполиса. И, к чести Парфеновой и ее помощников, ни разу не произошло никаких досадных накладок.

Едем в Калоераки, где расположено казачье кладбище. Судя по карте — это на отшибе отшиба. Карта острова Лемнос похожа на карту острова сокровищ, как если бы ее вычертил мальчик, начитавшийся пиратских романов: с причудливыми полуостровами, глубоко врезанными бухтами, с солеными озерами...

Остров вполне обитаемый и даже курортный. Но в этом земном раю для казаков определи адское местечко — самое гиблое, какое только нашлось на чудо-острове, пригодное разве что лишь для кладбища. Любую землю можно превратить в ад, если лишить ее воды и обрушить на нее неумеренное солнце. И ни клочка тени. Дикое неудобье — наковальня Гефеста, опаляемая жаром кузнечного горна.

Остров Лемнос лежит против святой горы Афон. Она смотрит на него зевом пещеры Нила Мироточивого. Мир и море... Мир, стекавшее от его мощей в Эгейское море, освятило вокруг острова воду. Но в не меньшей степени освятили его и страдания наших людей, муки умиравших в палатках детей...

Калоераки — русское кладбище на острове. Это вам не Сен-Женевьев-де-Буа и даже не пирейский «русский уголок» со вздыбленными, встроенными в стены часовни надгробиями. Скорбнее этих камней разве что только камни Голгофы. А колючки какие — сущие тернии... Эта прокаленная, почти прокаженная земля, утыканная колючками, осыпанная овечьим «горохом», камнями и камешками, сулила только смерть... Отец владыки Михаила, донской казак, переживший лемносское сидение, есаул Василий Донсков предлагал разбить здесь огороды: дайте только воды! Но получил от французского начальства вежливый отказ. В лагере росли только заросли кактусов-опунций да степные колючки.

Отбывал здесь срок и мой, надо полагать, сродственник — подхорунжий из кубанской станицы Терновской Семен Черкашин, 1891 года рождения. Здесь он отметил свое 30-летие, и лучшим подарком ему была эвакуация в Югославию (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) в составе дивизиона лейб-гвардии Кубанских и Терских сотен. Там он служил, как сотник Собственного Его Императорского Величества Конвоя. А после 1945 года уехал в США, где и скончался в 1973 году в Вайнленде. Сколько же было здесь подобных судеб...

Но слышали русскую речь на Лемносе и до казачьего лихолетья. В 1761 году, во время Русско-турецкой войны, сюда пришли русские моряки. Средиземноморская эскадра графа А. Орлова взяла Лемнос после нескольких месяцев осады и одержала победу над турецким десантным флотом. Район Мирины, где стоял наш гарнизон, до сих пор называется «цаст» — от русского слова «часть», войсковая часть... Однако силы и боеприпасы

орловцев были на исходе, и эскадра вынуждена была оставить Лемнос. Турки снова вернулись на остров и учинили кровавые расправы. Прямо у собора Св. Троицы в Мирине янычары повесили митрополита Иоакима, его помощника монаха-учителя Козьму, а также еще свыше трехсот лемносцев. Сам собор уничтожили до основания, сожгли сотни домов, церкви, часовни. Даже в 1832 году, когда значительная часть Греции стала свободной, Лемнос все еще оставался под турками. Но условия жизни изменились: Порта ослабила давление, особенно в налоговой сфере.

1 октября 1912 года Лемнос был освобожден греческим флотом под командованием адмирала П. Кундуриотиса, впоследствии президента Греции. Турки попробовали взять реванш, но 5 января 1913 года в сражении в Мудросском заливе их флот был наголову разгромлен. В феврале 1915 — январе 1916 года, когда Антанта пыталась отбить у Турции Дарданеллы, в Мудросском заливе базировались английские боевые корабли. Однако Галлиполийская битва закончилась для войск союзников неудачей. Две тысячи человек нашли последний приют на англо-французских кладбищах острова близ города Мудроса и села Портиану.

30 октября 1918 года в Мудросе представители Османской империи подписали акт, признающий ее поражение в мировой войне. Лишь с 1919 года на Лемносе, присоединенном к Греции, взвился бело-голубой греческий флаг, отчасти похожий на тот, под которым пришла Русская эскадра. Греки не забыли о моряхках эскадр графа Орлова и вице-адмирала Сенявина, внесших вклад в героическую борьбу греческого народа за независимость в 1770 и 1807 годах. В 2004 году на набережной города Мирины при огромном скоплении гостей и жителей города был открыт белораморный памятник русским морякам. Мы обязательно положим к его подножию цветы, а пока — через весь остров — в Калоераки.

Ландшафты за окнами автобусов крымские — такие же гористые и зеленые, только красно-черепичных крыш побольше. У нас же преобладает, увы, серый шифер. На обочинах частенько мелькают столбики с макетами церквей, размером со скворечник или даже улей. Это памятные знаки тем, кто погиб на дорогах... У нас — венки.

Лемнос — мой четвертый греческий остров. С Мариной мы побывали на Этине, Поросе и Хидре. Сказочные острова в своем патриархальном уединении, народной старине. На Лемносе же — печать трагедии, отгиск беды...

Едем долго, наконец указатель с надписью «Русское кладбище». Съезжаем на проселок, который ведет к месту бывшего казачьего стана. Кое-где еще различаются оплывшие палаточные гнезда.

И вдруг — страусиная ферма на месте русского лагеря! Что за странная символика? Казаки и страусы? Они же не прятали свои буйные головы в песок...

До недавнего времени лишь редкие старожилы знали, где находилось русское кладбище. Но ведь знали и помнили. Именно они вывели российских энтузиастов на мыс Пунда и показали на заросшее колючками поле: здесь! Засучили ребята рукава и стали не просто косить, а рубить лопатами жесткие колючие заросли. И вот тогда-то то тут, то там стали попадаться осколки плит с оборванными надписями на русском... Невольно припоминались строки песни: «Здесь нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты...»

В 2004 году трудами попечительского совета Новоспасского ставропигиального мужского монастыря был поставлен на месте стертого с лица земли кладбища трехметровый мраморный крест. А с 2006 года на острове каждое лето работает молодежный православный отряд «Лемнос», созданный попечительским советом монастыря. Ребята привели в порядок участок, где были погребены женщины и дети. Казачью часть

кладбища местные власти российской стороне пока не передали. Почему — непонятно. Этот клочок бесплодной земли не имеет никакого хозяйственного значения для островитян.

27 сентября 2007 года, в первую годовщину восстановления кладбища, владыка Алексей совершил там панихиду, а делегация кубанских казаков во главе с атаманом Громовым возложила венок и рассыпала у основания креста горсть кубанской земли. Большую помощь в организации памятного мероприятия оказала и Ассоциация российских бизнесменов на Кипре в лице ее президента Юрия Пьяных и вице-президента Валерия Гусева.

В 2009 году на территории восстановленного кладбища был открыт скромный мемориал, окружающий крест. На его стенах выбиты имена всех, кто был погребен в Калоераки. Мемориал открывала представительная российская делегация: заместитель главы Администрации президента России А.Д. Беглов, архиепископ Алексей (Фролов), викарий Патриарха Московского и всея Руси епископ Женевский и Западноевропейский Михаил (Донсков), посол РФ в Греции В.И. Чхиквишвили, атаманы Донского и Кубанского казачьих войск, князь А.А. Трубецкой и многие другие лица.

Вот и в этот раз делегация прибыла в Калоераки весьма представительная. И снова над скорбными камнями зазвучали древнерусские слова поминальных молитв. В тени мемориальной стенки незаметно стоял Ростислав Дон, держа в руках зажженную свечу. Надо было видеть, какое у него было лицо — умиротворенно-благостное, задумчивое и очень красивое, несмотря на девять десятков лет... После литии, проведенной у братского Креста, глава попечительского совета Фонда Всехвального Андрея Первозванного Владимир Якунин вручил бойцам отряда «Лемнос» памятные знаки нашего похода, нашел для них самые искренние, самые проникновенные слова.

А я смотрел на ребят и немного завидовал им. В их годы я работал в студенческом строительном отряде МГУ в Приэльбрусье — мы строили подвесную канатную дорогу для лыжников. Нужное в принципе дело, но его и близко не сравнить с духовно-исторической значимостью труда этих ребят. Удачи вам и ангелов-хранителей! И приезжайте сюда почаще. И все вместе будем помнить Лемнос. Как чтит его Валерий Латынин:

Их триста восемьдесят здесь,
В могилах Лемноса зарытых.
И список, может быть, не весь,
Изгнанием с Родины убитых.

В невинных целилась беда,
Все больше — в детвору и женщин.
«Сыпняк» косил их и нужда,
Презрение Запада — не меньше.

«Париж» припомнил казакам,
Как в Сене лошадей поили.
Попавшим в лагерь степнякам
Былых триумфов не простили.

Мор беспощадно выбирал
Посланцев мрачному Харону.
Здесь упокоен генерал,
Буддистский лама похоронен.

Кубанцы, горцы и донцы,
А также казаки-калмыки.
Трава колючие венцы
Сплела им на просторах диких.

Многострадален наш народ,
И будет ли конец страданий?
Веками к истине идет
Дорогой бед и испытаний!

После Калоераки заехали в аэропорт Мудроса, чтобы купить воды в местном буфете, перевести дух, занявшийся от жестокого степного пекла.

Мудрос. Провели митинг памяти у мраморного знака эскадрам Сенявина и Орлова. Наши священники вместе с греческими коллегами вознесли молитву за русских морских воинов. Развернули над памятником свой походный Андреевский флаг. Все сделали честь по чести. И даже осталось немного времени на небольшую прогулку по курортному городку. Улицы без тротуаров, от машин приходится спасаться на ступеньках крылечек.

Главные продукты Лемноса: брынза, сыр, оливки. С античных времен мало что изменилось. Основной род занятий островитян — судоходство, морская торговля. С незапамятных времен лемносцы развернули морскую торговлю не только по всему Средиземноморью и Черному морю, но ходили в Америку, и даже в Австралию.

В греческой мифологии Лемнос известен как остров бога кузнецов Гефеста и Вулкана, сына Зевса и Геры. В античную эпоху остров долго был объектом соперничества Афин и Спарты. Его захватывали и Александр Македонский, и римские легионы. В 1479 году Лемнос попал под власть турок-османов, господство которых продолжалось более 400 лет. Теперь греческие гвардейцы, которых мы видели в Афинах, в память об этих годах носят на своих форменных юбках (почти, как у шотландцев) 400 складок.

А вообще Лемнос — одно из самых древних поселений Европы. Торговые пути проходили здесь еще за шесть тысяч лет

до Рождества Христова. Были в истории лемносцев и периоды самостоятельного существования. Долговременный мир устанавливается на Лемносе при Константине Великом, когда остров входит в состав Византийской империи. Этот почти 600-летний период развития Лемноса заканчивается в 900 году, когда его покоряют сарацины. Однако продержались они на острове недолго. Последние пять столетий в истории Лемноса были насыщены весьма бурными событиями. Островом поочередно владели и Византия, и Генуя, и Венеция — и каждое новое владычество подвергали его жителей гонениям и лишениям.

Интересна гипотеза российского историка С. Цветкова: он связывает название острова с жившим на нем и рядом на материке племенем лемов. По гипотезе ученого, позднее лемы прошли через всю Европу и осели в Карпатах, дав имя современному Львову — до Первой мировой войны он назывался Лембергом, «гора лемов».

Но для нас этот остров навсегда останется казачьей Голгофой... Много слышал о Лемносе, но даже не мечтал побывать на нем. Счастлив, что удалось поклониться праху наших земляков-соотечественников. И будто по их благоволению, нас приняло в себя Эгейское море! Впервые за весь поход удалось войти в воду, да еще какую — освященную близостью Афона. Бросились в волны с городского пляжа. Жаль, нет маски — несколько раз нырнул с открытыми глазами — песчаное дно усеяно осколками амфор и прочей древней керамикой. Взял один черепок на память. Напишу на нем — «Лемнос».

22 июля. Чана-Кале. Пролив Дарданеллы

Утром распахнул шторы — ба, да мы уже в Дарданеллах! А рядом встал белый круизный лайнер на голову (на три палубы) выше нашего красавца, и зовут его «Си бурн». Однако любоваться некогда — мы подгадали как раз под морские учения НАТО, и надо поспешать, пока не закрыли здешнюю аквато-

рию. До Галлиполи еще предстоит добираться на пароме — город на северном берегу Дарданелл, то бишь в Европе, а мы пока в Азии. Замечательное выйдет плавание — за час из Азии в Европу попадем. В мире только две евразийские страны — Россия да Турция.

Проскочили по Мраморному морю мимо турецких десантных кораблей — успели! Теперь едем по суше в сторону Галлиполи. Дорога почти такая же, как шоссе из Севастополя в Ялту: слева сосны, итальянские пинии, справа море. Мраморное море. А еще подсолнуховые поля — одно за другим. Кубань да и только!

Для многих из нас, особенно для членов рабочей группы по восстановлению кургана памяти, Галлиполи уже почти родной город, побывали здесь и на закладке мемориала, и на открытии, и вот теперь новая встреча...

Но сначала о тех давних событиях на этой древней земле... Итак, вернемся в ноябрь 1920 года...

Я видел, как уходила в небытие Русская армия. Видел на подлинных фотографиях, сделанных в Севастополе, Бизерте, галлиполийских лагерях, в последних сербских, болгарских становищах русских полков. Те, кто семьдесят лет продержал эти уникальные снимки в чекистских сейфах, называли эти полки «белогвардейскими», «врангелевскими». Но они были прежде всего русскими полками. Они носили русские погоны и русские ордена, они унесли с собой русские знамена и перед русскими иконами они творили не «врангелевские» — а православные молитвы.

Дроздовцы, корниловцы, марковцы, алексеевцы — они покинули родину разбитыми, но не сломленными.

Русская армия и Советская армия уходили из истории по-разному. Я видел, как уходила моя, Советская... Сначала она уходила из Германии, из ГДР...

Лето 1989 года. Берлин. Уже была сломана пограничная стена и можно было ходить в западную часть германской сто-

лицы. Я был поражен, когда увидел, что все подступы к Рейхстагу были завалены советскими офицерскими тужурками — полевыми, повседневными, парадными... На парапетах и тротуарах, газонах и лотках навалом лежали шинели, бриджи, фуражки и погоны всех родов войск. Обиднее всего было видеть, что продавали советскую амуницию турки. Местные, берлинские турки, облаченные для рекламы товара то в полковничью папаху, а то и в генеральскую бекешу, несмотря на палящее солнце. Они продавали американским, французским, английским туристам знаки «Гвардия» и «Отличник Советской Армии», переходящие красные знамена и хромовые сапоги, пилотки и ушанки, офицерские ремни с портупьями и солдатские плащ-палатки. Только в районе Тиргартена, где земля в сорок пятом была устлана убитыми бойцами в почти таких же гимнастерках, можно было обмундировать по меньшей мере полк.

Еще держали власть Политбюро ЦК КПСС, КГБ, Главпур и командование ГСВГ — «Группы Советских Войск в Германии», но Советская Армия уже снимала с себя мундиры и погоны, толкала их с рук за твердую валюту. Я брал с лотков эти вещи, рассматривал: может быть, распродавали складские запасы? Нет, фуражки были подписаны изнутри фамилиями их бывших владельцев, а на ношенных тужурках пестрели ленточки должно быть тоже уже сбагренных наград. Офицерскую форму продавали прямо с плеча. Продавали не от голода, а от желания обзавестись валютой, чтобы успеть, пока не вывели в СССР, купить «видюшник» и фирменные «джинсы».

Вот майорские погоны с голубыми авиационными просветами. Такие носил после полета в космос Юрий Гагарин. Вот офицерская полевая фуражка. В такой погиб мой друг Володя Житаренко, когда, выйдя из БТР, поймал пулю чеченского снайпера. Вот шинель, воспетая Александром Твардовским, — «суконная, казенная, у костра в лесу прожженная солдатская шинель...».

Хорошо, что отец, прошедший войну от первого выстрела до победного залпа, не видел этого зрелища. В 1989-м рейхстаг стоял в густой канве брошенных на продажу мундиров — так в 1945-м бросали к подножию Мавзолея знамена вермахта. Выходило так, что спустя сорок четыре года немцы (немцы ли?) взяли моральный реванш за ту великую нашу победу.

Апофеозом национального позора в Берлине стал пьяный президент, отпихнувший капельмейстера и взявшийся дирижировать «Калинкой» на проводах последнего эшелона теперь уже не советских — российских войск. В бывших советских военных городках до сих пор ржавеют на постаментах брошенные танки.

* * *

Куликово поле, Бородинское поле... Было еще немало других — безымянных — полей и именных курганов, покрытых русской ратной славой. И вот Голое поле — Галлиполи — безвестный турецкий городок на каменистом берегу Мраморного моря. Здесь тоже была одержана одна из самых отчаянных побед русского, нет, не оружия, — воинского духа.

Злая осень 1920 года... Рок изгнания забросил 1-й армейский корпус генерала Кутепова в это турецкое захолустье, изрытое и избитое британскими снарядами. В Средние века здесь был невольничий рынок, где продавали в рабство плененных казаков-запорожцев. С той давней поры тоской по родине здесь был пропитан каждый камень, каждый комок прокаленный солнцем земли. Чужой земли...

Как ни странно, популярнейшая советская песня «Летят перелетные птицы...» звучит так, как будто написана она о них, белых воинах «Не нужен нам берег турецкий, и Африка нам не нужна...» А им-то и выпал этот «берег турецкий», да и Африка тоже...

Зимой — сырые промозглые ветры. Летом — изнурительная жара. Море в скалах. Земля в колючках и скорпионах. Скуд-

ный паек — на голодный измор. Резь в животе от кишечных болезней... И лютая полынная тоска по оставленным курским, рязаням, вологдам, смоленским...

Генерал Кутепов понял — только строжайшая дисциплина спасет корпус от разложения и гибели. Встали лагерем по всем правилам Полевого устава. Разбили палатки по ротным линейкам, построили знаменные площадки и ружейные парки, воздвигли шатер походной церкви и соорудили гимнастический городок. Открыли учебные классы для юнкеров и сколотили театральные подмостки. Не забыли про гауптвахту, лазарет и библиотеку. Наметили строевой плац и стрельбище. А вскоре пришлось размечать и лагерное кладбище... Болезни, климат и голод косили людей нещадно.

И все-таки в Голом поле, как и в других палаточных городках Русской армии — в Чилингире, Санжак-тепе, Кабаджии, на острове Лемнос, — правили гарнизонную службу, строились, молились, учились и ждали приказа в бой. Верили, что смогут освободить Россию от тех, кто прятался за штыками и спинами красноармейских полков и интернациональных батальонов.

Приехала союзная инспекция. Французские генералы ахнули: вместо беженского стана — образцовый войсковой лагерь, полки, батальоны, дивизионы эскадроны, батареи... Даром что без орудий. Они прибыли в Армию, сохранившую знамена и полковые печати, пулеметы и трубы духовых оркестров... А главное — воинский дух и железную дисциплину.

И был парад.

Перед коренастым чернобородым моложавым генералом — Александром Кутеповым — и его штабом шли, вскинув винтовки «на руку», батальоны в шеренгах по восемь. Шли в белых — скобелевских — гимнастерках и в фуражках: марковцы в черно-красных, алексеевцы в бело-голубых, дроздовцы в красновтерхих...

Под грустно-бравурные рулады старинных маршей печатали шаг так, что трескался такыр — раскаленная зноем глина. За их спинами остались Крым, Перекоп, Кубань, Каховка, Орел и Воронеж... Походы, рейды, прорывы, ретирадные бои... Еще дальше — окопы германской... Еще дальше — из мглы веков — продолжали тот парад скобелевские, кутузовские, суворовские полки.

Все это было забыто и отринуто до поры на той, на красной стороне. Поэтому последними наследниками всей славы Русской армии были они — не сменившие Георгиевские кресты на красные звезды, погоны на петлицы, а имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, начертанные на бронепоездах, на имена Клары Цеткин, Карла Либкнехта, Розы Люксембург и прочие иноземные святцы. Не их вина, что победили карлы и клары...

Я ставлю тот парад двадцать первого года в один ряд с ноябрьским парадом сорок первого года, когда по Красной площади полки шли из боя в бой. Та же поступь и та же мера величия духа. Галлиполийский парад не снимали в кино, и наблюдали его лишь турецкие мальчишки да старики-аскеры, рубанные еще под Плевной и на Шипке. Парад в Русской армии всегда был зрелищем для толпы и мистерией для посвященных.

И я там был... Не раз проходил мимо галлиполийского берега на борту корабля. Фуражек никто не снимал. И флаг не приспускали. Кто знал, что идем мимо русских могил? Да если б и знали, кто б позволил в 1970-х годах отдавать воинские почести белогвардейцам? Тут и сегодня их не больно жалуют... Зря, что ли, в пионерском детстве распевали: «На Дону и в Замостье тлеют белые кости, над костями шумят ветерки...»?

Господи, неужели такое пели?! Пели... В третьем классе, на уроках пения...

И все-таки один бывший советский офицер сумел выбраться в эти сирые места. Подполковник запаса Владимир

Викторович Лобыцын приехал в Галлиполи специально, чтобы разыскать остатки того памятника, который по камню сложили здесь солдаты и офицеры генерала Кутепова. Тот поминальный курган с крестом на вершине разрушило время и землетрясение. Много лет человек с искрой исторической совести вел неутомимую переписку с турецким МИДом, да и российским тоже, в надежде, что чиновники позволят восстановить русский памятник. Он же, Владимир Викторович, сумел добыть и эти бесценные фотографии. Не могу оторвать от них глаза...

Голое поле. Долина роз и смерти. Последний парад... Не сгибая ноги в колене... Мах рукой вперед до пряжки, назад до отказа. Равнение направо! На ладного в белой гимнастерке, перехлестнутой ремнями генерала. На спасенное знамя. На крест, что в вершине каменного шатра.

Под марш «Прощание славянки» шли в солдатских рядах прапорщики и полковники, подпоручики, штабс-капитаны, сотники, ротмистры... Шли корниловцы, марковцы, дроздовцы... Шла армия. Русская армия. Она уходила в историю. Не разбегалась в рассыпную. Маршировала в батальонных колоннах.

«Взвейтесь, соколы, орлами! Полно горе горевать...»

Потом был короткий вскрик полковой трубы: «Разойдись!» И они разошлись, разъехались, разлетелись по всему свету — от белых скал Босфора до черных болот Африки. Рубили уголь в шахтах Шпицбергена и валили эвкалипты в лесах Австралии, крутили «баранки» парижских такси и пробивали тоннели в горах Америки... При этом они, офицеры бывшей Императорской и Добровольческой армии, русские мундиры с рук не толкали, а если уж безденежье чужбины и заставляло закладывать ордена и кортики в ломбард, то непременно потом их оттуда выкупали. Впрочем, был случай. В одном парижском ресторанчике официант обслуживал посетителей в парадной форме поручика лейб-гвардии Семеновского полка. Однажды вечером к нему заглянули двое молчаливых мужчин. Сняли

с официанта аксельбант и свили удавку, потом положили перед ним револьвер с одним патроном — на выбор. Поручик, уронивший честь мундира, смыл позор кровью...

В 1989 году некая Катя Филиппова, объявившая себя модельером, стала компоновать из погон, кокард, эмблем, воинских знаков Советской Армии немыслимые клоунские наряды для женщин (!), где на черно-красной фуражке суворовца красовался военно-морской «краб». Она перелицовывала офицерские тужурки в немыслимые жакеты, украшенные артиллерийскими петлицами...

Это было форменное издевательство над военным мундиром Отечества. Еще всюю функционировало Главное политуправление Советской армии и ВМФ, но ни один возмущенный голос не раздавался оттуда, стыдливо промолчала и «Красная звезда». Хотя работы лихой Катюши демонстрировались не только с журнальных разворотов, но и на телеэкране. Промолчали. Скушали. Вот вам и честь мундира.

У Пьера Кардена, который, по мнению одного популярного журнала, «отдыхает рядом с Катиным гардеробом», рука не поднялась сделать маскарадный костюм из деталей французского мундира. Умолчу о творениях иных кутюрье. Слава Богу, что свои мундиры мы носили не от Юдашкина, поправшего все традиции русской военной формы.

* * *

В двадцатых годах XX века произошла удивительная, небывалая в истории вещь: упраздненная Русская армия выставила свои посты по всех странах мира. Они назывались по-разному: где «обществом офицеров», где «казачьим землячеством», где «военно-историческим кружком», где «кают-компанией»... Но все это были частицы одной армии. Никто не забыл ни номер своего полка, ни год своего производства в первый офицерский чин, ни день полкового храмового праздника, ни фамилию

командира, ни имена товарищей. Они держали связь между собой, меж осколками своих полков и своим зарубежным главнокомандующим — генералом Кутеповым, возглавившим в Париже Российский общевойсковой союз (РОВС).

Их боялись... Боялись те, кто их победил. Боялись в красном Кремле и на Лубянке. Не сумев одолеть Кутепова в открытом бою — а он сам водил свои цепи в атаку, порой под духовой оркестр — рыцари лубяного плаща и «железного Феликса» скрутили его на манер нынешних «братков», заманив, подкараулив, оглушив. Точно так же обошлись потом и с его преемником — генералом Миллером. Очень боялись этой рассеянной, но не сломленной армии.

Время работало на чекистов — «беяки» вымирали сами в далеких своих парагваях, тунисах, маньчжуриях... Множились в эмигрантских журналах столбцы «Незабытые могилы»: «Поручик Марковской артиллерийской бригады Владимир Иванович Тарасов (галлиполиец) скончался 1 августа 1967 г. в Манхейме (Зап. Германия)».

«...В Париже представился протопресвитер отец Виктор, бывший офицер 6-го Бронепоездного дивизиона».

«...В Стокгольме — лейтенант Русского флота Павел Павлович Потоцкий».

«В Италии — военный летчик капитан Михаил Александров».

«В Нью-Йорке — есаул Гвардейского Кубанского дивизиона Александр Грамотин».

«В Сиднее (Австралия) — подпрапорщик Федор Маслов»...

Печатали этот бесконечный синодик и возглашали: «Новопредставленному боярину воину Федору не суждено было получить высшую награду, о которой он мечтал, — вернуться на горячо любимую Родину. Наградой за верную службу Отчизне стал ему деревянный крест на чужой земле».

Никто не знает, кто и когда назвал этот лес в парижском предместье именем святой Женевьевы. Но хорошо известно, когда в Сент-Женевьев-де-Буа начали хоронить русских людей. Первые могилы появились на старом сельском кладбище, отведенном муниципальными властями для православных эмигрантов, в 1927 году.

Небу было уютно, чтобы сюда снесли цвет русской истории и культуры: Апраксины, Голицыны, Оболенские, Долгоруковы, Мусины-Пушкины, Скрябины, Глинские, Голенищевы-Кутузовы... Иван Бунин...

Немало упокоено здесь и тех, кто пережил лихолетье Голого поля. Даже после смерти они легли повзводно и поротно — как шагали на том прощальном параде. Даже после предания тел земле их погоны проступили поверх каменных плит — в цветных эмалях. Их воинские чины навечно приросли к их фамилиям.

И держат равнение надгробные плиты перед памятниками их командирам — Кутепову, Дроздову, Маркову, Алексееву... В этом есть вызов смерти — ты никогда и никого не сможешь вырвать из наших последних рядов. Мы сомкнули их навечно!

В этом есть и вызов живым: смотрите, постигайте, завидуйте — мы — Армия. Мы — вместе. Мы ушли навсегда. Но смотрите, к а к ушли! В боевых порядках.

Смотрите нам вслед. Вспоминайте. И гордитесь! В ваших жилах течет и наша кровь.

Для тех, кто все еще ничего не понял: вот если бы герои Сталинграда и Курской дуги были бы изгнаны из страны за полгода до победы в результате антисоветского переворота в Москве, то им бы тоже пришлось ютиться в палаточных лагерях где-нибудь на чужбине. Вот это и есть Галлиполи!

* * *

И вот уже нет ни Русской, ни Советской армии, есть Российская. Ее новая кокарда объединила в себе символы и той и другой: пятиконечная звезда на фоне георгиевского соцветия. Ей всего

ничего, этой новой армии. Она еще не одержала ни одной победы, ну разве что над грузинским воинством. Но на ее по-прежнему алых знаменах черная гарь предательской чеченской бойни. Ею командуют пока все те же, в большинстве своем советские, офицеры. Тульи их фуражек украшают двуглавые орлы, и никому из них неизвестно, что до 1917 года орлы крепились лишь на шапки жандармов, а армия и флот носили те самые черно-оранжевые кокарды, которые один арбатский генерал пренебрежительно назвал «мишенями». Где-то он прав. Да, мишени — ведь офицеров снайперы выцеливают в первую очередь.

Известный адмирал обозвал возвращенный флоту Андреевский флаг «полосатой тряпкой». Ну что тут скажешь, если для этих людей по-прежнему история страны начинается с 1917 года?

Жаль, что они не стояли в те жаркие дни в Берлине перед Рейхстагом, усталым советскими мундирами. А может, потому они и лежали там на забаву туристам, что те, кто их носил, и понятия не имели о чести мундира? Да и откуда им было знать, что их деды в 1918 году приколачивали пленным офицерам погоны к плечам гвоздями по числу звездочек на просветах? «Красная звезда» об этом не писала...

В Советской армии много говорили о традициях. Их пытались спускать сверху вместе с директивами Главпура. Большая часть этих придуманных традиций, увы, оказалась мертворожденной. Не смогли привить самого главного, того, что спасало потом галиполийцев и всех тех, кто оказался на чужбине, — чувства «полковой семьи». Тут есть и объективная причина: сроки службы солдат резко сократились, да и офицеры на одном месте долго не задерживались. Сколоченные полки и экипажи браконьерски раздергивались, чтобы затыкать кадровые дыры в других частях и соединениях.

Но полк, как добрая дубрава, хорош своими корнями. В Англии ружья, как доносил Левша, кирпичом не чистят. Там и поныне полки, отличившиеся в Крымской войне, носят нашивки

за взятие Севастополя. А вот советским полкам передавали сосуды, сообщавшие их с фанаторийскими, преображенскими, измайловскими и прочими прославленными в веках полками. Кого и на что могла вдохновить служба в танковом полку имени XXII съезда КПСС или на подводной лодке «60 лет шефства ВЛКСМ»?

Когда я вижу на картине Верещагина смертельно раненного под Хивой бойца с белой лычкой на синем погоне, я понимаю — это мой соотич. Его убили. Больно и жалко. Когда я вижу новоиспеченного российского сержанта с непонятными мне металлическими «утольничками» на плечах, я узнаю в нем латиноамериканского капрала из фильма про гаитянских «тонтонов».

Говорят, при Министерстве обороны создан Военно-геральдический комитет, призванный изучать и внедрять то лучшее, что было в русском военном мундире. Трудно поверить в существование этого органа, глядя на те аляповатые блямбы, которые нынешние воины носят на своих воротниках вместо эмблем. Да и сами погоны ныне все больше и больше теряют свои исконно русские черты. Все чаще и чаще с них стирают традиционные просветы младших и старших офицеров. Погоны пытаются представить некой непритязательной деталью одежды, не более того. А Юдашкин и вовсе их отменил на полевой форме. Перенес знаки различия на галстук (!), который бойцы метко прозвали «собачьим языком». Или нашим нынешним военным горе-реформаторам застит глаза благолепие атлантической униформы? Но даже женщины в отличие от нынешних армейских модельеров понимают, что погоны — это много большее, чем «наплечные знаки различия». Вот четыре строчки поэта Тамары Казьминой:

Золотые погоны,
Вас рубили с плеча.
Шаг один до победы,
Шаг еще сгоряча...

Мой отец всю жизнь гордился тем, что он был участником первого «парада в золотых погонах». Тогда, в 1943 году, по улицам Москвы впервые прошли выпускники военных училищ и офицерских курсов в возрожденных погонах. Сегодня погоны стали предметов изощренного глумления во всевозможных «масках-шоу», некоторые фотомодели предпочитают демонстрировать свои прелести именно в офицерских мундирах. В одной из недавних передач КВН ряженные парни в офицерских мундирах ползали потехи ради на четвереньках по сцене. Смешно? Омерзительно! Ну, рубил некий «художник» православные иконы топором и считал это «ноу-хау» в своем «поп-арте». Так ведь и публично опущенные на колени люди с офицерскими погонами на плечах — из того же мерзкого ряда глумливых пакостников или иванов, родства не помнящих. Однако никто не возмутился, все проглотили, даже главная военная газета стыдливо промолчала.

Может, и в самом деле офицеры нынче не те пошли? Дегранировало это некогда почитаемое на Руси воинское сословие?

И никогда не забуду, с каким трепетом разворачивал мой знакомый историк тряпицу, в которую были завернуты золотые погоны прапорщика морской авиации, найденные в тайнике на одном из питерских чердаков. Кто-то из бывших офицеров спрятал свои погоны в лихую годину на чердаке своего дома. Не выбросил, схоронил... А погоны были сродни произведению искусства — из настоящей золотой канители об одной серебряной звездочке с серебряными же крылышками.

Традиции... Когда английские военные моряки окунают своих новорожденных детей в рынду — корабельный колокол, — как в купель, это традиция. Когда я вижу на нашей «Авроре» портрет убийцы последнего командующего Балтийским флотом вице-адмирала Непенина, мне хочется выть от такой «традиции». Но ведь висит же, невзирая на все перестройки и «новое мышление»...

«От тайги до британских морей Красная Армия всех сильней!» Впрочем, красная армия красной армии рознь... Красноармеец 1919 года совсем не тот, что красноармеец после НЭПовских времен. Красноармеец 1941 года психологически не похож на своего сослуживца, не понюхавшего пороха до финской кампании. А бойцы 1945 года и 1955-го разнятся и того пуще. Вот и в 1989 году Советская армия была совсем иной, чем до афганского рубежа. Освистанная прессой, оплеванная обществом, забытая своим Верховным главнокомандующим, «лучшим немцем года», она беззастенчиво продавала свои мундиры германским туркам-перекупщикам.

И у мраморной Могилы Неизвестного Солдата, и у затоптанных холмиков галлиполийского погоста я сдерживаю в груди рыданье: простите нас за то, что мы такие!

КАК БЫЛ ВОЗРОЖДЕН ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ ПАМЯТНИК

Тем Турци — серп,
Тем Серби — крест:
Погост найди,
Где русского нет!

Марина Цветаева

Русский курган на берегу Дарданелл простоял 28 лет. В 1949 году его разрушило землетрясение. Камни, собранные русскими солдатами, растащили местные жители на свои постройки.

«В конце 50-х годов XX столетия, — пишет историк Виктор Васильевич Петраков, — отдел Общества галлиполийцев во Франции в инициативном порядке решил соорудить памятник на так называемом Галлиполийском участке русского кладбища в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. По проекту художника

Альберта Александровича Бенуа новый памятник как бы возрождал в уменьшенной копии, но с соблюдением всех пропорций тот изначальный Галлиполийский каменный курган. Этот монумент, ставший центром целого комплекса в честь героев Белой борьбы, и сегодня можно видеть на русском кладбище вблизи Парижа. Попытка нечто подобное сделать в сегодняшней России, в частности в Санкт-Петербурге, на территории кладбища Александро-Невской лавры, не увенчалась успехом. Обращение, инициированное известным исследователем В.В. Лобыцыным, автором этих строк и другими ревнителями военной истории, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский вежливо отклонил, предложив реализовать этот проект на Пулковских высотах, дабы избежать возможных протестов и противостояний».

История возрождения русского кургана в Дарданеллах по-своему драматична. В начале 90-х годов минувшего века известный военный историк сотрудник журнала «Вокруг света» Владимир Лобыцын приехал в Галлиполи и попытался отыскать место, где стоял памятник. Ему удалось даже на месте бывшего русского кладбища найти несколько обломков этого монумента. Возможно, именно тогда и возникла идея восстановления каменного кургана. Несколько позже В. Лобыцын поделился своими замыслами с автором этих строк (в ту пору обозревателем «Российской газеты»). 28 сентября 1993 года в газете появилась реплика:

«Русский курган в Дарданеллах. Россия добивается восстановления своего памятника в “Голом поле”»

Почти тридцать лет простоял на берегу Мраморного моря в турецком городке Гелиболу (быв. Галлиполи) рукотворный каменный курган, сооруженный на русском кладбище солдатами, казаками и офицерами белой армии, ушедшей в Турцию из Крыма под ударами красных. Скорбная страница российской истории была отмечена этим уникальным

памятником, который исчез с лица земли после землетрясения 1949 года.

Четыре года назад по инициативе старейшего российского журнала “Вокруг света” была предпринята первая попытка получить разрешение турецких властей на восстановление утраченного монумента. Мэр Гелиболу с пониманием отнесся к этой идее, тем более что русские воины оставили по себе добрую память. Однако дальнейшие усилия энтузиастов натолкнулись на глухую стену чиновного молчания. Не откликнулись официальные власти и на ноту российского посольства в Анкаре, в которой была высказана просьба о получении такого разрешения. В августе прошлого года и в апреле нынешнего были посланы ноты-напоминания, но и они остались без ответа.

Во время недавней официальной поездки в Турцию Председатель Государственной Думы Геннадий Селезнев обратился к турецким парламентариям с просьбой помочь решить нашу историко-культурную проблему. Однако Анкара по-прежнему хранит невнятное молчание: ни да, ни нет.

В Москве под эгидой Российского института культурного и природного наследия Министерства культуры РФ и АН, а также Российского фонда культуры создан инициативный комитет по восстановлению галлиполийского памятника. В его состав вошел и посол Болгарии в России Василий Такев. Может быть, ему удастся сдвинуть воз с мертвой точки?

Во всяком случае, тот мощный коммерческий поток, который возник между Россией и Турцией в последнее десятилетие, тесное экономическое общение наших народов, должны, наконец, сказаться и в культурном плане. Восстановленный Курган Памяти был бы добрым тому знаком.

Но так случилось, что по воле Провидения наконец, после многих отказов, смягчились турецкие власти и дали «добро» на восстановление Галлиполийского памятника на историческом

месте полуострова Галлиполи. Идея была поддержана мэром города Гелиболу, вблизи которого и располагался почти 87 лет назад лагерь 1-го Русского армейского корпуса. Был выделен участок площадью 860 кв. метров для восстановления памятника на месте исторического русского кладбища. Когда же турецкие власти в Анкаре официально разрешили заниматься этим проектом, мэр Гелиболу Джихат Бингель санкционировал проведение работ по выравниванию участка, приведению его в порядок. Все работы были проведены безвозмездно. Кроме того, была установлена табличка с текстом на турецком и русском языках о предназначении этого землеотвода. Турецкая сторона инициативно провела и некоторые другие работы: подвели электричество, воду, взяли пробы грунта на геологическую экспертизу. Ради исторической справедливости следует сказать, что тему восстановления памятника пытался продвигать фонд генерала Кутепова. При поддержке Россвязьохранкультуры удалось пробудить заинтересованное отношение турецких властей к идее, «почва» была разрыхлена, но найти источники финансирования оказалось непросто. Складывается впечатление, что турецкие власти проявляют даже большее рвение, нежели российские. Конечно же, в этом можно увидеть и психологические, и экономические предпосылки. Достаточно вспомнить, что российские туристы и торговцы-«челноки» в последние годы несомненно обеспечили экономический подъем Турции. Строительный бум в России также не обошелся без турецких фирм. Поэтому для небольшого городка в далеко не курортной зоне появление для начала хоть какого-то числа туристов, привлечение средств для развития инфраструктуры города — это вполне привлекательная идея. И ревнителям российской военной истории при поддержке властей просто грех было не воспользоваться этим встречным порывом со стороны турецкой администрации. В 1996 году вопрос о восстановлении памятника был

поставлен посольством Российской Федерации перед МИД Турции. В результате длительных усилий, предпринимавшихся российской стороной в сентябре 2003 года, турецкие власти дали разрешение на восстановление памятника российским воинам в Гелиболу «в соответствии с оригинальным проектом». Правительство Турции разрешило восстановление памятника лишь в строгом соответствии с его внешним видом до разрушения в результате землетрясения 1949 года. Переданный правительству в 2004 году проект реконструкции, разработанный Студией военных художников им. М. Грекова (архитектор А.А. Христос, скульптор Н.А. Селиванов) был признан соответствующим требованиям. Немаловажную роль в продвижении и реализации этого проекта сыграли и посольство Российской Федерации в Турции, и генеральное консульство в Анкаре. Всестороннюю поддержку стремится оказывать Управление по сохранению культурных ценностей Федеральной службы Россвязьохранкультуры, общественность Москвы, Санкт-Петербурга и ближайшего зарубежья. Как это часто бывает, дело тормозится из-за «малого» — не было денег, которые можно было бы использовать для восстановления Галлиполийского кургана славы.

В марте 2006 года посольство Российской Федерации в Турции направило письмо в адрес регионального общественного фонда содействия укреплению национального самосознания народа «Центр национальной славы» как представительной общественной организации, положительно зарекомендовавшей себя на историко-мемориальном поприще, с просьбой осуществить восстановление галлиполийского памятника. Фонд принял это предложение с энтузиазмом. Был создан попечительский совет данной программы восстановления памятника. Главными задачами программы определены: увековечивание памяти россиян, скончавшихся в Галлиполи; объединение начинаний ряда российских органи-

защиты в деле восстановления памятника; содействие процессу преодоления идеологического раскола русского общества. Проект мемориала и программа мероприятий были рассмотрены и утверждены 27 июня 2007 года на первом заседании попечительского совета программы под председательством Владимира Ивановича Якунина. За основу было решено взять проект турецкой фирмы «Тес-Иш». На состоявшемся в июле 2007 года заседании совета было окончательно принято решение о необходимости восстановления мемориала. В ноябре с турецкой строительной компанией на основании тендера был заключен соответствующий контракт на производство работ по восстановлению комплекса.

10 января 2008 года в присутствии епископа Женевского и Западноевропейского Михаила, чрезвычайного и полномочного посла РФ в Турции В.Е. Ивановского, генконсула РФ в Стамбуле А.И. Кривенко, вице-президента Центра национальной славы М.И. Якушева и представителей турецкой стороны состоялась торжественная церемония закладки в основание памятника капсулы с обращением к потомкам. Обращение подписано сопредседателями программы восстановления мемориала, председателем попечительского совета Центра национальной славы В.И. Якуниным, министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым, министром культуры и массовых коммуникаций РФ А.С. Соколовым.

А через год рабочая группа во главе с Владимиром Ивановичем Якуниным отправилась в Гелиболу принимать готовую работу.

И вот сейчас на территории бывшего русского кладбища гордо высится курган-монумент, благоустроен окружающий земельный участок, сооружена ограда, построено здание небольшого музея, где размещена экспозиция, посвященная пребыванию Русской армии в Галлиполи. Там же горит и неугасимая лампада.

Землетрясение — слепая стихия, но в случае с галлиполийским памятником в этом катаклизме можно усмотреть волю Провидения. Монумент, созданный руками солдат, казаков и офицеров генерала Кутепова, разрушен был для того, чтобы мы, современные соотечественники россиян-изгнанников, смогли воздвигнуть его заново. Более зримой связи поколений представить себе трудно.

А впрочем, была и еще одна ниточка, по которой остро передался ток времени. Историк Михаил Блинов дал полистать мне подлинные рукописные журналы, которые выпускали галлиполийские юнкера, — «Школьная заря». Ничего подобного я не держал в руках! Аккуратные рукописные строчки, начертанные юношеской рукой, а главное — великолепные рисунки переносили в мир чувств, забот и ожиданий молодых людей, из-под которых родину выдернули, как простыню. Они еще не осознали до конца своего трагизма — никто из них больше не вернется в Россию! — они не хотели верить в худшее, и со свойственным юности оптимизмом пытались скрасить свое вынужденное сидение в турецкой глухомани юмором, стихами, фельетонами, воспоминаниями... Каждый номер приоткрывал их исчезнувший мир и их давным-давно отлетевшие души...

* * *

И вот мы снова здесь — кто в первый раз, а кто уже и в третий, а кто и в пятый... Нас ждали: городские власти заботливо поставили тент от палящих лучей, под которым укрылись самые пожилые участники похода. Митинг у Кургана Памяти, как всегда, начался с официальных речей: выступал мэр Гелиболу, выступал Владимир Якунин... Несмотря на неизбежный в таких случаях официоз, все говорили довольно взволнованно, ибо понимали, что речь идет о нечто большем, чем возрождение памятника истории. Никто и в самом деле не ожидал, что вместе с этим совсем небольшим строительством (в масштабе

иных бизнес-проектов) будет проложен еще один мост — мостик — в отношениях между Россией и Турцией. И довольно прочный, поскольку народной дипломатии тут намного больше, чем казенной МИДовской. Вон как смотрят на нас с балконов и окон близстоящих домов! В свое время Кутепов вручил медаль «За усердие» турку-галлиполийцу, который предоставил часть своей земли под русское кладбище. Теперь, спустя 90 лет, юбилейную медаль «В память эвакуации русской армии из Крыма» передали его внуку.

После панихиды по русским воинам потомки галлиполийцев спели полковую песнь своих отцов.

А рядом с курганом уже вызрела айва — наливные плоды сияют на солнце. И вовсю горланят турецкие петухи.

Потом всех по уже сложившейся традиции отвезли в морской ресторанчик в порту. Там и наш старый знакомый по прошлым приездам, профессор географии из Чана-Кале Айдин. Коренной бакинец, он немало поспособствовал тому, чтобы встал русский курган в Дарданеллах. Город встретил нас балабачными переборами нашего походного оркестра: «Светит месяц, светит ясный...» Песнь вполне в тему, если принять во внимание, что полумесяц светит и на гербе Турции. Музыканты «Бояна» расположились в скверике главной площади. Оттуда же грянула и залихватская казачья «Маруся раз, два, три!». И ожили тени, и вернулись в Голое поле русские полки, и повеяло тоской полынной и русской удалью...

Солист Василий Овсянников потрясал жителей городка своим великолепным гласом. Потом отвечали турецкие артисты, пели свои тягучие, как местная дондурма (мороженое), грустные песни.

Из ресторана мы с Дмитрием Белюкиным и Виктором Петраковым по общему сговору тихо ретировались, взяли такси и отправились в долину роз и смерти, туда, где стояли кутеповские полки. Важно было посмотреть — остались ли

там какие-либо следы русского пребывания. К тому же я очень надеялся, что посещение этого места подвигнет Белюкина на создание новой картины — в дополнение к «Исходу» — о галлиполийском параде.

В самом Гелиболу от того времени сохранилось немного, но все же стояла здесь и генуэзская башня, в которой размещалась в 1920 году гарнизонная гауптвахта, остались здание офицерского собрания, домик коменданта да двухэтажное здание русской гимназии.

В городе размещались лишь штабы, военные училища, госпиталь... Линейные войска стояли лагерем в долине роз и смерти, куда мы сейчас едем. Разумеется, долина никак не отмечена на современных турсхемах, да и указателей нет. Пытаюсь объяснить водителю, который знает только родной турецкий, где нам надо остановиться:

— Кучук дарья, кучук су... (малая река, малая вода).

Водитель понятиливо кивает головой и вскоре останавливает машину у мостика через полупересохший ручей. Тот самый ли, что был главной водной жилкой для нашего лагеря?

Петраков достает несколько старых фотографий, и мы пытаемся по абрису гор определить место. Пришли к общему выводу, что в целом похоже. Ландшафт за столько лет почти не изменился, разве что на гребне холмистой гряды встала дюжина ветряков, которые нехотя вращали лопастями на слабом ветру.

На снимке есть и ручей, где солдаты умывались и ловили черепах, пополняя свой скудный рацион каким-никаким, а все же мясом. Изучаем ручей... А вон и черепаха шмыгнула из камней в омут. Ага, узнала русских! Не бойсь, не съедим! Черепаха нас развеселила и окончательно убедила, что мы на верном пути.

Ручей Кучук-Дере местами пересох, мы переехали его вброд и двинулись по корявому проселку, выискивая ровное место

под плац-парад. Вокруг, рядами, словно солдаты в каре, стояли подсолнухи. В своих зелено-желтых фуражках, со склоненными головами, они и в самом деле походили на бойцов, вставших на молитву.

Русло сухое, растрескавшееся от зноя. Остановились у источника, совершили омовение. А вокруг, сколько хватает глаз, — помидорная плантация. Сорвали по нагретому солнцем, почти горячему помидору и съели. Долина Роз и Смерти превратилась в долину помидоров и черепах, подсолнухов и ветряков. А еще — ...энцефалитных клещей. На всякий случай осмотрели друг друга.

Взял на память несколько разноцветных камешков с погоста. Жаль, нет рядом Блинова, он бы точно сказал, какие полки и где тут стояли. Надеюсь, что мы еще сюда выберемся. С тем и двинулись в обратный путь.

Вернулись вовремя и даже успели пообедать.

Автобус везет нас на главный мемориал военно-исторической зоны «Оборона Дарданелл». Для турок слово «Галлиполи» звучит примерно так, как для нас «Брестская крепость» или «Сталинград».

Сколько раз видел монумент турецким аскерам с моря! Наши матросы прозвали его «табуреткой». Но вблизи «табуретка» оказалось величественной прямоугольной аркой, открытой на все четыре стороны света. Тут две вертолетные площадки поодаль — для высокопоставленных гостей. Весьма воинственные, даже агрессивные барельефы с батальными сценами. Но что особенно потрясло, так это то, что имена ВСЕХ павших турецких солдат выгравированы на стеклянных надгробиях. Стекла вставлены в мраморные рамы. Хрупкость стекла — эфемерность души, а мрамор — это вечность. Впечатляет. Ни одного «неизвестного солдата», ни одного «пропавшего без вести»...

В Галлиполи долго искали с Петраковым почту, чтобы купить местные марки. Но за евро нам их не продали. Зато поставили штемпели Гелиболу на открытках.

* * *

Насыщенный день клонился к закату. Возвращаемся в порт, в Чана-кале. По Дарданелльскому проливу идут турецкие десантные корабли. Они провели свои учения, а мы — свои мероприятия, не помешав друг другу.

А вот и родной «Одиссей»! Нырять в настуженный полумрак каюты — и застываю в позе убитого аскера. Устал, перегрелся...

* * *

Доклад Фурсова о поп-культуре был более чем интересен. Конспектирую основные мысли. Стиль диско был разработан американскими спецслужбами. В качестве питательной среды взяли субкультуру негритянских гетто: брейк-данс, ритмы в 72 удара в минуту. Дискотека — эшафот культуры.

Рок—крэк—секс — противоядие молодежных бунтов. Варианты: диско—пиво—секс, футбол—пиво—секс. Идет масированная психоинформационная война. Битва за молодежь. Куда и с кем она пойдет, за что положит свои души и жизни?

У мусульман есть вера. Убивать можно за деньги, но умирать за деньги никто не станет. У них есть вера. А у нас?

* * *

Галлиполийцы... Пришли и ушли, образовав особую общность русских людей... А потом вымерли. исчезли, как некое реликтовое племя. И ведь не напишешь им в их турецкую глухомань, не позвонишь в их небытие и не скажешь: «Ребята, братцы, господа офицеры, а ведь мы вас помним и чтим, несмотря на все умалчивания и замалчивания. И больно нам за

то, что вы были изгнаны с родной земли и обоганы. И горды мы вашим стоянием! Простите нас!»

Когда я сказал все это владыке Михаилу, тот ответил:

— И не нужно ни о чем сожалеть. Молиться надо за них. Молитва — это высшая реальность. И лучшая им награда.

Свое «прости» мы сказали сооружением Кургана памяти в Галлиполи.

23 июля. Стамбул

Проснулся рано и вскочил по внутреннему толчку: Стамбул!

Выскочил с фотоаппаратами — и в самый раз: подходим к причалам Кара-Кея. А вон и башня Галаты, мосты Золотого Рога...

Тогда, в 1920-м, это был не Стамбул, а Константинополь. И все наши корабли после крымского исхода прибывали именно в град Константина Великого, даром что турецкую столицу.

Мы почти заканчиваем свой поход там, где они, изгнанники, начинали свое хождение по мукам. Ваше благородие, госпожа чужбина!.. К Стамбулу наш «Одиссей» и корабли Русской эскадры подходили с разных сторон света. Мы из Мраморного моря, они — из Черного.

Читаю записки Нестора Монастырева:

«При подходе к Золотому Рогу нас встретили французские лодманы, которые все четыре подводные лодки поставили у французской военной базы, тогда как все остальные наши корабли проходили на рейд Моде, у Азиатского берега Мраморного моря и там становились на якорь, без права сообщения с берегом. Едва мы успели ошвартоваться и пообедать, как было получено распоряжение идти в баню-поезд, стоявший недалеко от Серкенджи. Сначала были отправлены команда и офицеры, а потом женщины. По возвращении из бани от французского

коменданта было получено приказание в продолжении часа собрать необходимые вещи и всем, за исключением командира, одного офицера и двух матросов, отправиться на рейд Мода, на один из транспортов. Распоряжение это было совершенно непонятно для нас, но, несмотря на протесты, ничего не вышло, так как это исходило от французского адмирала. Бедные женщины под дождем, в грязи, с детьми принуждены были провести несколько часов на катере, пока их доставили на транспорт. Зачем нужна была эта жестокость по отношению к женщинам, осталось неизвестным. Списание офицеров и команды, тоже совершенно ненужное, произвело на меня гнетущее впечатление. Я сразу почувствовал, что положение наше беззащитное и трагическое. Вечером на лодку пришли французские офицеры с приказанием снять рубильники главных электрических станций, окуляры перископов, замки от орудий и сдать оружие. Словом, неизвестно почему, но этим нам, командирам, оставшимся на лодках, выражалось недоверие. Для меня это было оскорблением, и оно было особенно тяжело, после всего пережитого и перенесенного. Но где искать защиты, к кому обратиться. У нас не было ни Отечества, ни правительства. На наши протесты комендант базы отвечал, что это приказание и что он изменить ничего не может. Оставалось только покориться и ждать прихода главнокомандующего, который с адмиралом, командующим флотом, находился еще в Черном море, обходя все порты Крыма, откуда шла эвакуация. Самые черные мысли овладели мною в этот вечер, когда я остался почти один на корабле, который только что жил полной жизнью и вдруг перестал жить. Настроение мое еще усугублялось тем, что я не знал о судьбе моей жены, которая еще раньше уехала из Севастополя, и о которой я в течение нескольких дней не имел сведений. Как ни крепки были мои нервы, но я чувствовал, что это выше моих сил. Что может быть ужаснее потери Отечества, гибель надежды и неизвестность будущего, странная, удручаю-

щая неизвестность. В течение нескольких дней с утра до вечера мимо нас проходили наши транспорта и военные корабли, наполненные войсками. Все они становились на якорь на рейде Мода. Войска испытывали страшные лишения в воде и пище, пока это не наладилось и французское командование снабдило суда водой и хлебом. Здешние «акулы» шныряли между судами в своих яликах, и изголодавшиеся люди готовы были отдать все, чтобы получить стакан воды и хлеб. Нередки были случаи, когда за отсутствием денег несчастные беженцы отдавали свои драгоценности, чтобы утолить жажду и голод».

Сохранилось множество иных воспоминаний о том, как оккупационные власти союзников держали русские суда в карантине, не позволяя ни женщинам, ни детям сойти на берег, и как местные «бизнесмены», торговцы водой и едой, подплывали на своих фелюгах к стоящим на якоре судам и предлагали изнывающим от жажды и голода людям апельсины и бублики за немислимые цены. Рассчитывались с ними порой золотыми серьгами за пару апельсинов, обручальным кольцом за лаваш. Рассказывали мне об этом те, кто прошел через карантинное чистилище Царьграда — и Анастасия Ширинская, и Любовь Евгеньевна Белозерская, вторая жена Михаила Булгакова, хорошо знавшая жизнь тогдашнего Константинополя.

Открываю «Последнюю стоянку» Анастасии Александровны:

«Папа, прибывший в Константинополь раньше нас, снова был на борту “Жаркого”, и мы с ним чувствовали себя снова “дома”. Буся словно поняла, что ей не надо больше прятаться; Люша и Шура почти перестали кашлять. Мне даже удалось объесться сладкими, на бараньем жире приготовленными турецкими пирожными. Несмотря на то, что на большинстве судов был уже поднят желтый карантинный флаг, папа с мамой смогли побывать в городе.

Они вернулись оживленные, почти веселые, и мама рассказывала, смеясь, как папа потерял одну из мягких туфель, которые выдают посетителям при осмотре Айя-Софии. Он стоял на одной ноге, стараясь до нее дотянуться и не решаясь дотронуться до пола необутой ногой из боязни оскорбить мусульманские обычаи. Они были еще под впечатлением от этого города, который для русских всегда был сказочной Византией, а теперь полностью находился во власти союзников, и те жестоко давали почувствовать свою победу туркам, нашим вчерашним врагам, а сегодня нашим сотоварищам по несчастью, которые встречали нас с сочувствием и готовностью помочь.

Оживленный, многонациональный восточный город, блестящие военные мундиры, элегантные туалеты на террасах Перы и Галаты, посольства, эскадры французская, английская, американская — всемогущие в водах Босфора... и рядом столько нищеты!..

На углу одной из улиц родители встретили Серафиму Павловну Раден: она продавала ковер, на покупку которого так долго копила деньги еще на берегах Балтики.

Эта стоянка в Константинополе позволила “Жаркому” обрести свой привычный вид. Все пассажиры с него сошли, и папа с экипажем работал над сборкой машин. Нам оставалось только ждать; не нами решалась наша судьба. Но каким тяжким было ожидание для тех, кто на перегруженных кораблях был лишен самого элементарного удобства! Как размещались они на «Владимире», большом пассажирском дальневосточном транспорте, который, будучи рассчитан на 3000 человек, имел на борту 12 000?! Голод, отсутствие гигиены, начинающиеся эпидемии не позволяли долго ждать. Французское правительство отдавало себе в этом отчет и признавало свои обязательства по отношению к правительству Юга России. Но Лондон... предписал адмиралу де Робеку... полную нейтральность».

Булгаковская пьеса «Бег» была написана во многом по рассказам Любви Белозерской о своей эмигрантской жизни. Благодаря экранизации «Бега» и замечательной игре Михаила Ульянова, Алексея Баталова, Людмилы Савельевой, Владислава Дворжецкого беженцы русского исхода обрели свои яркие зримые образы — Серафима, приват-доцент Голубков, генерал Чарнота, купец Корзухин, Люська... Все они стали почти нарицательными. Не будь их, русский исход представлял бы в сознании как некий безликий людской поток, масса...

Горечь есенинского «Никогда я не был на Босфоре» равнозначна тургеневской ностальгии: «Невозможно ощущать себя русским, не побывав в Париже». Об истоках этой мистической тяги можно только гадать. Может быть, Стамбул живет в нашей крови как память о Царьграде, купели русского православия, и нас тянет туда, как на историческую родину духа, где языческая душа обрела свои строгие византийские узы? Парижская же вольница — другой полюс русской разгульной души...

Возможно, босфорский водораздел между Европой и Азией так манит нас потому, что географическая граница между двумя континентами, утонувшая в просторах России, весьма условна, а хочется зримо убедиться — вот она, Азия, а это вот Европа, вон Анатолийский маяк — это азиатский берег Босфора, а вон Румелийский — это край Европы...

...Стамбул я видел не раз, но чаще всего с борта военных кораблей, шедших через Босфор и Дарданеллы. С моря он открывается как самый настоящий Царьград — величественный и прекрасный, подпирающий остриями минаретов небесный купол, то в звездах, то в сиянии полуденного солнца.

Однажды увидел Стамбул из-под крыла заходящего на посадку самолета: красно-черепичное море крыш с острыми ростками минаретов и пепельно-серыми куполами мечетей. Город бесстрашно позволял тяжелым аэробусам выражать

над своими кровлями. И, слава Богу, слава Аллаху, ни один еще не сверзился на головы стамбульцев! Хотя, честно говоря, жутковато смотреть из иллюминатора, как под выпущенной гроздьёю колес стремительно проносятся дворцы и стадионы, каменные тюрбаны крепостей и нитяные висячие мосты, небоскребы Галаты и арабески шоссеиных развязок, золотые полумесяцы на шпилях и белые тарелки космических антенн... Прекрасен сей град и с моря, и с неба. Но когда с заоблачных высот окунаешься в чрево Стамбула, в его сбегаящие к Мраморному морю торговые кварталы, охватывает легкая оторопь от веселого и крикливого натиска торговцев. Оставь валюту всяк сюда входящий! Оставь ее в здешних лавках, магазинчиках, кофейнях, ресторанах, базарах... Нет, не зря Стамбул называют «азиатским Парижем» — дух веселой неприкаянной свободы царит в его европейских кварталах. Никому нет никакого дела — кто ты и откуда ты тут взялся.

* * *

С утра — свободное время. Автобусами довели до центра. А там — на простор стамбульской людской волны.

Айя-София. В который раз переступаю истертый мраморные порог этого великого храма. Кажется, что ступени растекаются, повинувась струению времени. Мрамор, словно лава, стекает...

Это самая большая купольная постройка в мире. Царь-купол. Но за что главному христианскому храму выпала такая жестокая участь — пять столетий быть турецкой мечетью? Может быть, за то, что строили его на несправедные деньги? Налог для жителей был столь велик, что матери отводили своих дочерей в лупанарии, чтобы наскрести на храмовую лепту.

Только здесь ощущаешь всю глубину трагизма Византии. Над алтарем-михрабом сияет лик нестертой Богородицы, а значит, алтарь все же остается алтарем...

* * *

Наш поход — экспедиция в память — проходил не только по морю, но и по суше. Группа военных историков во главе с Михаилом Блиновым высадилась в Бизерте за трое суток до нашего прихода. И если бы не наше опоздание, не жесточайший дефицит времени, нас ожидала бы поездка в Сфаят, где размещался 90 лет назад русский Морской корпус, нас ожидала бы экскурсия по старой Бизерте. Блинов еще в Москве разработал несколько маршрутов, покорпев над пожелтевшими картами и фотографиями. Теперь он переместился на север, в Турцию и готов был и там поводить нас по местам, о которых мы знали только по книгам. Этот удивительный человек, бывший офицер-инженер, являл интереснейший тип историка-практика, который обследовал исторические места с дотошностью криминалиста. И в Бизерте, и в Галлиполи, и в Стамбуле он находил дома (или места, где они стояли), в которых жили те или иные деятели русской эмиграции, поля, где стояли русские полки, следы уничтоженных памятников. Он не довольствовался только архивными документами, ему важно было все промерить своим ногами, прошупать своими руками, осмотреть своими глазами. Так, в том же Галлиполи он нашел единственный, быть может, след железной дороги-узкоколейки («декавильки», как называли ее французы), которую проложили солдаты и юнкера генерала Кутепова из порта в Долину Роз и Смерти. На каменном арочном мосту через полупересохшую речушку Буюк-Дере он заметил, что столбики ограждения сделаны из обрезков старых узких рельс. Это были редчайшие материальные следы пребывания русских войск, которые чудом сохранились здесь с 1922 года.

Иногда казалось, что Блинов не просто знал о Белом движении все, что о нем можно знать, но и сам в нем участвовал — эдакий хрононавт, путешественник во времени, приписанный к Дроздовскому полку, чьи погоны и форму

носил он, как член военно-исторического клуба, в особо торжественных случаях.

* * *

Обратно в Каракей пошли пешком вместе с Дмитрием Белюкиным и Ириной Желниной. Шли по трамвайным путям. Пути вывели прямо к Мосту. Удивительное место — самое наистамбульское. Если на холмах Софии все еще дух Константинополя, то здесь — путь в чрево Истамбула. Толчея катеров, мотоциклов, людей, трамваев. Гудки пароходов, то причаливающих, то столь же стремительно отваливающих, стрекот вертолетов над головой, пронзительные трамвайные звонки, рокот самолетов, виражирующих над городом, бульботня подвесных моторов, крики торговцев... И рядом, в уголке близ вокзала, заросший зеленью старинный паровозик 1884 года... Памятник поезду-призраку? Нет, это локомотив легендарного «Восточного экспресса».

Вошли на нижний ярус моста и, не избежав искушения, присели за столик. Заказали турецкие салаты, йогурт и рыбу. Выпили по бокалу вина и... уличили официанта в жульничестве, внимательно просмотрев счет. Пытался объегорить нас на 12 лир. В качестве извинения пообещал принести кофе. Но дожидаться мы не стали. В Стамбуле ухо надо держать востро!

Мост уставлен вазами с тюльпанами и розами, а над ними свешиваются удочки рыбаков...

О, чудо — встречаем на мосту Михаила Блинова! Даже если бы договорились заранее, и то так удачно бы не встретились. А тут как по заказу! Блинов не в первый раз в Стамбуле: изучая жизнь русских эмигрантов, он исходил Галату и припортовый район вдоль и поперек. И теперь нет у нас лучшего гида, чем он. Уходим вслед за Блиновым в узкие высокостенные улочки, загроможденные выносными прилавками, тележками, мотоциклами, коробками с товарами...

— Они расселялись в этих местах, снимая комнату порой одну на четыре семьи, — рассказывал Блинов так, как будто он только что вернулся из 1920 года. Зашли в кофейню, в которой частенько сживали бывшие поручики, есаулы, полковники. Кофейне, если верить рекламному щиту, свыше четырехсот лет, и она одна из самых старых в Стамбуле. Через кофейный дымок и сизые струйки кальянных углей я пытался перенестись в то время, увидеть лица тех моих соотечественников, ради которых предпринят этот поход, ради которых мы находимся здесь, в Стамбуле... Судя по всему, Белюкин пытается сделать то же самое. Хорошо бы увидеть его новую, задуманную, быть может, именно сейчас картину: «Эмигранты в кофейне» или что-нибудь в этом роде. Но как же не хватает для его триптиха «Парада в Галлиполи»! Я почти вижу эту картину.

Блинов ведет нас в трущобы Каракёя, обещает показать то, чего мы никогда без него не увидим. И в самом деле, мы, как вкопанные застываем перед чудом сохранившимися на каменной стене полустертыми буквами «РУССКАЯ ТОРГОВАЯ». Да это же с тех времен! А рядом еще какие-то надписи, уже не читаемые от копоти и пыли.

Пройдя квартал-другой, останавливаемся перед дверями старого шестиэтажного доходного дома, на которых табличка на русском и греческом: «Церковь Святого Пантелеймона. 6 этаж».

Поднимаемся по полутемной винтовой лестнице с широкими площадками на шестой этаж. Двери в храм распахнуты. Бедно, скромно, но благочестиво.

— Вот сюда они молиться ходили, — шепотом поясняет Блинов. И больше ничего пояснять не надо... Все остальное доскажут эти намоленные за двести с лишним лет иконы и эти восковые свечи, воткнутые в песок. Стоим перед ликами, перед которыми стояли наши герои, и именно тут-то и возникает

эффект духовного зеркала: они и мы отражаемся через эту икону Спасителя, отражаемся друг в друге...

Ну, интересно в Стамбуле день-другой-третий. А как же потом, как жить здесь, зная, что это надолго, что это безвозвратно домой, на родину? Как же осточертеет эта крикливая восточная пестрота через неделю-месяц-год? Уж если сейчас так в Севастополь хочется, как же тогда им хотелось?!

Листаю книгу Любви Евгеньевны Белозерской:

«Многие называли Константинополь Клопополь. Я от себя добавлю — Крысополь... И все-таки красивейший город с неповторимой архитектурой. А закаты? Какие закаты! И это необыкновенное розово-лавандово-опаловое небо, пронзенное свечами минаретов... Все же по Босфору на каике мы проехали... Вода здесь фосфоресцирует. Мне нравилось опускать руки за борт каика и следить за таинственной мерцающей дорожкой, убегавшей из-под моих пальцев... Затем я повезла Василевского в Эюб.

На “Золотом Роге”, там, где европейские “Сладкие воды” (извилистая тенистая речушка, каких в России тысячи тысяч), расположено священное место Эюб. По преданию, здесь, в часовне из голубых изразцов, хранится особо чтимая святыня — меч Магомета. И короноваться сюда ездили султаны.

Недалеко от ворот, под пологом необыкновенной красавицы-чинары, своей кроной закрывающей почти весь двор, сидят бородатые продавцы четок.

Полный, полный провал...

Черная дыра. Ни денег, ни перспектив. Муж курил папиросу за папиросой, переживая свою неудачу: своими руками отдал жулику последние свои гроши... Ему, Василевскому, и в голову не могло прийти, что его как мальчишку обманет его приятель. Акционерное общество, издательство! Кому нужны в Константинополе книги? В этой “передней Европы” жить могут только жулики. Все продают и за все получают процент. Спросите, где

аптека, скажут адрес и тут же добавят: “Скажите провизору, что я (следует имя) вас прислал. Он знает”. Эту фразу: вы слышите десятки раз на дню. “Не забудьте сказать, что от меня. Там знают...”»

...Мы пошли по Галатской пристани и свернули наугад в первую улочку и попали в галатские притоны, которые тянутся по обе стороны улицы. Это целый квартал проституток самого низшего разбора—для портовых грузчиков и матросов. Каменная ступенька ведет к дверному проему, закрытому занавеской. Завешенное окно — без рамы и стекол. Внутри берлоги с тюфяком — «ложе любви». На ступеньке сидит «товар». «Товар» в большинстве своем страшный: старые и грубо намалеванные женщины. Они что-то нам кричали, слава Богу, непонятное...

Зловещее впечатление осталось не только от галатских притонов. В описаниях Востока часто рассказывается об оживленных крытых базарах. Но «Большой базар» — «Гран-базар» — «Капалы Чарши» в Константинополе, наоборот, поражал своей какой-то затаенной тишиной и пустынностью. Из темных нор на свет вытащены и разложены предлагаемые товары: куски шелка, медные кофейники, четки, безделушки из бронзы. Не могу отделаться от мысли, что все это декорация для отвода глаз, а настоящие дела творятся в черных норах. Ощущение такое, что если туда попадешь, то уж и не вырвешься...

Аркадий Аверченко сказал: «Жестокий это боксер — Константинополь. Каменеет лицо от его ударов». Лучше не скажешь...

В это же самое время на финских берегах другой русский эмигрант, Игорь Северянин, писал кровью сердца исповедное:

Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?

Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить —
Россию нужно заслужить!

* * *

В 16 часов едем автобусами в Буюк-Дере — на загородную дачу некогда российского посольства, поставленную здесь еще в XIX веке. Нас принимают сотрудники генконсульства, да еще наш посол Владимир Евгеньевич Ивановский из Анкары приехал. Событие все-таки неординарное в культурной жизни не только посольства!

Прием в Буюк-Дере начался с молебна в домовом храме. Жарко. Наши пастыри едва держатся на ногах, но стоически переносят тяготы походной жизни.

Понимаешь, что и генконсульство сейчас иное, и сотрудники, разумеется, другие. Но есть память места. И в ней живет благодарность к этим стенам, за то что они приютили в лихолетье России сотни ее граждан, дали временный кров, помогли, чем могли, устроить дальнейшую жизнь. Наследники той благодарной памяти — нынешние сотрудники российского посольства в Анкаре и генконсульства в Стамбуле. Вольно или невольно испытываешь к ним самые теплые чувства. Как бы они ни были загружены чиновничьими делами своего ведомства, они все же помнят, стараются помнить о вратах русского исхода, о тех, кто прошел в них, о том, чем был для них этот островок русской земли на Туретчине.

У меня эти чувства подогреты вдвойне. Летом 1996 года я приехал сюда со своими друзьями-соратниками: военным историком Владимиром Лобыцыным и моряком-подводником капитаном 1-го ранга Сергеем Кубыниным. Дело, которое привело нас тогда, было совершенно особенным.

Сначала эта сенсация выглядела так: в Босфоре нашли русскую подводную лодку. Потом, ограниченная фактами, она приняла вполне достоверный вид, что ничуть не умалило трагедии, разыгравшейся в мае 1917 года почти без свидетелей: русская подводная лодка «Морж» подорвалась и затонула в босфорском заливе Буюк-Лиман со всем экипажем. Береговой пост турецкого флота заметил взрыв, и к месту гибели субмарины вышел буксир с немецкими офицерами на борту. Капитан Кох обнаружил на плаву куски нескольких тел. Их подняли, по уцелевшим документам определили, что это командир подлодки старший лейтенант Альфред Гадон (немец на русской службе), инженер-механик и матросы. Капитан Кох взял на себя труд предания земле останков русских моряков. Подводники «Моржа» были опущены в братскую могилу с воинскими почестями, под духовой оркестр. Как ни странно, но в Стамбуле их похоронили на русской земле: лесной участок на берегу Босфора был куплен для дачи российского посольства еще в екатерининские времена.

После Первой мировой войны с восстановлением дипотношений Турции с Советским государством сюда вновь вернулись дипломаты. Но кому из них было дело до могил «царских моряков» в глухоманном углу дачного парка?

Лишь два россиянина услышали эхо того глухого взрыва на Босфоре — спустя семь десятилетий. Капитан 2-го ранга Игорь Столяров и исследователь флотской старины Владимир Лобыцын — именно они начали труднейший архивный поиск со множеством неизвестных. Впрочем, множество неизвестных определялось довольно точно — 42, сорок два человека погибли на «Морже» в том роковом походе. Сорок два имени установили энтузиасты, а мастера московской фирмы «Вланд» бескорыстно выбили их на бронзовой доске. Десятки писем и сотни лобыцынских звонков, факсов

различные инстанции — МИДовские, флотские, церковные — привели к тому, что генеральное консульство РФ в Стамбуле положило на забытые могилы мраморные плиты и установило обелиск с бронзовой доской. Открывать памятник прилетела из Москвы небольшая делегация во главе с В. Лобыцыным, в нее входили также три священника, благословленные Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, моряк-подводник капитан 1-го ранга Сергей Кубынин и автор этих строк.

В торжественной церемонии приняли участие тогдашний Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Турции Вадим Кузнецов, тогдашний Генеральный консул России в Стамбуле Леонид Манжосин, многие сотрудники посольства и генконсульства вместе с женами, детьми. Недоумение вызвало лишь то, что из Анкары не приехал российский военно-морской атташе, который по долгу службы обязан был присутствовать на подобном мероприятии.

Капитан 1-го ранга Сергей Кубынин сам пережил трагедию гибели подводного корабля: в 1981 году, будучи старпомом на подлодке С-178, затонувшей в Японском море на глубине 36 метров, он на вторые сутки пребывания на грунте сумел выпустить через торпедный аппарат 26 уцелевших моряков, покинув корабль, как подобает командиру, последним. В назначенный час под звуки российского гимна Кубынин снял полотнище Андреевского флага с белой мраморной плиты, поставленной в память экипажа «Моржа». И в тот момент, когда священники начали панихиду «по воинам, положившим жизни на морях за веру и Отечество», над Босфором заревел густой бас какого-то судна, шедшего через пролив. Не хотелось думать, что это всего лишь случайность, — так удачно он впелся в поминальный ритуал.

— Сие знамение Господне, — сказал потом седобородый отец Герасим, настоятель храма при Академии Генерального штаба. — Богоугодное дело сделали, вот небеса и откликнулись.

* * *

За четыре года Первой мировой войны Черноморский флот России потерял всего лишь одну подводную лодку — «Морж». Это был последний русский корабль, погибший в нашей последней войне с Турцией.

Генеральный консул России в Стамбуле Л. Манжосин, обращаясь к аудитории, состоящей из представителей турецкой и российской общественности, сказал:

— Почему-то историки все время ведут подсчеты русско-турецких войн. Но ведь за пятьсот лет дипломатических отношений между нашими странами на вооруженные конфликты приходится всего лишь 23 года. Что же мы делали остальные четыреста семьдесят семь лет?

Аудитория задумалась, а потом зааплодировала.

* * *

На верхние могилы мы не пошли — недавний ливень размыл тропу. Провели панихиду у нашего памятного знака. Потом положили цветы и венки, я поставил в вазочку только что срезанные садовником розы.

Ко мне подошел старший советник генконсульства Хапилов с женой Ольгой. Они жили в Североморске, и сразу пошли общие воспоминания, поиски общих друзей и знакомых...

Подошел к нам наш посол Владимир Ивановский. Обнялись — он и земляк мой, и моряк в молодые годы...

А потом дали знать о себе наши артисты. Ирина Крутова начала концертную часть с любимого романса «Белая акация»...

«Боже, какими мы были наивными...» Ну и конечно же, как на заказ — «Гори, гори, моя звезда...».

А над Стамбулом сияло июльское полнолуние!

* * *

Отошли от стенки Каракея после полуночи. Снимал ночной Стамбул — мосты, мечети, крепости... Прекрасен ты, Царь-град!

Крепость Константина Великого. После Великой Китайской стены — 2-е место в мире по длине и толщине стен — 22 километра. Но пал Константинополь, ибо не стены — главная защита города.

В городе сейчас проходит международный фестиваль: «Стамбул 2010 года — столица европейской культуры». Вот так вот! И не меньше... А как иначе? Царь-град все-таки, столица Византии...

24 июля. Черное море

Ходовой день. Но отдыха не предвидится. В 9.30 мое выступление «Тайны крымских расстрелов». Трудная тема, горькая... Готовился с вечера, как студент, конспект писал, фото подбирал... И вроде бы ничего — получилось. Народ подходил, в основном зарубежный, потомки русских офицеров, говорили благодарные слова.

А передо мной выступал Дмитрий Белюкин, рассказывал историю создания своего шедевра. «Белая Россия. Исход».

Черное море, вроде на север идем, а прохлады никакой — пекло. В Москве, говорят, еще хуже... В Севастополе, надо полагать, тоже палит немилосердно.

Завтра в 6 утра приходим в Севастополь.

Утром фотографировался на палубе в тельняшке и тропической пилотке. Попросил пожилого господина нажать на

спуск. Он снял, а потом представился: генерал армии, бывший директор ФАПСИ Матюхин.

Вот так знакомство! Посидели за столиком, выпили по чашечке кофе. Подобная же история произошла года три назад во французском Бресте. Попросил незнакомого господина сфотографировать рядом с карликовой немецкой подводной лодкой «Зеехунд». А господин оказался ее бывшим командиром Алленом Гудманом.

Показал Вилинбахову проект ордена Св. Федора (Ушакова). Забраковал (уйти от аллюзии Георгиевского креста) и вручать никому не советовал. А жаль...

Фотографировались всем «офицерским собранием». Потом пошли в ходовую рубку благодарить капитана «Одиссея». Вручили и ему медаль «За морскую доблесть».

* * *

После благодарственного молебна подводили итоги похода.

Мне поручили вручать знаки нашего морского паломничества. Вручал Владимиру Якунину, владыке Михаилу, князю Трубецкому вручил знак и медаль «За морскую доблесть». И самое трогательное — вручил знак Ростиславу Дону! К его детскому кресту (который повязали ему при крещении) теперь добавился и крест Андрея Первозванного: 90-летняя жизнь — от креста до креста.

Шампанское от капитана по случаю успешного завершения похода.

Судовой бассейн уже закрыли. Черное море, идем на север, а прохлады никакой.

Паковал чемодан, увесистый от книг и альбомов. День пролетел в суете...

Вечером в моей каюте собрались на «отвальную» господа офицеры вместе с Виктором Петраковым. Нелюбов нарезал

сало и лук. Я достал турецкие оливки и вино. Разлили у кого, что было. «За поход!» Вручили Сереге Горбачеву медаль «За морскую доблесть» — наш главный знаменосец, привез с собой флаг от севастопольского Морского собрания.

25 июля. Черное море

Поднялись в 5 утра. Вышел на палубу — Севастополь! Павловский мыс. И корабли Черноморского флота в парадном строю. Ближе всех к «Одиссею» стоит почти 100-летняя старушка «Коммуна» (бывший спасатель подводных лодок «Волхов»). Будто специально для потомков моряков императорского флота поставили. Салют из прошлого!

Долго проходили украинский погранконтроль. Всего два поста на 300 человек. Ни итальянцы, ни тунисцы, ни мальтийцы, ни греки, ни турки не всматривались в наши лица так сурово и пристально, как нынешние стражи родного Севастополя. Пройдя сквозь кордоны, сразу же на Графскую пристань — благо она рядом. А там уже поджидали нас венок для возложения, транспарант с приветствием участникам похода и председатель севастопольского Морского собрания Владимир Стефановский.

Жаль, что в этот финальный момент, весьма важный в ритуальном плане, произошел сбой: большая часть наших походников так и осталась на площади, а вниз, на Графскую пристань, спустились немногие...

На бетонной стене мемориальная доска, поставленная несколько лет назад стараниями Стефановского: «В память о соотечественниках, вынужденных покинуть Родину в ноябре 1920 года».

А к ней в качестве комментария страничка из книги Анастасии Ширинской:

«Вспоминая об этих последних севастопольских днях, я, как на большой картине, вижу толпы людей, куда-то озабоченно

стремящихся. Не помню ни паники, ни страха. Может быть, оттого, что мама умела в самые драматические минуты сохранять и передавать нам, детям, свое спокойствие. А скорее всего, она умела скрывать собственный страх. До последней минуты мы не знали, как уедем. “Жаркий” стоял в доках с разобранными машинами. Папа получил приказ его покинуть и перевести экипаж на “Звонкий”. Папиному возмущению не было конца. “И не говорите, что я потерял рассудок! Я моряк! Я не могу бросить свой корабль в городе, в который входит неприятель!”

Пока все грузились, мы сидели дома, а папа упорно добивался в штабе, чтобы миноносец был взят на буксир. На все аргументы у него был ответ: “Машины разобраны, а мы уходим через три дня? Я остаюсь без механиков, которые не хотят покинуть Севастополь? Я найду людей, мы сами соберем машины в дороге. Я прошу только, чтобы меня взяли на буксир”

После разговора с Кедровым он добился своего. Вернувшись на “Жаркий”, не теряя времени, он послал людей вернуть с заводов отдельные части разобранных машин. Это было самое спешное. Надо было также снабдить корабль самым необходимым: хлебом, консервами, нефтью... Надо было брать все, что возможно, в портовых магазинах, так как в дороге ничего нельзя будет купить: бумажные деньги окончательно теряли свою стоимость.

30 октября мы узнали, что “Жаркий” будет взят на буксир “Кронштадтом”, большим кораблем-мастерской. Оставалось только надеяться, что после долгой стоянки он сможет поднять якорь, давно заржавевший и покрытый морской травой». Якорь подняли...

* * *

Вот и встретились начальные и конечные точки Исхода и Похода... Встретились на палах севастопольской Минной стенки. Мы пришли, а они все еще уходят отсюда в свое 90-летнее изгнание...

Нестор Монастырев: «Утром 1 ноября (1920 г. — Н.Ч.) нашел густой туман, рассеявшийся к 9 часам. Солнце осветило опустевший Севастополь. Церковный благовест Владимирского собора доносился до нас. Он отдавался в душе невыразимой болью чего-то потерянного и может быть ушедшего навсегда...

Корабли медленно, один за другим выходили в море. Оно было тихо и приветливо. Для нас оно было тем последним, что могло утешить и облегчить нравственные переживания. Последний раз перед нами сверкали в лучах солнца кресты церквей и исторические, дорогие русскому сердцу памятники Севастополя. Не одна слеза упала в этот тяжкий, незабываемый момент. Прощай, родной Севастополь, прощай, колыбель Черноморского флота. Неумолимая рука истории братской кровью еще раз на твоих твердых начертала огненные слова. Ты был последним оплотом, где билось русское сердце, где упала последняя капля крови измученного, страдавшего бойца, предпочтшего тернии изгнания — красному плену.

Море было спокойно. Легкий ветер покачивал лодку той плавной качкой, которая способна успокоить нервы и дать отдохнуть душе от грустных и невеселых переживаний. Солнце пригрело. Наши дамы, невольные пассажиры на подводной лодке, вышли наверх подышать свежим воздухом, которого так недоставало внутри. От мыса Феолент мы легли на так хорошо знакомый нам за время войны курс. Сколько раз я прошел этим курсом, не запомнишь, не пересчитаешь. Но как различно было чувство, переживаемое тогда, полное горделивых порывов и фантастических мечтаний, от того, которое испытывал каждый из нас в этот день. Быстро уходили от нас берега красного Крыма, цветущего, богатого сада России. Вот уже не видно их больше. Одна верхушка Ай-Петри еще долго блистала на солнце своим снежным покровом, как будто глубже и ярче хотела врезаться в память, оставив надолго след... Но скоро скрылась

и она. Ничто больше не связывало нас с родным берегом. Одна лишь больно ошутимая мысль была невидимой связью, нитью, которая не хотела рваться. Каждый из нас хватался за нее, как утопающий за соломинку, надеясь вернуться и снова увидеть родные леса, степи и хутора.

К нашему счастью, погода продолжала быть хорошей и женщины и дети не страдали от морской болезни. Иначе это могло быть кошмаром. Внутри лодки не было места, все сплошь было занято. Все каюты и кают-компания были отданы для женщин, и все-таки места не хватало, часть из них принуждена была спать на палубе кают-компании. Офицеры и команда ютились, где кто мог. Наверху с мостика можно было видеть направо и налево, впереди и сзади транспорта, идущие к Босфору. Это был какой-то исход, невиданный, не имевший до того места в истории народов».

* * *

Надо же так угодить, будто специально — мы пришли в Севастополь в день главного городского праздника — День Военно-Морского флота. По этому поводу на Графской пристани стоят матросы в белоснежной форме. А на рейде — боевые корабли нынешнего Черноморского флота. И мимо них прошел наш «Одиссей». Жизнь — гениальный режиссер. Такой финал для нашего похода просто невозможно ни придумать, ни специально организовать. Но те, кого мы поминали каждый день в этом походе, они это сделали! Тут никаких сомнений быть не может! Сделали хотя бы ради одного человека — ради Ростислава Дона, который только что вступил на землю, на которой родился 90 лет тому назад. Это тоже придумала жизнь. Но жизнь же и огорошила нас всех финалом этой истории. Ростислава Дона в Севастополь не пустили! Украинские пограничники не нашли в его паспорте каких-то штампов, отметок. И как их не упрашивали, не объясняли

им ситуацию — ничего не помогло. Драма этого 90-летнего человека еще не окончена. Он только смог постоять на причале морского вокзала перед решеткой, преграждавшей путь всем иностранцам, которые не прошли паспортный контроль. Но все же стопы его коснулись севастопольской земли. Вот такая вот финальная точка, точнее клякса, получилась в такой торжественный день...

Руководство похода и почетные гости отправились на смотровую вышку по приглашению комфлота, а мы двинулись на автобусную экскурсию на Сапун-гору.

Вот и дошли мы от Акрополя до Сапун-горы... С ее вершины видно то поле, на котором погиб цвет британской кавалерии. Бригада лорда Кардигана получила неверный приказ и поскакала отбивать захваченную русскими батарею. Но не туда. И нарвались на позицию русской батареи. Картечный залп почти в упор скосил большую часть всадников, а захваченная батарея ударила во фланг. До сих пор в Англии спорят, кто виноват и в чем крылась роковая ошибка.

Музей на Сапун-горе: пенсне генерала Петрова, фуражка адмирала Октябрьского, летные очки Острякова... Сталин не любил Петрова. «Эмка» генерала Петрова стоит в одном ряду с танками.

Памятник 51-й армии. Ею командовал генерал Кузнецов, тот самый, что и 3-й армией под Гродно в 1941 году.

Едем по городу, узнаем чудные вещи: шпиль на Матросском клубе делали для высотного здания Варшавы. Но он оказался маловат. Тогда его привезли в Севастополь. Но тут он высоковат и толстоват... Лабораторное шоссе... Здесь снимали фильмы «9-я рота» и «Кавказская пленница»...

Старое название улицы Пожарова более точное — Кладбищенское шоссе. Здесь четыре кладбища — православное, татарское, караимское и еврейское.

Турки возродили свое кладбище под Севастополем.

Когда Византия пала, то по благословению Федора Студита монахи ушли в Таврию, где основали монашескую республику — Таврический Афон — в пещерах и горных монастырях.

Римляне запрещали рабам есть грецкие орехи — чтобы не поумнели.

* * *

Херсонес встретил наше шествие колокольным благовестом. В нижнем храме поставил свечу за Марину и всех наших. Следом за нами в храм прошел Юрий Лужков с весьма озабоченной свитой и командующим флотом. Лужков приехал на день ВМФ.

У храма толпились местные казаки в черных гимнастерках и казачки. На рукавах шевроны — «Верное казачество». Одна из казачек везла коляску с больным, неходячим, мальчиком. Есаул достал из нагрудного кармана мобильник и стал звонить.

Запустение не всегда бывает мерзостью. Здесь, в древнем, неогламуренном Херсонесе, я успел застать прелесть запустения. Все было покрыто пылью веков и все было окутано флером подлинной древности...

Нынешний Херсонес, прибранный и ухоженный, полыхал, как прежде, июльским зноем, полынной горечью, морской синевой и слепящим солнцем. Под огромными тентами был накрыт прощальный обед. Но и сквозь белую ткань солнце все равно припекает.

Уже созрела мирабель...

Прямо из-за стола ушли с Латыниным на берег и, недолго думая, искупались. Народу — больше, чем медуз в воде. Вода теплая, но все же слегка освежились. Да еще омылись пресной водой в туалете.

Моя любовь к Севастополю началась именно с Херсонеса, с плавания по затопленным руинам с маской... Это было в 1975 году... Ровно 35 лет назад... А по всей России — небывалая

сушь и небывалое пекло. От такой жары в Москве скоро прорастут пальмы. Но пока что столицу затянуло белесым дымом горящих торфяников.

Подоспели к арбузу. Рядом с нами сидит Артем Тарасов, первый российский миллионер. Теперь он работает в РЖД. Рассказал нам о проекте «Фрау Мария» — проекте подъема затонувшего в XVIII веке парусника с картинами для Екатерины и прочими сокровищами.

— Смотрите, наш «Одиссей» уходит!

Все поднялись из-за столов и стали смотреть в море. Там, в голубой синеве, белоснежный лайнер створился с лежавшим в дрейфе большим противолодочным кораблем. Защемило сердце — вот и закончился наш небывалый поход, наше морское паломничество...

Из Херсонеса вышли на Древнюю улицу, сели в автобусы и отправились на открытие памятника святителю Николаю на Свято-Никольскую площадь (это в Камышовой). Тоже ведь промыслительно! Не кому-нибудь — а моему ангелу — да еще после такого похода.

Проехали мимо ресторана «Белая гвардия». Эх, вот куда, хотя бы на кофе, надо было бы сводить потомков офицеров Белой гвардии!

* * *

Свято-Никольская площадь. Огромная толпа вокруг затянутого тканью бронзового монумента. Стояли на молебне все те же «верные казаки» у недостроенного храма.

Благочинный окроплял толпу. Так хотелось попасть под капли летящей святой воды! Запомнились слова из псалма: «Нищетою богатеем...» Вот уж точно, вот уж про нас...

Ну вот и последнее деяние нашего похода: памятник покровителю моряков в городе русской морской славы открыт. В правой руке святитель держит меч, в левой — храм.

Автор памятника — сын известного русского скульптора Вячеслава Клыкова — Андрей Клыков.

Памятник святителю Николаю архиепископу Мир Ликийских передан в дар городу Севастополю Центром Национальной Славы, Фондом Всехвального Апостола Андрея Первозванного... О том возвещает бронзовая доска, переданная владыке Михаилом Якушевым.

Еще одна приятная новость: в Севастополе названа площадь в честь комбата Победы — Степана Неустроева. Две знаковые фигуры в той войне: майор Гаврилов в Бресте и капитан Неустроев в Берлине... Первый закончил свой жизненный путь в Краснодаре, второй — в Севастополе.

Все расселись по автобусам — едут в Симферополь, в аэропорт, а я остаюсь в Севастополе еще на несколько дней. Подхожу попрощаться к владыке Михаилу. Он благословил, и я зашагал в сторону Казачьей бухты...

* * *

Что мы ждали от этого похода? Приобщения к эмигрантским судьбам? Постижения новых истин? Пройти, увидеть и понять... Что-то понять в том кошмарном хаосе, который называется «Гражданская война»? Наверное, все вместе. Ведь каждый из участников похода вез с собой свою правду, свое понимание и готов был поделиться своими знаниями, опытом, материалами, фотографиями... Они вернулись — волной памяти.

Ты с Россией убит!
Видно, так суждено!
...Вот закат догорел —
Тут не судят давно,
А ведут на расстрел,
Тут расклад очень прост —

Вот приказ — приговор!
Если роскошь — погост,
Не ко времени спор,
Подойдет и лесок
Или маленький сквер —
Чаще, пуля в висок,
Если ты — офицер,
Если носишь кресты,
Если служишь царю!
Коль со смертью на «ты»!
Погляди на зарю,
Палача не вини.
Попроси — «Помолюсь!»
Разрешит — помяни
Ошалевшую Русь.

...Не в атаке убит,
Не на полном скаку!
Не строчил пулемет,
Не гремело — «Ура!»
Нет прославленных рот —
Разбежались вчера!
А палач — господин,
Он от кровушки сыт!
Ты убит не один —
Ты с Россией убит!

«НИКОГДА БОЛЕЕ!»

КО ВСЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РУССКОГО МИРА

**Обращение участников Морского похода,
проходившего с 14 по 25 июля 2010 года по маршруту
исторической памяти Бизерта — Мальта — Пирей —
Лемнос — Гелиболу (Галлиполи) — Стамбул
(Константинополь) — Севастополь**

Девяносто лет назад, в трагические дни ноября 1920 года, прошла эвакуация из Крыма более чем ста пятидесяти тысяч русских граждан — военнослужащих Русской армии и гражданских беженцев. Дальнейшая судьба этих не по своей воле лишенных Родины людей состояла в рассеянии по всему миру. Впоследствии многие из наших соотечественников внесли свой вклад в развитие культуры, социальной и государственной сферы иных стран.

Жизненные драмы людей, покинувших Родину и оставшихся, стали одним из самых печальных итогов Гражданской войны в России. Памяти о них посвятили мы наш Морской поход. Сегодня эта память обязывает нас со смирением извлекать тяжелые уроки из того лихолетья и сделать вместе всё, чтобы впредь Отечество наше никогда более не оказалось перед угрозой исчезновения, а народ — перед лицом утраты собственных родовых корней.

Участники морского похода заявляют:

«Выдвижение и воплощение в жизнь идеи раскола народа России на противоборствующие гражданские части, противопоставление их друг другу во взаимной борьбе на уничтожение есть грех преступного покушения на единство и целостность русского государственного бытия.

Гражданская война есть следствие совокупного греха всех слоев российского общества. Его повторение может стать причиной нового витка социальных противостояний, размывающих связующие основы народной жизни и превращающих единый народ в разрозненное население.

Залогом тысячелетнего поступательного движения и главной цивилизационной основой России всегда была, есть и будет Православная традиция. Другие традиционные религии России всегда вносили и будут вносить свой вклад в созидание русской цивилизации.

Угасание религиозного духа в народе и усвоение обществом чужеродных антидержавных идей подрывают народные силы и приводят в конечном итоге к гражданскому расколу, разрушению культуры и упадку цивилизации.

Не допустимы — никогда более! — любые попытки радикальных преобразований жизни общества путем физического уничтожения одной его части другими его частями. Такие ухищрения основаны на лживой идее о возможности достижения благих целей преступными средствами.

Государственное единство народа России есть величайшая ценность. Святой долг всех верных ей сынов и дочерей самоотверженным и добросовестным служением сохранять без ущерба эту ценность для будущих поколений.

Наше Отечество возвращается к самым истокам своего жизнеустройства и обретает прочное духовное и нравственное основание своего будущего. Мы совершаем наш Морской поход в преддверии знаменательного события — годовщины

начала русской государственной истории, 1150-летие которой наступит в 2012 году. Надеемся, что наш поход послужит делу обретения членами Русского Мира единства, подлинной гражданственности, основанной на высоких духовных идеалах ответственности, самопожертвования, трудолюбия и любви к ближнему во имя сохранения традиции великой российской государственности.

24 июля 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СЛЕДАМ «СВЯТОГО ГЕОРГИЯ»	3
БРАСЛЕТ АДМИРАЛА ШАСТНОГО	134
«ОСКОЛОК ИМПЕРИИ» (Рассказ)	155
ИЗ «РУССКОГО КАРФАГЕНА» С ЛЮБОВЬЮ	166
ИСХОДЪ И ПОХОД (Из путевого дневника)	180
«НИКОГДА БОЛЕЕ!»	348

Научно-популярное издание

Морская летопись

Черкашин Николай Андреевич

ПОСЛЕДНЯЯ ГАВАНЬ БЕЛОГО ФЛОТА

От Севастополя до Бизерты

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 25.02.2015. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «LazurskiC». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 11. Тираж 1500 экз. Заказ № 2632.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

Морская летопись

Новую книгу известного писателя-мариниста Николая Черкашина открывает документальная повесть о тяжелом и опасном переходе капитана И.И. Ризнича и его команды на подводной лодке «Святой Георгий» из Италии в Архангельск в 1917 году. Один из разделов книги — «Исходь и поход» — посвящен русской военной эмиграции, точнее русскому Исходу в 1920-м и более поздних годах. В ее основу положен путевой дневник автора, написанный во время уникального Морского похода по местам русского рассеяния, который прошел в 2010 году в Средиземном море под эгидой Фонда Всехвального Апостола Андрея Первозванного.

ISBN 978-5-4444-2794-1

9 785444 427941

